

Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология

Общая психология / Психология личности / Психофизиология / Педагогическая психология / Социальная психология / Возрастная психология / Коррекционная психология / Дефектология / Общая педагогика

Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология

Рецензируемый научный журнал

eISSN 2658-7165

Издаётся с 2017 года

Периодичность – 6 выпусков в год

DOI: 10.23947/2658-7165

Учредитель и издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Целью журнала является содействие распространению нового и актуального научного знания в области психологии, педагогики, дефектологии путем публикации научных работ, выполненных и подготовленных к публикации в соответствии с международными издательскими стандартами.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК) по следующим научным специальностям:

- 5.3.1 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
- 5.3.2 – Психофизиология (психологические науки)
- 5.3.2 – Психофизиология (биологические науки)
- 5.3.4 – Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
- 5.3.5 – Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)
- 5.3.7 – Возрастная психология (психологические науки)
- 5.3.8 – Коррекционная психология и дефектология (психологические науки)
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

Регистрация:

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 71604 от 13 ноября 2017 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Индексация и архивация:

РИНЦ, CyberLeninka

Сайт:

<https://inov-ppd.ru>

Адрес редакции:

344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

E-mail:

inovppd@gmail.com

Телефон:

+ 7 (908) 506-19-06

Дата выхода

30.10.2025

№ 5, 2025 в свет:

Innovative science: psychology, pedagogy, defectology

Peer-reviewed scientific journal

eISSN 2658-7165

Published since 2017

Periodicity – 6 issues per year

DOI: 10.23947/2658-7165

Founder and Publisher – Don State Technical University (DSTU), Rostov-on-Don, Russian Federation

The purpose of the journal lies in the contribution to improving the quality of scientific research in the fields of psychology, psycholinguistics, pedagogy, and defectology. Our impact is made by publishing scientific works, written and prepared in accordance with international standards.

The journal is included in the List of the leading peer-reviewed scientific publications (Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation), where basic scientific results of dissertations for the degrees of Doctor and Candidate of Science in scientific specialties and their respective branches of science should be published.

The journal publishes articles in the following fields of science:

- General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences)
- Psychophysiology (psychological sciences)
- Psychophysiology (biological sciences)
- Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences)
- Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences)
- Age psychology (psychological sciences)
- Correctional Psychology and Defectology (psychological sciences)
- General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

Registration:

Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77 – 71604 dated 13 November, 2017 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Indexing and Archiving:

RISC, CyberLeninka

Website:

<https://inov-ppd.ru>

Address

1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation

of the Editorial Office:

E-mail:

inovppd@gmail.com

Telephone:

+ 7 (908) 506-19-06

Date of publication

30.10.2025

No. 5, 2025:

Главный редактор, Ирина Владимировна Абакумова, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Заместитель главного редактора, Павел Николаевич Ермаков, доктор биологических наук, профессор, академик РАО, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Редакционный совет

Алла Константиновна Белоусова, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Валерий Павлович Белянин, доктор филологических наук, профессор, Университет Торонто (Торонто, Канада);

Ася Суреновна Берберян, доктор психологических наук, профессор, Российско-армянский (славянский) университет (Ереван, Армения);

Марина Блувштейн, доктор философских наук, профессор, Центр адлерианской практики и исследований в Университете Адлера (Чикаго, США);

Евгений Федорович Бороховский, доктор психологических наук, доцент, университет Конкордия (Конкордия, Канада);

Владимир Пантелеимонович Борисенков, доктор педагогических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация);

Ольга Владимировна Гукаленко, доктор педагогических наук, профессор, Институт стратегии развития образования РАО (Москва, Российская Федерация);

Юрий Петрович Зинченко, доктор психологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация);

Лазарь Стошич, доктор технических наук, профессор, университет UNION Nikola Tesla (Белград, Сербия).

Редакционная коллегия

Валентина Владимировна Абраухова, доктор педагогических наук, профессор Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Виталий Вадимович Бабенко, доктор биологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Зинаида Игоревна Березина, доктор психологических наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Вера Александровна Лабунская, доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Елена Викторовна Воробьева, доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Татьяна Ивановна Власова, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Максим Николаевич Дмитриев, кандидат медицинских наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Александр Викторович Дятлов, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Надежда Федоровна Ефремова, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Лаура Цраевна Кагермазова, доктор психологических наук, профессор, Чеченский государственный педагогический университет (Грозный, Российская Федерация);

Анатолий Викторович Карпов, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (Ярославль, Российская Федерация);

Ирина Александровна Кибальченко, доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Лариса Михайловна Кобрина, доктор педагогических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Анжелика Ильинична Лучинкина, доктор психологических наук, профессор, Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Российская Федерация);

Татьяна Викторовна Лисовская, доктор педагогических наук, профессор, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка (Минск, Белоруссия);

Наталья Александровна Лызь, доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Евгений Ефимович Несмеянов, доктор философских наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Ольга Савельевна Мавропуло, кандидат педагогических наук, доцент, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Елена Александровна Макарова, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Елена Валерьевна Муругова, доктор филологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Влада Игоревна Пищик, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Марина Леонидовна Скуратовская, доктор педагогических наук, доцент, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Ольга Дмитриевна Федотова, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Лариса Александровна Цветкова, доктор психологических наук, доцент, Высшая школа экономики (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Любовь Яковлевна Хоронько, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Татьяна Николаевна Щербакова, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).

Выпускающий редактор, Евгений Александрович Проненко, кандидат психологических наук, доцент, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Ответственный секретарь, Диана Валерьевна Запорожец, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Переводчик, Влада Романовна Старыгина;

Литературный редактор, Маргарита Евгеньевна Беликова, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).

Editor-in-Chief, Irina V. Abakumova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Deputy Editor-in-Chief, Pavel N. Ermakov, Dr.Sci. (Biology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Editorial Board

Alla K. Belousova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Valery P. Belyanin, Dr.Sci. (Philology), Professor, University of Toronto (Toronto, Canada);

Asya S. Berberyan, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Russian Federationn-Armenian University (Erevan, Armenia);

Marina Bluvstein, Dr.Sci. (Philosophy), Professor, Center for Adlerian Practice and Research at Adler University (Chicago, USA);

Evgeny F. Borokhovsky, Dr.Sci. (Psychology), Associate Professor, Concordia University (Concordia, Canada);

Vladimir P. Borisenkov, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation);

Olga V. Gukalenko, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Institute for Education Development Strategy of the Russian Federationn Academy of Education (Moscow, Russian Federation);

Yuri P. Zinchenko, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation);

Lazar Stosic, Dr.Sci., Professor, Faculty of Management, Sremski Karlovci, University UNION Nikola Tesla, (Belgrade, Serbia).

Editorial Board

Valentina V. Abraukhova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Vitaly V. Babenko, Dr.Sci. (Biology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Zinaida I. Berezina, Dr.Sci. (Psychology), Associate Professor, Rostov State Medical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Vera A. Labunskaya, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Elena V. Vorobyeva, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Tatiana I. Vlasova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Maxim N. Dmitriev, Cand.Sci. (Medicine), Associate Professor, Rostov State Medical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Alexander V. Dyatlov, Dr.Sci. (Sociology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Nadezhda F. Efremova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Laura T. Kagermazova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Chechen State Pedagogical University (Grozny, Russian Federation);

Anatoly V. Karpov, Dr.Sci. (Psychology), Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation);

Irina A. Kibalchenko, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Larisa M. Kobrina, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Pushkin Leningrad State University (Saint Petersburg, Russian Federation);

Angelika I. Luchinkina, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov (Simferopol, Russian Federation);

Tatiana V. Lisovskaya, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Belarusian state pedagogical university named after Maxim Tank (Minsk, Belarus);

Natalia A. Lyz, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Evgeny Ye. Nesmeyanov, Dr.Sci. (Philosophy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Olga S. Mavropulo, Cand.Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Elena A. Makarova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Elena V. Murugova, Dr.Sci. (Philology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Vlada I. Pischik, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Marina L. Skuratovskaya, Dr.Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Olga D. Fedotova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Larisa A. Tsvetkova, Dr.Sci. (Psychology), Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);

Lyubov Ya. Khoronko, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Tatiana N. Sheherbakova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Executive Editor, Evgeny A. Pronenko, Cand.Sci. (Psychology), Associate Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Responsible secretaries, Diana V. Zaporozhets, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Translator, Vlada R. Starygina;

Literary editor, Margarita E. Belikova, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Содержание

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

О взаимосвязи свойств личности и количественных признаков

дерматографики 9

Инна И. Титова

Жизнестойкость и ассертивное поведение как факторы

психологической адаптации в условиях психотравмирующих

переживаний 16

Татьяна Г. Винтонюк, Маргарита В. Мацегора

Взаимосвязь агрессивности и спонтанности с психологическим

благополучием 25

Дина В. Филиппова, Юлия В. Честюнина, Людмила Г. Фомичева,

Юлия А. Буслаева, Людмила А. Зайцева

Влияние социальных сетей на психическое здоровье и самооценку

подростков 35

Дмитрий А. Усик, Вадим В. Каминский

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Психосоциальные технологии решения коммуникационных проблем

зависимой молодежи 44

Алексей В. Кадрик

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Связь метакогнитивных навыков с когнитивными функциями,

субъективным благополучием и полиморфизмом гена APOE

у женщин зрелого возраста 53

Екатерина В. Забелина, Елена А. Куба, Юлия Ю. Филиппова,

Екатерина Г. Денисова, Ирина А. Трушина, Дарья С. Сташкевич

ПСИХОЛИГИСТИКА

Билингвальная картина мира в становлении языковой идентичности

личности обучающегося 63

Марина Ю. Семенова, Янина С. Морозова, Елена С. Руденко

Contents

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY

A Study on the Relationship Between Personality Traits and Quantitative Features of Dermatoglyphics	9
<i>Inna I. Titova</i>	
Resilience and Assertive Behavior as Factors of Psychological Adaptation in the Context of Psychotraumatic Experiences	16
<i>Tatiana G. Vintoniuk, Margarita V. Matsegora</i>	
The Relationship of Aggressiveness and Spontaneity with Psychological Well-Being	25
<i>Dina V. Filippova, Julia V. Chestyunina, Lyudmila G. Fomicheva, Yulia A. Buslaeva, Lyudmila A. Zaitseva</i>	
The Impact of Social Media on the Mental Health and Self-esteem of Adolescents	35
<i>Dmitry A. Usik, Vadim V. Kaminsky</i>	

SOCIAL PSYCHOLOGY

Psychosocial Technologies to Solve Addiction Youth Communication Problems ...	44
<i>Alexey V. Kadrik</i>	

COGNITIVE PSYCHOLOGY AND PSYCHOPHYSIOLOGY

The Relationship Between Metacognitive Skills and Cognitive Functions, Subjective Well-Being, and APOE Gene Polymorphism in Middle-Aged Women	53
<i>Ekaterina V. Zabelina, Elena A. Kuba, Yulia Yu. Filippova, Ekaterina G. Denisova, Irina A. Trushina, Daria S. Stashkevich</i>	

PSYCHOLIGISTICS

Bilingual Picture of the World in the Formation of Linguistic Identity of the Learner's Personality	63
<i>Marina Y. Semenova, Yanina S. Morozova, Elena S. Rudenko</i>	

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY

УДК 159.9

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-9-15>

KSHKFU

О взаимосвязи свойств личности и количественных признаков дерматоглифики

Инна И. Титова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ ititova@sfedu.ru

Аннотация

Введение. В современных физиологических и других исследованиях указывается, что папиллярный рисунок на кистях образуется в эмбриональном периоде. В связи с этим возникает вопрос, насколько кожные узоры на ладонях генетически обусловлены и могут ли они изменяться под влиянием средовых факторов, психоэмоционального развития и деятельности нервной системы индивида, а также существует ли взаимосвязь между особенностями папиллярных узоров на ладони и свойствами личности. В научной литературе отсутствует однозначный ответ на данный вопрос.

Цель. Проверить, существует ли взаимосвязь между свойствами личности и количественными признаками дерматоглифики.

Методы и материалы. Для психологического тестирования использовался опросник «Большая пятерка» в адаптации А. Б. Хромова; для получения отпечатков использовался метод типографской краски; для анализа изображений отпечатков применялось программное обеспечение «LabelMe 2.0». В исследовании принял участие 201 доброволец; исследование проводилось на базе исследовательского центра онкологии (г. Ростов-на-Дону).

Результаты исследования. В группе женщин выявлена статистически значимая обратная связь ($p = 0,047$) между результатами психологического тестирования по фактору «отсутствие самоконтроля – самоконтроль» и величиной угла atd.

Обсуждение результатов. Дальнейшие исследования ладонной дерматоглифики требуют поиска надежных дескрипторов для классификации типов папиллярных узоров и способов стандартизации признаков, извлеченных из набора изображений. По нашему мнению, полученные результаты исследования указывают на необходимость картировать различные зоны ладони по иным основаниям, нежели используемые в криминалистике, медицине, биологии, а также позволяют говорить о потенциале психодерматографического подхода к изучению личности.

Ключевые слова: дерматоглифы, ладонная дерматоглифика, картирование ладони, трирадиусы, свойства личности

Для цитирования. Титова, И. И. (2025). О взаимосвязи свойств личности и количественных параметров дерматоглифики. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 8(5), 9–15.
<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-9-15>

Original Empirical Research

A Study on the Relationship Between Personality Traits and Quantitative Features of Dermatoglyphics

Inna I. Titova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ ititova@sfedu.ru

Abstract

Introduction. Modern physiological studies and other studies indicate that the ridge patterns in the hands are formed during the embryonic period. This raises the question of how genetically determined the skin patterns on the palms are and whether they can change under the influence of environmental factors, psychoemotional development, and the activity of

an individual's nervous system, as well as whether there is a relationship between the characteristics of ridge patterns on the palm and personality traits. There is no clear answer to this question in the scientific literature.

Objective. To test whether there is a relationship between personality traits and quantitative characteristics of dermatoglyphics.

Methods and Materials. The Big Five questionnaire adapted by A. B. Kromov was used for psychological testing; the typographic ink method was used to obtain prints; LabelMe 2.0 software was used to analyze the images of the prints. The study involved a cohort of 201 volunteers and was conducted at the Cancer Research Center in Rostov-on-Don.

Results. In the group of women, a statistically significant inverse correlation ($p = 0.047$) was found between the results of psychological tests on the factor 'impulsivity self-control – self-control' and the value of the angle α .

Discussion. Further research into palm dermatoglyphics requires the search for reliable descriptors to classify the types of ridge patterns and methods for standardizing features extracted from a set of images. In our opinion, the results of the study indicate the need to map different areas of the palm on grounds other than those used in criminology, medicine, and biology, and also suggest the potential of a psychodermatoglyphic approach to the study of personality.

Keywords: dermatoglyphs, palmar dermatoglyphics, palm mapping, triradius, personality traits

For Citation. Titova, I. I. (2025). A Study on the relationship between personality traits and quantitative features of dermatoglyphics. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 8(5), 9–15. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-9-15>

Введение

История дерматоглифики как научного направления насчитывает более 100 лет, при этом термин «дерматоглифика» введен в употребление в 1926 году на 42-й ежегодной сессии Американской ассоциации анатомов Х. Камминсом и К. Мидло (Cummins & Midlo, 1943). Установление индивидуальности по кожным покровам кистей человека повсеместно используется в криминалистике, цифровой аутентификации и медицине. Дерматоглифический метод также применяется в антропологии и популяционной генетике для изучения распределения частот дерматоглифических признаков у разных народов и рас и установления генетического родства. Основными признаками для классификации типов кожных узоров являются пальцевые (тип узора дистальных фаланг пальцев, общий гребневой счёт) и ладонные (ладонный угол $\alpha < 1$, направление ладонных линий, диагностика типов осевых трирадиусов).

Методы исследования узорности кожных покровов можно разделить на традиционные (визуальный осмотр, дактилоскопическая экспертиза с помощью микроскопа, снятие отпечатков типографской краской, физические методики с использованием порошков, физико-химические методики с обработкой отпечатков реактивами) и современные (сканирование, программные методы сопоставления отпечатков, компьютерная обработка отпечатков с помощью нейронных сетей, масс-спектрометрия вторичных ионов (SIMS), дезорбционная электроспрейная ионизация (DESI), атомно-силовая микроскопия (ACM) и др.).

Проведённый литературный обзор свидетельствует, что, несмотря на значительное развитие дерматоглифического метода, представители разных научных дисциплин до сих пор не выработали унифицированной методики анализа кожных покровов кистей и стоп человека. Как отмечают Хить и др. (2010), в научной среде преобладают исследования пальцевой дерматоглифики, в то время как анализ ладонной морфологии остается недостаточно изученным. Это смещение фокуса не позволяет составить полное представление о дерматоглифическом фенотипе. Метод дерматоглифики начал применяться при исследовании взаимосвязей дерматоглифических и психофизиологических особенностей. В 1997 году в журнале «Вопросы психологии» опубликована статья Н. Н. Богданова «Дерматоглифика пишущих левой», автор которой рассматривает изучение физиологических и психических функций левшей через особенности дерматоглифики левшества (Богданов, 1997). Теоретической основой исследований взаимосвязей дерматоглифики с латерализацией является гипотеза о том, что дерматоглифические признаки служат непрямыми маркерами особенностей пренатального развития ЦНС.

В литературе также предлагается исследование взаимосвязи между дерматоглификой и чертами личности в контексте поведенческой генетики (Akbarova, 2018), между особенностями пальцевых папиллярных узоров и психотипологическими свойствами личности (Скоревич и др., 2016), между дерматоглифами и типами личности по опроснику Майерс-Бриггс (MBTI) (Venurkar et al., 2022). Понимание меняющихся тенденций к изучению поведения человека на основе количественной и качественной оценки с помощью дерматоглифики рассматривается в статье Hurray (2017). В 2003 году в журнале «Schizophrenia Research» опубликована статья O. McTigue и соавторов «Дерматоглифы: сравнение шизофрении и биполярного расстройства» (McTigue et al., 2003). При этом научные работы по изучению биологических маркеров психологических отклонений носят скорее медицинский, нежели психологический характер. В статье «Индивидуальность в руках», опубликованной в 2005 году в журнале «Scientific American Mind» описано, как профессор психологии P. L. Hurd, некогда сравнивавший такие исследования с хиромантией, изменил своё мнение, обнаружив, что соотношение длины пальцев у мужчин, являясь маркером пренатального тестостерона, статистически связано со склонностью к физической агрессии (Cunningham, 2005). Значительный вклад в развитие психодерматоглифики как направления внесли работы К. Н. Бадикова. Монография «Психодерматоглифика: понятие, система, методики» (Бадиков, 2011) заложила основы данного направления, а последующие статьи были посвящены построению психологического профиля

по типологии папиллярного узора (Бадиков, 2015) и вопросам психологической дерматоглифики (Яровенко и Бадиков, 2013). Современное состояние и основные области этих исследований систематизированы в обзорной статье Ермакова и Титовой (2024).

Предположение о наличии связи индивидуальных дерматоглифических и психологических особенностей основывается на общности раннего развития данных признаков. Основной научный аргумент в пользу возможной взаимосвязи дерматоглифических и психологических признаков лежит в эктодермальном происхождении и синхронности развития нервной системы человека и дермы (Савельев, 2002; Гусева, 2009). Этап гребнеобразования и формирования типов папиллярных узоров приходится на период с 10–13 до 22–24 недели внутриутробного развития (Негашева и др., 2013). Между интенсивностью иннервации и активностью дифференцировки эпидермиса наблюдается четкий параллелизм (Загорученко, 1973). Как свидетельствуют научные работы, папиллярные узоры обладают свойством неизменности с момента их окончательного формирования до конца жизни индивида (Хить и др., 2010; Тегако и Кобылянский, 2015). При изучении механизма неизменности отпечатков, Shuster (2011) предположил, что существует особый дерматоглифический механизм: проведя эксперимент и воздействовав на ладонные и пальцевые отпечатки разными средствами автор убедился, что структура гребня оставалась нетронутой, так как при воздействии на гребни, кератиноциты одновременно терялись и во впадинах между ними, обеспечивая непрерывное разделение по всей волнистой поверхности отпечатка вверх и вниз по гребням и бороздам, тем самым поддерживая их и сохраняя нормальный рисунок отпечатка. Помимо этого, высокая степень индивидуализации папиллярных узоров и генетическая детерминированность процессов гребнеобразования также служат доводами в пользу гипотезы о возможной взаимосвязи между определенными дерматоглифическими признаками и свойствами личности. В исследовании J. P. Machado и соавторов наблюдается сильное влияние наследственной составляющей для более чем десяти дерматоглифических признаков, в связи с чем, изучение дерматоглифов может быть информативно по аналогии с ДНК человека (Machado et al., 2010).

Несмотря на прогресс развития психологии в XX веке, проблематика интегрального подхода к идентификации психологических характеристик личности и их связи с дерматоглифическими признаками остается недостаточно исследованной в современной науке. Имеющиеся исследования характеризуются различиями в методологических подходах, скромными размерами выборки, отсутствием лонгитюдных исследований, неоднозначностью результатов. И. А. Славолюбова на основании результатов комплексного обследования юношей-студентов МГУ выделяет комплекс характеристик дерматоглифики, демонстрирующий тенденцию к совместной изменчивости с некоторыми психологическими особенностями, отмечая небольшую долю и низкий уровень значимых корреляций, свидетельствующих об отсутствии существенной интегрированности изученных систем признаков (Славолюбова и др., 2013).

В ходе реализации научного проекта по исследованию психологических и генетических особенностей онкобольных (Ермаков и др., 2024) нами выдвинуто предположение о возможной взаимосвязи психологических и дерматоглифических признаков. Целью исследования стала проверка наличия взаимосвязи между свойствами личности и количественными признаками дерматоглифики. Однако в ходе работы было выявлено множество нерешенных проблем, связанных с анализом отпечатков ладоней для последующего поиска взаимосвязей с психологическими характеристиками. Высокая вариативность папиллярных узоров на ладони обуславливает необходимость одновременной оценки множества параметров, поэтому существующие методы визуального осмотра несовершены – их интерпретация зависит от исследователя, что повышает вероятность ошибок, связанных с человеческим фактором, и увеличивает риск неточности результатов. В связи с этим, для решения практических научных задач целесообразно использование автоматических способов для исследования особенностей индивидуальных структур папиллярного рельефа.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили отпечатки ладоней респондентов. Всеми добровольцами подписано информированное согласие. Конфиденциальность полученных данных обеспечивалась путем анонимизации данных.

Для оценки психологических свойств личности использовался опросник «Большая пятерка» в русскоязычной адаптации А. Б. Хромова (Хромов, 2000). Использование адаптированной версии обеспечивает валидность и надежность измерения личностных факторов в российской популяции. Участники исследования заполняли опросник на бумажном носителе по стандартной инструкции. В исследовании также применялся метод типографской краски, описанный Т. Д. Гладковой (1966). Изображения отпечатков получали в условиях стационара путем прокатывания роликом с типографской краской по ладони участника исследования (правая у правшей) так, чтобы вся подлежащая отпечатыванию поверхность была покрыта ровным слоем краски. После, окрашенная ладонь отпечатывалась под контролем исследователя на чистый лист бумаги, положенный заранее на «подушку». После сбора материалов исследования было проведено сканирование отпечатков и маркировка ключевых точек для построения угла atd с помощью программного обеспечения «LabelMe 2.0». Данное программное обеспечение позволило интерактивно аннотировать изображения, создавая параметры, необходимые для последующего количественного анализа дерматоглифических признаков. В исследовании использовалось описание расположения ладонных трирадиусов, предложенное Г. Гейпель (Гладкова, 1966). Трирадиусом называется место, где сходятся три разнонаправленные системы папиллярных линий. На ладонях человека, как правило, имеются четыре пальцевых трирадиуса a, b, c, d – у основания II–V пальцев, а также осевые трирадиусы, расположенные между тенаром и гипотенаром (карпальный t , промежуточный t' , центральный t'') (Хить и др., 2013).

Для анализа данных исследования применялись критерии различий (*t*-критерий Стьюдента, *U*-критерий Манна-Уитни), корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона), уровень статистической значимости соответствовал $p < 0,05$.

Результаты исследования

В исследовании приняли участие 201 доброволец в возрасте от 18 до 60 лет ($M = 42$ года), из них 79 – мужчины, 122 – женщины. По результатам проведенного исследования установлено следующее. С помощью программного обеспечения проведена маркировка угла *atd* на изображениях отпечатков ладони (рисунок 1). Используемый угол *atd* представляет собой угол, образованный линиями, проведенными от трирадиуса *t*, наиболее дистального осевого трирадиуса у основания ладони, до трирадиусов *a* и *d*, расположенных проксимальнее указательного и мизинца пальцев, соответственно.

Таким способом проведена разметка изображений дерматоглифов всех участников исследования с соблюдением строгой последовательности трирадиусов: «*a*», «*t*», «*d*», исчислена величина угла *atd* на каждом изображении (рисунок 1).

Рисунок 1

Пример разметки ладонных трирадиусов в LabelMe 2.0

Полученные количественные данные о величине угла *atd* соотнесены с помощью методов статистической обработки данных с полученными данными психологического тестирования по опроснику «Большая пятерка». Использовалась коллекция изображений дерматоглифов и результатов тестирования отдельно для добровольцев женского и мужского пола. Исходя из проведенного анализа, была установлена статистически значимая отрицательная обратная связь между показателями тестирования по фактору «отсутствие самоконтроля – самоконтроль» и величиной угла *atd* в группе женщин (таблица 1).

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа

	Интроверсия – экстраверсия	Обособленность – привязанность	Отсутствие самоконтроля – самоконтроль	Эмоциональная устойчивость – Эмоциональная неустойчивость	Практичность – экспрессивность
Угол <i>atd</i> °	0,615	0,260	0,047	0,600	0,668

Также можно говорить о наличии тенденции к взаимосвязи по фактору «обособленность – привязанность». По остальным показателям в группе женщин не удалось установить статистически значимых корреляций. В группе мужчин статистически значимые результаты не выявлены.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование базировалось на имеющихся подходах к рассмотрению основных количественных признаков, которым могут отвечать объекты исследования (дерматоглифы). Полученные результаты не сопоставлены с результатами других авторов, поскольку такого рода исследования не проводились ранее. При этом достоверность угла *atd* для использования в дерматоглифическом анализе и возможность его измерения с помощью программного обеспечения была подтверждена в исследовании E. Burnson и соавторов (Burnson et al., 2015). О большой информативности угла *atd* в качестве дерматоглифического признака свидетельствуют результаты исследований хромосомных нарушений и аномалий. Одно из исследований угла *atd* было связано с хромосомным синдромом. У пациентов с синдромом делеции 22qDS с психотическими симптомами в некоторых случаях наблюдалась более высокие значения общего угла *atd*, чем в контрольной группе (Martín et al., 2004). В исследовании M. M. Hossain и соавторов подтверждается, что угол *atd* на обеих ладонях людей с синдромом Дауна был значительно шире, чем у здоровых людей (Hossain et al., 2020). Также было обнаружено увеличение угла *atd* у пациентов с биполярным аффективным расстройством по сравнению с контрольной группой в исследовании Pal

и соавторов (2021). Об увеличении угла *atd* как на правой, так и на левой руке в комбинированной серии выборки мужчин и женщин, больных эпилепсией на левой руке у женщин сообщается в исследовании Rashmi (Rashmi, 2018).

Ограничением проведенного исследования является отсутствие цифровых дерматоглифов, которые бы воспроизводили рисунок папиллярных линий с большей точностью. Также существует необходимость увеличения репрезентативности выборки. Очевидно, что использование компьютерной обработки изображений ладони может ускорить распознавание дерматоглифических особенностей индивида и диагностику различных нарушений.

Учитывая тот факт, что площадь ладони значительно больше, чем совокупная площадь пальцевых подушечек, а также принимая во внимание разнообразие и клиническую значимость папиллярной архитектоники ладони, можно отметить, что перспективы дальнейших исследований лежат в более детальном изучении ладонной дерматоглифики. По нашему мнению, в дальнейшем имеется необходимость разработать систему картирования ладони по иным основаниям, нежели используемым в криминалистике, медицине, биологии. Исследование ладони может быть продолжено в направлении определения конкретных дискриминаторов, поиске сложных и специфических паттернов, ассоциированных с особенностями психологических признаков.

Заключение. Проведенный обзор отечественных и зарубежных источников, а также результаты эмпирического исследования подтверждают возможность использования величины угла *atd* в качестве информативного количественного признака ладонной дерматоглифики, который может быть использован в качестве критерия оценки. Вместе с тем, исследование ладонной дерматоглифики не может сводиться к редукционизму в поисках простых корреляций «папиллярные узоры – характер» либо «папиллярные узоры – темперамент». Проведенное исследование стало попыткой осмыслить перспективы изучения ладонной дерматоглифики для целей психологии. С одной стороны, анализ показал наличие слепых зон в понимании природы формирования психофизиологии эмбриона и маркеров пренатального воздействия на процессы гребнеобразования, а с другой – недостаточную изученность конкретных биологических механизмов, связывающих особенности раннего развития дермы с конкретными аспектами структуры и функции мозга, определяющими сложные психологические черты.

С учетом того, что современная наука требует нейробиологического и генетического обоснования подобных связей, следующим логичным шагом представляется продолжение дерматоглифических исследований за пределами традиционных дисциплин и переходом в междисциплинарную область познания. Изучение взаимосвязей между особенностями индивидуально-психологических характеристик и дерматоглифических узоров как пальцевых, так и комплексных ладонных областей, может гипотетически сформировать новое направление на стыке дифференциальной психологии, генетики, нейробиологии развития и психодиагностики – условно обозначаемое как психодерматоглифика. Важно отметить, что продолжение подобного рода исследований возможно при условии преодоления ряда методологических вызовов, которые требуют внимательного изучения и обсуждения, а также учета этических стандартов.

Список литературы

Бадиков, К. Н. (2011). *Психодерматоглифика: понятие, система, методики: монография*. Издательство Дальневосточного федерального университета.

Бадиков, К. Н. (2015). Построение психологического профиля по типологии папиллярного узора. *Юридические исследования*, 2, 59–71. <https://doi.org/10.7256/2409-7136.2015.2.14311>

Богданов, Н. Н. (1997). Дерматоглифика пишущих левой. *Вопросы психологии*, 2, 76–87.

Гладкова, Т. Д. (1966). *Кожные узоры кисти и стопы обезьяны и человека*. Наука.

Гусева, И. С. (2009). Эпигенетический подход к анализу особенностей формирования и популяционного распределения пальцевых узоров рук человека. *Вестник Московского университета. Серия ХХIII. Антропология*, 3, 47–54.

Ермаков, П. Н., Ковш, Е. М., Воярж, А. Е., Максимов, А. Ю., и Титова, И. И. (2024). Существует ли связь генетических предикторов и психологических характеристик с эффективностью психотерапии? *Российский психологический журнал*, 21(4), 97–111. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.4.6>

Ермаков, П. Н., и Титова И. И. (2024). Основные области и направления психодерматоглифических исследований. *Вестник психофизиологии*, 1, 109–115. <https://doi.org/10.34985/n3243-8494-1821-z>

Загорученко, Е. А. (1973). *Эмбриональное развитие и топографическая гистология кожи человека* [Докторская диссертация]. Второй Моск. гос. мед. ин-т им. Н. И. Пирогова.

Негашева, М. А. (2013). Взаимосвязи соматических, дерматоглифических и психологических признаков в структуре психологических признаков в структуре общей конституции. *Морфология*, 133(1), 73–77.

Савельев, С. В. (2002). *Стадии эмбрионального развития мозга человека*. Веди.

Скоревич, А. С., Фоминых, И. С., и Ахмедшин, Р. Л. (2016). О взаимосвязи между особенностями папиллярного узора и психологическими свойствами личности. *Вестник Томского государственного университета*, 409, 178–186. <https://doi.org/10.17223/15617793/409/30>

Славолюбова, И. А., Негашева, М. А., и Агапова, О. И. (2013). Поиск связей дерматоглифических признаков ладони с соматическими и психологическими характеристиками. *Вестник антропологии*, 2(24), 102–117.

Тегако, Л. И., и Кобылянский, Е. Д. (2015). *Дерматоглифика в современном научном познании человека*. Белорусская наука.

Хить, Г. Л., Широбоков, И. Г., и Славолюбова, И. А. (2013). *Дерматоглифика в антропологии*. Нестор-История.

Хромов, А. Б. (2000). *Пятифакторный опросник личности: учебно-методическое пособие*. Издательство Курганского государственного университета.

Яровенко, В. В., и Бадиков, К. Н. (2013). К вопросу о психологической дерматоглифики. *Юридические исследования*, 6, 351–364. <https://doi.org/10.7256/2305-9699.2013.6.757>

Akbarova, S. N. (2018). Dermatoglyphics can be as method of behavior genetics. *Education Sciences & Psychology*, 4(50), 26–37.

Burnson, E., Holman, D., & Giovas, C. (2015). Reliability of the ATD angle in dermatoglyphic analysis. *Collegium Antropologicum*, 39(3), 797–800.

Cummins, H., & Midlo, C. (1943). *Finger Prints, Palms and Soles. An Introduction to Dermatoglyphics*. Dover Publications Inc.

Cunningham, A. (2005). Personality in hand. *Scientific American Mind*, 16(2). <https://doi.org/10.1038/scientificamericanmind0605-7a>

Hossain, M. M., Ashrafuzzaman, M., Sultana, S., Jahan, I., Karmakar, P., Hasnat, H., Nargish, S., & Sultana, T. (2020). Study on Axial tri-radius and “Atd” angle of Palmar Dermatoglyphics among Bangladeshi Down Syndrome People. *Eastern Medical College Journal*, 5(2), 44–49.

Hurray, A. (2017). Understanding changing trends to study human behavior through quantitative and qualitative assessment through dermatoglyphics. *International Journal of Social Science and Humanity*, 7(9), 635–639. <https://doi.org/10.18178/ijssh.2017.7.9.898>

Machado, J. F., Fernandes, P. R., Roquette, R. W., & Filho, J. F. (2010). Digital dermatoglyphic heritability differences as evidenced by a female twin study. *Twin Research and Human Genetics*, 13(5), 482–489. <https://doi.org/10.1375/twin.13.5.482>

Martín, B., Fañanás, L., Gutiérrez, B., Chow, E. W., & Bassett, A. S. (2004). Dermatoglyphic profile in 22q deletion syndrome. *American Journal of Medical Genetics. Part B, Neuropsychiatric genetics*, 128B(1), 46–49. <https://doi.org/10.1002/ajmg.b.30034>

McTigue, O., Clarke, M., Gervin, M., Kamali, M., Browne, S., & Whitty, P. (2003). Dermatoglyphics: a comparison of schizophrenia and bipolar disorder. *Schizophrenia Research*, 60(1), 45. [https://doi.org/10.1016/S0920-9964\(03\)80132-9](https://doi.org/10.1016/S0920-9964(03)80132-9)

Pal, A. K., Ray S., & Bhattacharya, J. (2021). Use of dermatoglyphic parameters as possible markers in bipolar affective disorder. *International Journal of Health Sciences and Research*, 11(7), 385–393. <https://doi.org/10.52403/ijhsr.20210753>

Rashmi, C. G. (2018). Study of ATD angle in epileptic patients – a parameter in palmar dermatoglyphics. *Indian Journal of Clinical Anatomy and Physiology*, 5(3), 406–409. <https://doi.org/10.18231/2394-2126.2018.0094>

Shuster, S. (2011). Fingerprint maintenance, a new dermatoglyphic mechanism. *The British Journal of Dermatology*, 164(4), 738–742. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2133.2010.10162.x>

Venurkar, S., Srivastava, T., & Shukla, S. (2022). Decoding human personality through dermatoglyphics. *Cureus*, 14(10), e30445. <https://doi.org/10.7759/cureus.30445>

References

Akbarova, S. N. (2018). Dermatoglyphics can be as method of behavior genetics. *Education Sciences & Psychology*, 4(50), 26–37.

Badikov, K. N. (2011). *Psychodermatoglyphics: concept, system, methods: monograph*. Far Eastern Federal University Press. (In Russ.)

Badikov, K.N. (2015). Psychological profile building on the base of papillary lines typology. *Legal Studies*, 2, 59–71. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2409-7136.2015.2.14311>

Bogdanov, N. N. (1997). Dermatoglyphics of left-hand writers. *Voprosy Psychologii*, 2, 76–87. (In Russ.)

Burnson, E., Holman, D., & Giovas, C. (2015). Reliability of the ATD angle in dermatoglyphic analysis. *Collegium Antropologicum*, 39(3), 797–800.

Cummins, H., & Midlo, C. (1943). *Finger Prints, Palms and Soles. An Introduction to Dermatoglyphics*. Dover Publications Inc.

Cunningham, A. (2005). Personality in hand. *Scientific American Mind*, 16(2). <https://doi.org/10.1038/scientificamericanmind0605-7a>

Gladkova, T. D. (1966). *Skin Patterns of the Hands and Feet in Monkeys and Humans*. Nauka. (In Russ.)

Guseva, I. S. (2009). Epigenetic approach to the analysis of formation of finger prints patterns and their population distribution. *Moscow University Anthropology Bulletin*, 3, 47–54. (In Russ.)

Ermakov, P. N., Kovsh, E. M., Voyarzh, A. E., Maksimov, A. Y., & Titova, I. I. (2024). Is there a connection between genetic predictors and psychological characteristics with the effectiveness of psychotherapy? *Russian psychological journal*, 21(4), 97–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.21702/mvdn3z46>

Ermakov, P. N., & Titova, I. I (2024). Main areas and directions of psychodermatoglyphic research. *Psychophysiology News*, 1, 109–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.34985/n3243-8494-1821-z>

Hossain, M. M., Ashrafuzzaman, M., Sultana, S., Jahan, I., Karmakar, P., Hasnat, H., Nargish, S., & Sultana, T. (2020). Study on Axial tri-radius and “Atd” angle of Palmar Dermatoglyphics among Bangladeshi Down Syndrome People. *Eastern Medical College Journal*, 5(2), 44–49.

Hurray, A. (2017). Understanding changing trends to study human behavior through quantitative and qualitative assessment through dermatoglyphics. *International Journal of Social Science and Humanity*, 7(9), 635–639. <https://doi.org/10.18178/ijssh.2017.7.9.898>

Khit', G. L., Shirobokov, I. G., & Slavolyubova, I. A. (2013). *Dermatoglyphics in Anthropology*. Nestor-History. (In Russ.)

Khromov, A. B. (2000). *Five-factor personality questionnaire: educational and methodological guide*. Kurgan State University Publishing House.

Machado, J. F., Fernandes, P. R., Roquette, R. W., & Filho, J. F. (2010). Digital dermatoglyphic heritability differences as evidenced by a female twin study. *Twin Research and Human Genetics*, 13(5), 482–489. <https://doi.org/10.1375/twin.13.5.482>

Martín, B., Fañanás, L., Gutiérrez, B., Chow, E. W., & Bassett, A. S. (2004). Dermatoglyphic profile in 22q deletion syndrome. *American Journal of Medical Genetics. Part B, Neuropsychiatric genetics*, 128B(1), 46–49. <https://doi.org/10.1002/ajmg.b.30034>

McTigue, O., Clarke, M., Gervin, M., Kamali, M., Browne, S., & Whitty, P. (2003). Dermatoglyphics: a comparison of schizophrenia and bipolar disorder. *Schizophrenia Research*, 60(1), 45. [https://doi.org/10.1016/S0920-9964\(03\)80132-9](https://doi.org/10.1016/S0920-9964(03)80132-9)

Negasheva, M. A. (2013). Interrelationships of somatic, dermatoglyphic, and psychological traits in the structure of general constitution. *Morphology*, 133(1), 73–77. (In Russ.)

Pal, A. K., Ray S., & Bhattacharya, J. (2021). Use of dermatoglyphic parameters as possible markers in bipolar affective disorder. *International Journal of Health Sciences and Research*, 11(7), 385–393. <https://doi.org/10.52403/ijhsr.20210753>

Rashmi, C. G. (2018). Study of ATD angle in epileptic patients – a parameter in palmar dermatoglyphics. *Indian Journal of Clinical Anatomy and Physiology*, 5(3), 406–409. <https://doi.org/10.18231/2394-2126.2018.0094>

Shuster, S. (2011). Fingerprint maintenance, a new dermatoglyphic mechanism. *The British Journal of Dermatology*, 164(4), 738–742. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2133.2010.10162.x>

Saveliev, S. V. (2002). *Stages of embryonic development of the human brain*. Vedi. (In Russ.)

Skorevich, A. S., Fominykh, I. S., & Akhmedshin, R. L. (2016). On the correlation between the properties of fingerprints and psychological features of a person. *Tomsk State University Journal*, 409, 178–186. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/409/30>

Slavolyubova, I. A., Negasheva, M. A., & Agapova, O. I. (2013). Search for associations between dermatoglyphic traits of the palm and somatic and psychological characteristics. *Herald of Anthropology*, 2(24), 102–117. (In Russ.)

Tegako, L. I., & Kobylyansky, E. D. (2015). *Dermatoglyphics in modern scientific understanding of human being*. Publishing House Belorusskaya Nauka. (In Russ.)

Venurkar, S., Srivastava, T., & Shukla, S. (2022). Decoding human personality through dermatoglyphics. *Cureus*, 14(10), e30445. <https://doi.org/10.7759/cureus.30445>

Yarovenko, V.V., Badikov, K.N. (2013). On the issue of psychological dermal glyptic studies. *Legal Studies*, 6, 351–364. <https://doi.org/10.7256/2305-9699.2013.6.757>

Zagoruchenko, E. A. (1973). *Embryonic development and topographic histology of human skin* [Doctoral Dissertation]. Pirogov Russian National Research Medical University. (In Russ.)

Об авторе:

Инна Игоревна Титова, аспирант, Южный федеральный университет (Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42), [ORCID](#), [SPIN-код](#), ititova@sfedu.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Inna Igorevna Titova, postgraduate student, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), ititova@sfedu.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 17.06.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 28.10.2025

Принята к публикации / Accepted 28.10.2025

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY

УДК 159.9.019.4

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-16-24>

MKVXEF

Жизнестойкость и асертивное поведение как факторы психологической адаптации в условиях психотравмирующих переживаний

Татьяна Г. Винтонюк¹, Маргарита В. Мацегора²

¹ Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи, г. Мариуполь, Российской Федерации

² Приазовский государственный технический университет – филиал ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», г. Мариуполь, Российской Федерации

professor9016@gmail.com

Аннотация

Введение. В статье рассмотрены феномены жизнестойкости и асертивного поведения как ключевые психологические ресурсы личности в условиях психотравмирующих переживаний. Актуальность исследования обусловлена возрастающей частотой экстремальных ситуаций современности, включая военные конфликты, которые требуют мобилизации адаптационного потенциала личности. Изучение взаимосвязи жизнестойкости и асертивного поведения представляет особый интерес для понимания механизмов психологической адаптации в кризисных условиях. **Цель.** Проанализировать взаимосвязь уровня жизнестойкости и сформированности асертивного поведения у лиц, переживших психотравмирующие события, и оценить их роль в формировании адаптивных моделей взаимодействия со стрессогенной средой.

Материалы и методы. Диагностический инструментарий включал тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева, Шкалу дисфункциональных отношений А. Бека и А. Вайсман, авторский опросник для оценки копинг-стратегий. Статистическая обработка данных проводилась с использованием методов описательной статистики и корреляционного анализа.

Результаты исследования. В исследовании приняли участие 250 жителей ДНР и ЛНР, подвергшихся воздействию боевых действий. Выявлено статистически значимое снижение показателей жизнестойкости и ее компонентов (вовлеченность, контроль, принятие риска) в исследуемой выборке по сравнению с нормативными значениями. Обнаружены отрицательные корреляции между уровнем жизнестойкости и использованием дезадаптивных копинг-стратегий, а также положительные связи с проактивными стратегиями совладания. Установлено, что 22,4 % респондентов демонстрируют высокую степень дисфункциональности межличностных отношений.

Обсуждение результатов. Полученные данные свидетельствуют о системном характере нарушений адаптационных ресурсов личности под воздействием пролонгированной психотравматизации. Обоснована концепция асертивного поведения как поведенческого выражения жизнестойкой позиции личности. Разработаны практические рекомендации по комплексной психологической помощи, включающие развитие жизнестойких убеждений, обучение асертивному поведению и коррекцию дисфункциональных когнитивных схем.

Ключевые слова: жизнестойкость, асертивное поведение, психотравмирующие переживания, адаптация, копинг-стратегии, резильентность, стресс, психологическая поддержка, личностный потенциал

Для цитирования. Винтонюк, Т. Г., и Мацегора, М. В. (2025). Жизнестойкость и асертивное поведение как факторы психологической адаптации в условиях психотравмирующих переживаний. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 8(5), 16–24. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-16-24>

Resilience and Assertive Behavior as Factors of Psychological Adaptation in the Context of Psychotraumatic Experiences

Tatiana G. Vintoniuk¹, Margarita V. Matsegora²

¹ A.I. Kuindzhi Mariupol State University, Mariupol, Russian Federation.

² Azov State Technical University – a branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”, Mariupol, Russian Federation

 professor9016@gmail.com

Abstract

Introduction. The article considers resilience and assertive behavior phenomena as key psychological resources of the personality in the conditions of psychotraumatic experiences. The relevance of the study is determined by the increasing frequency in extreme situations of modern times, including military conflicts, which require mobilization of the adaptive potential of the personality. The study of the relationship between resilience and assertive behavior is of particular interest in understanding the mechanisms of psychological adaptation in crisis conditions.

Objective. Analyze the relationship between the level of resilience and the formation of assertive behavior in survivors of psychotraumatic events and assess their role in the formation of adaptive models of interaction with a stressful environment.

Materials and Methods. Diagnostic tools included the S. Maddi resilience test adapted by D. A. Leontiev, the A. Beck and A. Weissman Dysfunctional Attitude Scale, and the author's questionnaire for assessing coping strategies. Statistical processing of the data was carried out using descriptive statistics and correlation analysis methods.

Results. The study involved 250 residents of the DNR and LNR who were exposed to the impact of hostilities. A statistically significant decrease in the resilience indicators and their components (involvement, control, risk acceptance) was revealed in the study sample compared to normative values. Negative correlations were found between resilience level and use of maladaptive coping strategies, as well as positive correlations with proactive coping strategies. The results showed that 22.4% of the respondents demonstrated a high degree of dysfunctional interpersonal relationships.

Discussion. The data obtained testify to the systemic nature of violations of personality adaptation resources under the influence of prolonged psychotraumatization. The concept of assertive behavior as a behavioral expression of a personalit's resilient position is substantiated. Practical recommendations are developed for complex psychological assistance, including the development of resilient beliefs, training in assertive behavior, and correction of dysfunctional cognitive schemes.

Keywords: resilience, assertive behavior, psychologically traumatic experiences, adaptation, coping strategies, resistance, stress, psychological support, personal potential

For Citation. Vintoniuk, T. G., & Matsegora, M. V. (2025). Resilience and assertive behavior as factors of psychological adaptation in the context of psychotraumatic experiences. *Innovative science: psychology, pedagogy, defecology*, 8(5), 16–24. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-16-24>

Введение

Современная реальность характеризуется беспрецедентной сложностью и динамичностью, порождая широкий спектр вызовов, которые подвергают испытанию психологическую устойчивость индивида и общества в целом (Шапарь, 2008). Социально-экономическая нестабильность, пандемии, экологические катастрофы и, что особенно значимо для настоящего исследования, затяжные вооруженные конфликты создают условия для массового распространения пролонгированных психотравмирующих переживаний (Колобова и Ичтовкина, 2023). В этом контексте проблема поиска и активации внутренних ресурсов личности, обеспечивающих не только выживание, но и возможность личностного роста и сохранения психологического благополучия, выдвигается на передний план научного поиска в области психологии стресса и экстремальной психологии (Хрусталёва, 2018). Психотравмирующие переживания, особенно связанные с угрозой жизни и безопасности, способны вызывать глубокие нарушения в психологическом функционировании личности (Werner, 1993). Однако, как показывают многочисленные исследования, индивидуальная реакция на травматический стресс значительно варьируется, что свидетельствует о существовании мощных психологических ресурсов, способных модулировать воздействие экстремальных стрессоров (Maddi, 2006). Среди таких ресурсов особое место занимает феномен жизнестойкости, представляющий собой систему убеждений, позволяющих не только противостоять негативным воздействиям, но и трансформировать их в возможности для личностного развития (Александрова, 2004).

Одним из ключевых конструктов, объясняющих вариативность в способности людей противостоять жизненным невзгодам, является концепция жизнестойкости, разработанная Сальваторе Мадди и Сьюзен Кобейса (Maddi, 2006). Данный феномен интерпретируется авторами не как статичная черта, а как динамическая система убеждений, включающая три фундаментальных компонента: вовлеченность (commitment) – способность находить смысл и

интерес в собственной жизни и деятельности даже в неблагоприятных условиях; контроль (control) – убежденность в своей способности влиять на ход событий; и принятие риска (challenge) – восприятие жизненных трудностей не как угрозы, а как вызова и возможности для развития (Maddi, 2006). Именно эта система установок позволяет трансформировать деструктивный опыт стресса в стимул для личностного становления. В отечественной психологической науке концепция жизнестойкости находит свое развитие, в частности, в рамках теории личностного потенциала, предложенной Д. А. Леонтьевым (Леонтьев и Рассказова, 2011). В этом ракурсе жизнестойкость рассматривается как интегральная характеристика личности, мета-ресурс, определяющий успешность преодоления разнообразных жизненных трудностей и выступающий ядром психологической устойчивости индивида (Одинцова, 2015). Подход Д. А. Леонтьева акцентирует внимание на том, что жизнестойкость представляет собой не просто сумму отдельных качеств, а целостную систему, обеспечивающую смысловую регуляцию поведения в трудных жизненных ситуациях (Циринг, 2009).

Личностный ресурс, каким является жизнестойкость, требует определенных поведенческих каналов для своей реализации в повседневной жизни и в стрессогенных ситуациях (Иванова, 2013). Таким эффективным поведенческим паттерном, на наш взгляд, выступает асsertивное поведение. Под асsertивностью понимается социально-психологическая способность человека уверенно и достойно отстаивать свои законные права, потребности и границы, не нарушая при этом прав и границ других людей (Набиуллина и Тухтарова, 2003). Это поведение, основанное на самоуважении, честности, эмоциональной открытости, прямом и ясном общении, ответственности за свои действия и решения, а также на способности к ненасильственному разрешению конфликтов (Zelenova et al., 2019). Асsertивность является антитезой как пассивному, так и агрессивному стилю взаимодействия, представляя собой сбалансированную и адаптивную модель коммуникации (Ефимова и др., 2011).

Представляется логичным предположить, что жизнестойкость, как система глубинных убеждений, создает внутреннюю основу для формирования именно асsertивной поведенческой стратегии (Калашникова, 2011). Убежденность в своей способности влиять на события (контроль) способствует уверенному заявлению о своих потребностях; вовлеченность мотивирует к открытому и прямому общению; а принятие риска позволяет без страха вступать в сложные переговоры, не боясь неопределенности их исхода (Книжникова, 2010). Таким образом, асsertивное поведение можно рассматривать как внешнее, поведенческое выражение внутренней жизнестойкой позиции личности (Одинцова, 2015). Цель настоящего исследования заключается в комплексном эмпирическом анализе взаимосвязи между уровнем развития жизнестойкости и сформированностью асsertивного поведения у лиц, переживших психотравмирующие события, а также в оценке их совместной роли в формировании адаптивных или дезадаптивных моделей взаимодействия со стрессогенной средой.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели было организовано и проведено эмпирическое исследование, реализованное в период с января по июнь 2024 года на территории Донецкой и Луганской Народных Республик. Выборку исследования составили 250 жителей указанных регионов, непосредственно столкнувшихся с последствиями боевых действий и сопутствующими экстремальными стрессорами (Колобова и Ичитовкина, 2023). Формирование выборки осуществлялось методом целевого отбора с использованием стратегии снежного кома и рекрутинга через социальные службы и образовательные учреждения. Критерии включения в исследование были следующими: возраст от 18 лет, постоянное проживание на территории вооруженного конфликта не менее двух лет, наличие документально подтвержденного опыта психотравмирующих переживаний, связанных с боевыми действиями (разрушение жилья, эвакуация, потеря близких, непосредственная угроза жизни). Критерии исключения включали наличие диагностированных психических расстройств в острой фазе, выраженных когнитивных нарушений, а также текущий прием психотропных препаратов, способных повлиять на достоверность результатов тестирования (Хрусталёва, 2018).

В качестве методологической основы исследования выступил комплекс взаимодополняющих психодиагностических методик, направленных на многоуровневый анализ личностных и поведенческих характеристик (Шапарь, 2008). Подбор методик осуществлялся с учетом их валидности, надежности и адекватности для исследования заявленной проблематики. Основным инструментом исследования выступил Тест жизнестойкости (Hardiness Test), разработанный С. Мадди и адаптированный Д. А. Леонтьевым и Е. И. Рассказовой (Леонтьев и Рассказова, 2006). Данная методика состоит из 45 утверждений и позволяет количественно оценить общий уровень жизнестойкости, а также выраженность ее ключевых компонентов: вовлеченности (15 пунктов), контроля (15 пунктов) и принятия риска (15 пунктов). Респонденты оценивают утверждения по четырехбалльной шкале Лайктерта. Для интерпретации результатов использовались нормативные показатели, валидизированные на российской популяции: общая жизнестойкость ($M = 80,72$; $\sigma = 18,53$), вовлеченность ($M = 37,64$; $\sigma = 8,08$), контроль ($M = 29,17$; $\sigma = 8,43$), принятие риска ($M = 13,91$; $\sigma = 4,39$). Показатели надежности методики в данном исследовании составили $\alpha = 0,87$ для общей шкалы жизнестойкости.

Для оценки когнитивных составляющих психологического благополучия применялась Шкала дисфункциональных отношений (Dysfunctional Attitude Scale, DAS) А. Бека и А. Вайсман (Beck & Weissman, 1973) в адаптации Т. В. Власовой. Методика включает 40 утверждений, оцениваемых по семибалльной шкале, и позволяет выявить глубинные дезадаптивные когнитивные схемы и установки, которые лежат в основе неадаптивного по-

ведения, способствуют возникновению межличностных конфликтов и повышают уязвимость к депрессивным и тревожным расстройствам (Beck & Weissman, 1973). Шкала обладает высокой дискриминативной валидностью и позволяет дифференцировать респондентов по степени дезадаптации их системы отношений. В данном исследовании использовались стандартные нормативные значения, принятые для русскоязычной выборки.

Для сбора социodemографических данных и анализа предпочитаемых стратегий преодоления стресса применялся авторский опросник, включающий блоки, направленные на оценку используемых копинг-стратегий в рамках модели SACS (Стратегии преодоления стрессовых ситуаций). Опросник содержал 40 вопросов, сгруппированных в 5 шкал: асертивные действия, поиск социальной поддержки, манипулятивные действия, избегание и осторожные действия. Конструктивная валидность опросника подтверждена экспертной оценкой, надежность по α -Кронбаху составила 0,79–0,84 для различных шкал.

Процедура исследования проводилась в индивидуальном и групповом форматах (группы по 10–15 человек) с обязательным соблюдением этических принципов конфиденциальности и информированного согласия (Набиуллина и Тухтарова, 2003). Среднее время заполнения батареи методик составляло 50–60 минут. Перед началом исследования все участники получали подробный инструктаж о целях и задачах работы, а также гарантии анонимности и конфиденциальности полученных данных. Полученные количественные данные подверглись статистической обработке с использованием методов описательной статистики (расчет средних значений, стандартных отклонений, частотный анализ), корреляционного анализа Пирсона для установления значимых связей между изучаемыми переменными, а также *t*-критерия Стьюдента для сравнения средних значений с нормативными показателями. Статистическая обработка данных проводилась с использованием программного пакета SPSS 23.0 с установленным уровнем значимости $p \leq 0,05$.

Результаты исследования

Гендерный состав выборки был сбалансирован: 132 женщины (52,8 %) и 118 мужчин (47,2 %). Возрастная структура выборки отражает широкий спектр взрослого населения: наибольшую группу составили молодые люди в возрасте 18–25 лет (46,8 %); группы зрелого и старшего возраста (36–45 лет и 46–64 года) были представлены практически одинаково – 18,0 % и 18,8 % соответственно. Также в выборке присутствовали респонденты старше 65 лет (6,4 %). Значительная часть респондентов (76,0 %) имела профессиональное (среднее специальное или высшее) образование. Анализ семейного положения показал, что наиболее распространенным статусом является нахождение в зарегистрированном браке (35,6 %), при этом почти треть выборки (32,0 %) никогда не состояла в браке. Оставшуюся часть составили разведенные (18,4 %) и вдовствующие (14,0 %) респонденты.

Проведенный анализ данных позволил выявить ряд значимых результатов, характеризующих психологическое состояние и личностные ресурсы исследуемой выборки. Прежде всего, обращают на себя внимание показатели жизнестойкости. Сравнение средних значений, полученных в исследовании, с нормативными данными демонстрирует статистически значимое снижение по всем ключевым параметрам. Общий показатель жизнестойкости в выборке составил 69,94 балла при норме 80,72. Аналогичная картина наблюдается и на уровне компонентов: вовлеченность – 30,18 балла при норме 37,64; контроль – 27,29 балла при норме 29,17; принятие риска – 12,46 балла при норме 13,91. Статистический анализ с использованием *t*-критерия Стьюдента подтвердил достоверность различий по всем показателям ($p < 0,001$). Наиболее выраженное отклонение от нормативных значений зафиксировано по шкале «вовлеченность» – разница составляет 7,46 балла.

Анализ распределения показателей жизнестойкости внутри выборки показал, что только 18,3 % респондентов продемонстрировали уровень жизнестойкости, соответствующий высоким нормативным значениям, в то время как 52,7 % участников оказались в зоне низких показателей. Наиболее проблемным компонентом оказалась вовлеченность: 61,2 % респондентов показали результаты ниже среднего уровня.

Результаты, полученные с помощью Шкалы дисфункциональных отношений (DAS), показали следующее распределение: низкая степень дезадаптации выявлена у 31,2 % участников; показатели, соответствующие условной норме, зафиксированы у 46,4 % респондентов; высокую степень дисфункциональности продемонстрировали 22,4 % опрошенных. Наиболее распространенными оказались дисфункциональные установки, связанные с перфекционизмом (34,8 % респондентов) и потребностью в одобрении (28,3 %).

Корреляционный анализ выявил обратную взаимосвязь между интегральным показателем жизнестойкости и его компонентами, с одной стороны, и склонностью к использованию таких неадаптивных копинг-стратегий, как избегание проблем ($r = -0,47, p < 0,01$) и пассивный поиск социальной поддержки ($r = -0,39, p < 0,01$), с другой. Обнаружена положительная корреляция жизнестойкости с такими проактивными стратегиями, как планирование решения проблемы ($r = 0,51, p < 0,01$) и позитивная переоценка ситуации ($r = 0,43, p < 0,01$).

Дополнительный анализ позволил выявить дифференцированное влияние различных компонентов жизнестойкости на выбор копинг-стратегий. Компонент «контроль» наиболее сильно коррелировал со стратегиями планирования решения проблем ($r = 0,42, p < 0,01$), в то время как «вовлеченность» демонстрировала наиболее тесную связь с позитивной переоценкой ($r = 0,38, p < 0,01$). Компонент «принятие риска» показал умеренные, но статистически значимые корреляции с обеими адаптивными стратегиями ($r = 0,24–0,28, p < 0,05$). Сила корреляционных связей варьировалась в зависимости от демографических характеристик: наиболее выраженные взаимосвязи наблюдались в группе респондентов 36–45 лет.

Обсуждение результатов

Полученные эмпирические данные позволяют сделать ряд важных выводов, углубляющих понимание механизмов психологической адаптации в условиях хронического стресса (Хрусталёва, 2018). Значительное снижение показателей жизнестойкости в исследуемой выборке является ярким индикатором деформации личностного потенциала под воздействием пролонгированной психотравматизации (Колобова и Ичтовкина, 2023). Проведенный сравнительный анализ с нормативными значениями выявил статистически достоверные различия по всем компонентам жизнестойкости, что свидетельствует о системном характере нарушений адаптационных ресурсов личности (Шапарь, 2008). Особую значимость приобретает тот факт, что снижение показателей носит не случайный, а закономерный характер, отражая глубинные изменения в структуре личности под воздействием экстремальных стрессоров (Werner, 1993). С теоретической точки зрения, выявленные изменения могут быть интерпретированы через призму концепции психологической травмы как процесса дезинтеграции личности (Набиуллина и Тухтарова, 2003). Снижение жизнестойкости отражает нарушение базовых механизмов саморегуляции, что согласуется с современными представлениями о влиянии хронического стресса на когнитивно-аффективную сферу личности (Maddi, 2006). Полученные данные также перекликаются с положениями теории сохранения ресурсов С. Хобфолла, согласно которой продолжительное воздействие стрессоров приводит к истощению психологических ресурсов личности (Александрова, 2004).

Низкие значения по шкале вовлеченности свидетельствуют об утрате чувства осмысленности существования, что согласуется с концепцией экзистенциального вакуума В. Франкла (Калашникова, 2011). Наиболее выраженное отклонение от нормативных значений по шкале «вовлеченность» можно интерпретировать как проявление симптомов экзистенциальной пустоты, потери интереса к различным аспектам жизни, чувства отчужденности и выключенности из социального контекста (Александрова, 2004). Такая картина является типичной реакцией на пролонгированную психотравматизацию и свидетельствует о глубинных нарушениях в смысловой сфере личности (Книжникова, 2010). Особенно тревожным представляется массовый характер этих нарушений, затрагивающий более половины выборки, что указывает на необходимость разработки масштабных программ психологической помощи (Борисенко и др., 2014).

Сниженный контроль отражает формирование выученной беспомощности, когда человек перестает верить в свою способность влиять на события собственной жизни (Циринг, 2009). Низкое принятие риска свидетельствует о ригидности установок и страхе перед переменами, что в совокупности существенно ограничивает адаптационные возможности личности (Одинцова, 2015). Тот факт, что только 18,3 % респондентов продемонстрировали уровень жизнестойкости, соответствующий высоким нормативным значениям, в то время как 52,7 % участников оказались в зоне низких показателей (Иванова, 2013), подтверждает глубину дезадаптационных процессов.

Следует особо отметить, что выявленные нарушения имеют комплексный характер и проявляются на разных уровнях личности: когнитивном (нарушения в системе убеждений), эмоциональном (снижение интереса и мотивации) и поведенческом (избегание активных стратегий совладания) (Книжникова, 2010). Этот факт подтверждает необходимость целостного подхода к психологической помощи, учитывающего взаимосвязь различных аспектов личности (Ефимова и др., 2011).

Выявленная структура корреляционных связей полностью подтверждает теоретические положения С. Мадди и эмпирические находки Д.А. Леонтьева о том, что жизнестойкость выступает не пассивным «амортизатором» стресса, а активным личностным ресурсом, который направляет и организует процесс совладания с трудностями (Леонтьев и Рассказова, 2006). Личности с высоким уровнем жизнестойкости склонны использовать те стратегии, которые позволяют им трансформировать кризисную ситуацию, активно воздействуя на нее (планирование) или извлекая из нее новый личностный смысл (позитивная переоценка) (Maddi, 2006). Обнаруженные корреляции демонстрируют, что именно жизнестойкость определяет выбор конструктивных путей преодоления трудностей, выступая своеобразным фильтром, отсеивающим деструктивные поведенческие паттерны (Beck & Weissman, 1973).

Интересным представляется анализ дифференцированного влияния различных компонентов жизнестойкости на процесс совладания со стрессом (Zelenova et al., 2019). Так, компонент контроля наиболее тесно связан с активными поведенческими стратегиями, в то время как вовлеченность определяет смысловую переработку травматического опыта. Это подтверждает комплексный характер влияния жизнестойкости на процесс адаптации и указывает на необходимость дифференцированного подхода в коррекционной работе (Леонтьев и Рассказова, 2011).

Напротив, низкая жизнестойкость «толкает» индивида в сторону пассивных и деструктивных стратегий, таких как избегание, которое лишь усугубляет чувство потери контроля и способствует дальнейшей дезадаптации (Хрусталёва, 2018). Этот порочный круг дезадаптации особенно ярко проявляется в условиях хронического стресса, когда повторяющиеся неудачи в попытках справиться с ситуацией укрепляют веру в собственную несостоятельность (Werner, 1993). Дифференцированная картина корреляций отдельных компонентов жизнестойкости с различными копинг-стратегиями подчеркивает сложную, многокомпонентную природу этого феномена и указывает на необходимость дифференцированного подхода в психокоррекционной работе (Набиуллина и Тухтарова, 2003).

Обнаруженный высокий процент респондентов с дисфункциональными отношениями (22,4 %) является тревожным сигналом, указывающим на глубину дезадаптации (Beck & Weissman, 1973). Эти ригидные когнитивные схемы («Я должен быть совершенным», «Меня должны все любить и одобрять») не только сами по себе являются

источником стресса, но и напрямую блокируют развитие асертивности, подменяя ее либо пассивно-зависимым, либо агрессивно-обвиняющим стилем общения (Ефимова и др., 2011). Анализ показывает, что дисфункциональные установки создают своеобразный «когнитивный барьер» на пути формирования адаптивного поведения, искажая восприятие социальных ситуаций и затрудняя выбор адекватных стратегий взаимодействия (Книжникова, 2010).

Сочетание низкой жизнестойкости с высоким уровнем дисфункциональных отношений создает особенно неблагоприятный прогноз для психологической адаптации, формируя порочный круг дезадаптации (Zelenova et al., 2019). Этот синдром характеризуется взаимным усилением дезадаптивных проявлений: сниженная жизнестойкость препятствует коррекции дисфункциональных установок, а те, в свою очередь, блокируют развитие жизнестойкости (Maddi, 2006). Разрыв этого порочного круга требует комплексного подхода, сочетающего методы когнитивной перестройки с развитием личностных ресурсов (Леонтьев и Рассказова, 2006).

В этом контексте асертивное поведение закономерно рассматривается как конкретное, наблюдаемое проявление жизнестойкости в сфере межличностных коммуникаций (Одинцова, 2015). Проведенный анализ позволяет утверждать, что асертивность является не просто набором коммуникативных навыков, а внешним выражением глубинных личностных характеристик, сформированных жизнестойкостью (Александрова, 2004). Уверенность в себе и способность открыто заявлять о своих потребностях являются прямым следствием установки на контроль; прямое и честное общение базируется на вовлеченности, то есть интересе к взаимодействию с другими; готовность отстаивать свою позицию в диалоге, не опасаясь негативной реакции, отражает установку на принятие риска (Иванова, 2013). Таким образом, асертивность выступает тем поведенческим мостом, который соединяет внутренний, когнитивно-мотивационный ресурс жизнестойкости с реальной социальной средой (Калашникова, 2011). Обнаруженные корреляционные связи позволяют предположить, что развитие жизнестойкости создает необходимые предпосылки для формирования асертивного поведения как эффективного инструмента социальной адаптации (Циринг, 2009). Это положение имеет важное практическое значение, поскольку указывает на необходимость параллельного развития как когнитивно-мотивационных, так и поведенческих аспектов личности в процессе психологической помощи (Борисенко и др., 2014).

Следовательно, психологическая помощь и психопрофилактическая работа с населением, переживающим последствия психотравмирующих событий, должны носить комплексный, многоуровневый характер (Хрусталёва, 2018). Она должна быть направлена не только на снятие острых симптомов стресса, но и на глубинную трансформацию личностных структур (Werner, 1993). В качестве приоритетных направлений можно выделить:

- Целенаправленное развитие системы жизнестойких убеждений с использованием методов когнитивно-поведенческой терапии, экзистенциального консультирования и коучинга личностного роста, что позволит сформировать прочный внутренний фундамент для устойчивости (Набиуллина и Тухтарова, 2003). Особое внимание следует уделять развитию компонента вовлеченности через работу с системой личностных смыслов, используя техники смыслориентированной терапии и экзистенциального анализа (Александрова, 2004). Важной составляющей является развитие способности к нахождению смысла в перенесенных трудностях и текущей деятельности (Колобова и Ичитовкина, 2023).

- Систематическое обучение навыкам асертивного поведения через социально-психологические тренинги, ролевые игры и техники коммуникативного тренинга, что обеспечит человека эффективными инструментами для взаимодействия в стрессогенной среде (Шапарь, 2008). При этом важно учитывать выявленные дифференцированные связи между компонентами жизнестойкости и копинг-стратегиями, разрабатывая индивидуализированные программы развития (Одинцова, 2015). Особое внимание следует уделять формированию навыков уверенного поведения в ситуациях, связанных с отстаиванием личных границ и выражением потребностей (Иванова, 2013). Необходимо проводить коррекцию дисфункциональных когнитивных схем с помощью методов когнитивной реструктуризации, что позволит устраниить внутренние барьеры, мешающие реализации асертивной и жизнестойкой позиции (Beck & Weissman, 1973). Ключевое значение в этом процессе имеет работа с перфекционистскими установками, катастрофизацией и дихотомическим мышлением, которые наиболее существенно затрудняют адаптацию (Ефимова и др., 2011). Эффективным представляется использование техник когнитивно-поведенческой терапии, направленных на выявление и изменение автоматических негативных мыслей (Калашникова, 2011).

Реализация этих направлений требует разработки интегративных программ, сочетающих различные психотехнологии и учитывающих индивидуальные особенности клиентов (Борисенко и др., 2014). Особую важность приобретает принцип этапности психологической помощи, предполагающий последовательную работу с различными уровнями личности – от коррекции симптомов до глубинной трансформации личностных структур (Циринг, 2009). Перспективным направлением представляется также разработка профилактических программ, формирующих психологическую устойчивость у различных групп населения (Книжникова, 2010). Особое значение приобретает работа с молодежью, поскольку выявленные нарушения могут иметь долгосрочные последствия для личностного развития (Zelenova et al., 2019). Важным аспектом является также учет культурных и социальных особенностей региона при разработке программ психологической помощи (Леонтьев и Рассказова, 2011). Особого внимания заслуживает временной аспект выявленных нарушений. Можно предположить, что обнаруженные изменения представляют собой не только непосредственную реакцию на травматические события, но и результат длительного процесса психологической дезадаптации (Колобова и Ичитовкина, 2023). Это подчеркивает важность сво-

евременного вмешательства и необходимость разработки программ профилактики нарушений психологической адаптации (Шапарь, 2008).

Методологические ограничения исследования, связанные с особенностью выборки и используемого инструментария, указывают на необходимость дальнейших исследований с применением лонгитюдного дизайна и включением дополнительных переменных (Maddi, 2006). Особый интерес представляет изучение динамики изменения жизнестойкости и асертивного поведения в процессе психологической помощи, что позволит оценить эффективность различных коррекционных подходов (Werner, 1993).

Заключение. Проведенное исследование позволяет заключить, что жизнестойкость и асертивное поведение представляют собой взаимосвязанные и взаимодополняющие элементы единой системы психологической адаптации личности (Хрусталёва, 2018). Жизнестойкость, как системообразующий личностный ресурс, задает содержательное направление и мотивационную основу для поведения, в то время как асертивность выступает в роли эффективного инструментария его реализации в социальном взаимодействии (Набиуллина и Тухтарова, 2003). Установленные в ходе исследования корреляционные связи между компонентами жизнестойкости и конкретными поведенческими паттернами позволяют говорить о существовании четких механизмов их взаимовлияния, что открывает новые перспективы для разработки целенаправленных психокоррекционных программ.

Эмпирически подтвержденное снижение жизнестойкости и высокая распространенность дисфункциональных отношений в выборке лиц, переживших психотравмирующий опыт, подчеркивают острую необходимость в смещении акцентов психологической помощи с симптоматической поддержки на глубинное личностное развитие (Колобова и Ичтюковина, 2023). Особую значимость приобретает выявленный дисбаланс в структуре жизнестойкости – выраженный дефицит компонента вовлеченности свидетельствует о глубинных нарушениях в смысловой сфере личности, что требует применения экзистенциальных и смыслориентированных подходов в психологической работе (Александрова, 2004). Сочетание низкой жизнестойкости с высоким уровнем дисфункциональных отношений создает особенно неблагоприятный прогноз для психологической адаптации, формируя порочный круг дезадаптации, разрыв которого требует комплексного вмешательства (Beck & Weissman, 1973).

Полученные данные имеют важное практическое значение для организации психологической помощи в условиях длительного стресса и психотравмирующих воздействий (Шапарь, 2008). Выявленные закономерности позволяют утверждать, что эффективная психологическая поддержка должна быть направлена не только на купирование острых симптомов дистресса, но и на последовательное развитие личностного потенциала через формирование жизнестойких установок и обучение адаптивным поведенческим стратегиям (Одинцова, 2015). Особое значение приобретает дифференцированный подход, учитывающий специфику нарушений каждого компонента жизнестойкости и их взаимосвязь с определенными копинг-стратегиями (Иванова, 2013).

Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке и апробации интегративных психотехнологий, сочетающих в себе методы развития жизнестойкости, тренировки асертивного поведения и коррекции дезадаптивных когнитивных схем (Борисенко и др., 2014). Особого внимания заслуживает изучение возрастной и гендерной специфики проявления жизнестойкости в условиях хронического стресса, а также исследование долгосрочных эффектов различных психокоррекционных программ (Циринг, 2009). Важным направлением представляется разработка профилактических мероприятий, направленных на формирование психологической устойчивости у различных групп населения, находящихся в зоне повышенного риска психотравматизации (Книжникова, 2010).

В более широком контексте полученные результаты свидетельствуют о необходимости пересмотра традиционных подходов к психологической помощи в кризисных ситуациях (Zelenova et al., 2019). Вместо пассивной модели поддержки, ориентированной на минимизацию негативных последствий, предлагается активная модель развития, направленная на раскрытие личностного потенциала и формирование психологической устойчивости (Maddi, 2006). Такой подход позволит не просто восстановить докризисное состояние, а достичь качественно нового уровня личностного развития, обеспечивающего возможность эффективного функционирования и сохранения психологического благополучия даже в самых неблагоприятных жизненных обстоятельствах (Werner, 1993). Реализация этого подхода требует тесной интеграции научных исследований и практической работы, а также разработки конкретных методических решений для различных категорий населения (Калашникова, 2011).

Список литературы

Александрова, Л. А. (2004). К концепции жизнестойкости в психологии. *Сибирская психология сегодня*, 2, 82–90.

Борисенко, О. В., Матёрова, Т. А., Ховалкина, Т. А., и Шамардина, М. В. (2014). Особенности формирования жизнестойкости и совладения с трудными жизненными и стрессовыми ситуациями несовершеннолетних в образовании: методическое пособие. АлтГУ.

Ефимова, О. И., Игдырова, С. В., и Ощепков, А. А. (2011). Взаимосвязь ценностных ориентаций и жизнестойкости личности у нормативных и девиантных подростков. *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*, 5(1), 61–71.

Зеленова, М. Е., Лекалов, А. А., Лим, В. С., и Костенко, Е. В. (2019). Уровень профессионализма, копинг-стратегии и профессиональное здоровье летчиков. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, 4(2), 92–116.

Иванова, М. А. (2013). Жизненные сценарии и жизнестойкость подростков. *Фундаментальные исследования*, 10–4, 875–878.

Калашникова, С. А. (2011). Смысложизненные ориентации, базовые убеждения и стратегии поведения в трудных жизненных ситуациях людей с различными показателями жизнестойкости. *Учёные записки ЗабГУ. Серия: Педагогика и психология*, 5, 161–167.

Книжникова, С. В. (2010). Структурно-функциональное описание жизнестойкости в аспекте суициальной превенции. В *Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции «Феноменология и профилактика девиантного поведения»* (С. 67–70). Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Колобова, С. В., и Ичтовкина, Е. Г. (2023). Исследование факторов риска, способствующих нарушению психологической безопасности у мирного населения прифронтовых территорий. *Северокавказский психологический вестник*, 21(1), 5–15.

Леонтьев, Д. А., и Рассказова, Е. И. (2006). *Тест жизнестойкости*. Смысл.

Леонтьев, Д. А., и Рассказова, Е. И. (2011). Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала. В Д. А. Леонтьев (Ред.) *Личностный потенциал: структура и диагностика* (С. 678–680). Смысл.

Рассказова, Е. И., и Леонтьев, Д. А. (2011). Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала. В Д. А. Леонтьев (Ред.) *Личностный потенциал: структура и диагностика* (С. 178–209). Смысл.

Набиуллина, Р. Р., и Тухтарова, И. В. (2003). *Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом (определение, структура, функции, виды, психотерапевтическая коррекция): учебное пособие*. Казанская Государственная Медицинская Академия.

Одинцова, М. А. (2015). *Психология жизнестойкости*. ФЛИНТА.

Хрусталева, Н. С. (2018). *Психология кризисных и экстремальных ситуаций*. Издательство СПбГУ.

Циринг, Д. А. (2009). Исследование жизнестойкости у беспомощных и самостоятельных подростков. *Вестник Томского государственного университета*, 323, 336–342.

Шапарь, В. Б. (2008). *Психология кризисных ситуаций*. Феникс.

Beck, A. T., & Weissman, A. (1973). The Dysfunctional Attitude Scale. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 41(1), 165–171.

Maddi, S. R. (2006). Hardiness: The courage to grow from stresses. *The journal of positive psychology*, 1(3), 160–168. <https://doi.org/10.1080/17439760600619609>

Werner, E. E. (1993). Risk, resilience, and recovery: Perspectives from the Kauai Longitudinal Study. *Development and psychopathology*, 5(4), 503–515.

References

Alexandrova, L. A. (2004). Toward the concept of resilience in psychology. *Siberian psychology today*, 2, 82–90. (In Russ.)

Borisenko, O. V., Matyorova, T. A., Khovalkina, T. A., & Shamardina, M. V. (2014). *Features of formation of resilience and coping with difficult life and stressful situations of minors in education: methodological manual*. ASU. (In Russ.)

Beck, A. T., & Weissman, A. (1973). The Dysfunctional Attitude Scale. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 41(1), 165–171.

Efimova, O. I., Igdyrova, S. V., & Oshchepkov, A. A. (2011). The relationship between value orientations and personality resilience in normative and deviant adolescents. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 5(1), 61–71. (In Russ.)

Ivanova, M. A. (2013). Life scenarios and hardiness of adolescents. *Fundamental Research*, 10–4, 875–878. (In Russ.)

Kalashnikova, S. A. (2011). Life meaning orientations, basic beliefs and behavior strategies in difficult life situations of people with different indices of viability. *Uchenye zapiski ZabGU. Series: Pedagogy and Psychology*, 5, 161–167. (In Russ.)

Knizhnikova, S. V. (2010). Structural and functional description of resilience in the aspect of suicidal prevention. *Proc. of IV all-Russian Scientific and Practical Conference “Phenomenology and Prevention of Deviant Behavior”* (pp. 67–70). Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (In Russ.)

Kolobova, S. V., & Ichitovkina, E. G. (2023). Investigation of risk factors contributing to the violation of psychological security among the civilian population of frontline territories. *North-Caucasian Psychological Bulletin*, 21(1), 5–15. (In Russ.)

Khrustaleva, N. S. (2018). *Psychology of crisis and extreme situations*. St. Petersburg State University Publishing House. (In Russ.)

Leontiev, D. A., & Rasskazova, E. I. (2006). *The test of Hardiness Survey*. Meaning. (In Russ.)

Leontiev, D. A., & Rasskazova, E. I. (2011). Resilience as a component of personal potential. In D. A. Leontiev (Ed.) *Personality potential: structure and diagnostics* (pp. 678–680). Meaning. (In Russ.)

Maddi, S. R. (2006). Hardiness: The courage to grow from stresses. *The journal of positive psychology*, 1(3), 160–168. <https://doi.org/10.1080/17439760600619609>

Nabiullina, R. R., & Tukhtarova, I. V. (2003). *Mechanisms of psychological defense and coping with stress (definition, structure, functions, types, psychotherapeutic correction): textbook*. Kazan State Medical Academy. (In Russ.)

Odintsova, M. A. (2015). *Psychology of resilience*. FLINTA. (In Russ.)

Rasskazova, E. I., & Leontiev, D. A. (2011). Resilience as a component of personal potential. In D. A. Leontiev (Ed.) *Personality potential: structure and diagnostics* (pp. 178–209). Meaning. (In Russ.)

Shapar, V. B. (2008). *Psychology of crisis situations*. Phoenix. (In Russ.)

Werner, E. E. (1993). Risk, resilience, and recovery: Perspectives from the Kauai Longitudinal Study. *Development and psychopathology*, 5(4), 503–515.

Zelenova, M. E., Lekalov, A. A., Lim, V. S., & Kostenko, E. V. (2019). Level of professionalism, coping strategies and occupational health of pilots. ; Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. *Organizational psychology and psychology of work*, 4(2), 92–116. (In Russ.)

Ziering, D. A. (2009). The study of resilience in helpless and independent adolescents. *Tomsk State University Journals*, 323, 336–342. (In Russ.)

Об авторах:

Татьяна Григорьевна Винтонюк, старший преподаватель кафедры практической психологии, Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи (Российская Федерация, 87500, г. Мариуполь, пр. Строителей, 129а), [SPIN-код](#), tvintonyuk@bk.ru

Маргарита Викторовна Мацегора, ассистент кафедры языковой подготовки и профессиональной коммуникации, Приазовский государственный технический университет – филиал ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет» (Российская Федерация, 87500, г. Мариуполь, ул. Итальянская, 115), [ORCID](#), [SPIN-код](#), professor9016@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Tatyana Grigorievna Vintonyuk, Senior Lecturer, Practical Psychology Department, A. I. Kuindzhi Mariupol State University (129a, Stroiteley Ave., Mariupol, 87500, Russian Federation), [SPIN-code](#), tvintonyuk@bk.ru

Margarita Viktorovna Matsegora, Assistant, Language Training and Professional Communication Department, Azov State Technical University – a branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering” (115, Italianskaya Str., Mariupol, 87500, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), professor9016@gmail.com

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 06.07.2025

Поступила после рецензирования / Revised 15.10.2025

Принята к публикации / Accepted 18.10.2025

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY

УДК 159.9

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-25-34>

NATRPI

Взаимосвязь агрессивности и спонтанности с психологическим благополучием

Дина В. Филиппова¹ , Юлия В. Честюнина¹ ,
Людмила Г. Фомичева¹ , Юлия А. Буслаева¹ ,
Людмила А. Зайцева²

¹ Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

dinavolodenko@yandex.ru

Аннотация

Введение. В сфере изучения психологического благополучия недостаточно освещены вопросы о положительном влиянии дезадаптивных личностных черт, а именно агрессии и спонтанности, на него. Понимание этой связи является ключевым для разработки эффективных подходов к повышению качества жизни и психического здоровья людей. Новизна данного исследования заключается именно в попытке восполнить имеющиеся пробелы и раскрыть аспекты взаимосвязи личностных особенностей и психологического благополучия в рамках современных условий жизни.

Цель. Определение характера и специфики взаимосвязи между агрессивностью (напористостью), спонтанностью и уровнем психологического благополучия.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 100 человек в возрасте от 20 до 59 лет. Для сбора данных был использован комплекс психодиагностических методик: «Индивидуально-типологический опросник» (ИТО) Л. Н. Собчик, Шкала психологического благополучия К. Рифф, Шкала эмоциональной зрелости М. Аткинсона и Шкала субъективной витальности Р. Райана и К. Фредерика. Обработка полученных данных проводилась с применением методов дескриптивной статистики и непараметрического корреляционного анализа (коэффициенты ранговой корреляции Спирмена и Кендалла) с использованием программного пакета SPSS Statistics, что позволило учесть особенности распределения признаков и обеспечить надежность выводов.

Результаты исследования. Определена значимая положительная корреляционная связь между агрессивностью и психологическим благополучием. Установлено, что такие черты, как агрессивность и спонтанность, взаимосвязаны с уровнем благополучия, обнаруживаются положительные корреляции с автономией, управлением средой, личностным ростом, позитивными отношениями и самопринятием.

Обсуждение результатов. Полученные авторами данные подтверждаются другими исследованиями, которые проводились ранее. Так, в исследовании зарубежных авторов С. Шахин и Х. Шахин была определена значимая положительная корреляция между эмоциональным интеллектом и компонентами благополучия. Таким образом, полученные результаты вносят вклад в переосмысление роли «негативных» черт структуры личности, предлагая рассматривать их не как безусловные факторы риска, а как потенциальные ресурсы для адаптации и развития.

Ключевые слова: психологическое благополучие, личностные черты, агрессивность, спонтанность, экстраверсия, самооценка

Для цитирования. Филиппова, Д. В., Честюнина, Ю. В., Фомичева, Л. Г., Буслаева, Ю. А., и Зайцева, Л. А. (2025). Взаимосвязь агрессивности и спонтанности с психологическим благополучием. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 8(5), 25–34. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-25-34>

The Relationship of Aggressiveness and Spontaneity with Psychological Well-Being

Dina V. Filippova¹ , Julia V. Chestyunina¹ ,
Lyudmila. G. Fomicheva¹ , Yulia A. Buslaeva¹ ,
Lyudmila A. Zaitseva²

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 dinavolodenko@yandex.ru

Abstract

Introduction. The positive impact of maladaptive personality traits, namely aggression and spontaneity, on psychological well-being has not been sufficiently addressed in the field of psychological well-being research. Understanding this relationship is the key to developing effective approaches to improving the quality of life and mental health of people. The novelty of this study lies precisely in the attempt to fill the existing gaps and reveal aspects of the relationship between personality traits and psychological well-being within the framework of modern living conditions.

Objective. Determine the nature and specificity of the relationship between aggressiveness (assertiveness), spontaneity, and the level of psychological well being.

Materials and Methods. The study involved 100 people aged from 20 to 59 years old. A set of psychodiagnostic techniques was used for data collection: "Individual-Typological Questionnaire" (ITO) by L. N. Sobchik, Psychological Well-Being Scale by K. Rieff, Emotional Maturity Scale by M. Atkinson and Subjective Vitality Scale by R. Ryan and K. Frederick. Processing of the obtained data was carried out using the methods of descriptive statistics methods and nonparametric correlation analysis (Spearman and Kendall rank correlation coefficients) using the SPSS Statistics software package, which made it possible to take into account the peculiarities of the distribution of signs and ensure the reliability of conclusions.

Results. A significant positive correlation was determined between aggression and psychological well-being. It was found that such traits as aggressiveness and spontaneity are correlated with the level of well-being, positive correlations with autonomy, environmental management, personal growth, positive relationships, and self-acceptance are found.

Discussion. The data obtained by the authors are confirmed by other studies conducted earlier. Thus, in the study of foreign authors S. Shaheen and H. Shaheen a significant positive correlation between emotional intelligence and components of well-being was determined. Thus, the results obtained contribute to rethinking the role of "negative" traits of personality structure, suggesting to consider them not as unconditional risk factors but as potential resources for adaptation and development.

Keywords: psychological well-being, personality traits, aggressiveness, spontaneity, extraversion, self-esteem

For Citation. Filippova, D. V., Chestyunina, Y. V., Fomicheva, L. G., Buslaeva, Y. A., & Zaitseva, L. A. (2025). The relationship of aggressiveness and spontaneity with psychological well-being. *Innovative science: psychology, pedagogy, defeciology*, 8(5), 25–34. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-25-34>

Введение

В современном обществе вопрос психологического благополучия становится всё более актуальным, особенно в свете стремительных социальных и экономических изменений. Нам известно, что личностные черты, такие как экстраверсия, агрессивность, спонтанность и другие, могут быть связаны с уровнем стресса, с удовлетворённостью жизнью и с общим психологическим здоровьем людей. В условиях цифровизации и увеличения количества информации, с которой сталкивается человек, ожидается, что люди сталкиваются с новыми вызовами и стрессовыми ситуациями. Эти обстоятельства требуют высокого уровня адаптивности и устойчивости к негативным воздействиям. В этой связи особое внимание уделяется тому, как личные качества индивидов способствуют либо препятствуют достижению психологического благополучия. Кроме того, с учётом современного темпа жизни и растущих требований к качеству жизни, необходимо уделять внимание не только моментам преодоления трудностей, но и формированию и поддержанию психического здоровья. Важно выявить, какие именно личностные черты способствуют формированию устойчивого благополучия и ментального здоровья, а какие могут приводить к рискам развития различных психологических заболеваний. Это знание позволит разработать эффективные методы профилактики и коррекции, помогающие личности ориентироваться в современном мире и находить своё место в нём, что в конечном итоге повысит общий уровень счастья и удовлетворённости жизнью в социуме (Позняков и Хромова, 2016).

В ходе исследования предполагается следующая гипотеза: существует прямая корреляция между личностными характеристиками, а именно спонтанностью и агрессивностью, и психологическим благополучием. Несмотря на растущий объём исследований и предпринимаемые усилия, остаются слабо изученными нюансы и особенности проявления взаимосвязи между личностными характеристиками и уровнем психологического благополучия у взрослых. К примеру, влияние глобальных социокультурных изменений на эту взаимосвязь не изучено долж-

ным образом. Существуют различия в том, как молодежь и более старшие возрастные группы воспринимают и адаптируются к новым вызовам, что делает необходимым выделение данной проблемы в отдельное исследование (Корнилова и др., 2017).

Теоретические основы психологического благополучия. Существует несколько основных подходов к определению психологического благополучия. Первый подход, отражающий традиционно позитивистскую точку зрения, рассматривает благополучие через призму общего счастья и удовлетворенности жизнью. Согласно этому подходу, психологическое благополучие включает в себя положительные эмоции, ощущение счастья и удовлетворенности своими жизненными достижениями (Позняков и Хромова, 2016). Второй подход акцентирует внимание на внутреннем развитии личности, включая такие аспекты, как самоактуализация и реализация потенциальных возможностей. Согласно данному взгляду, психологическое благополучие характеризуется не только временем счастья, но и стремлением к личностному росту и саморазвитию. Этот подход эффективен в контексте изучения личностных факторов, способствующих улучшению психоэмоционального состояния индивидов.

Выделяется ряд компонентов психологического благополучия. Во-первых, это эмоциональное благополучие, а именно способность человека испытывать положительные эмоции и эффективно управлять негативными. Этот компонент играет ключевую роль в формировании общего уровня удовлетворенности жизнью. Во-вторых, важным аспектом является психологическая гибкость – способность адаптироваться к изменениям в жизни и эффективно справляться со стрессовыми ситуациями. Без этого навыка поддерживать психологическое благополучие крайне сложно. Еще одним важным компонентом является социальное благополучие, которое обозначает удовлетворенность межличностными отношениями и уровень поддержки, получаемой от общества и близких людей. Ключевым элементом считается целеустремленность и наличие смысла жизни.

Таким образом, понятие психологического благополучия охватывает множество аспектов и компонент, что делает его многослойным и многогранным понятием. Имея различные определения и подходы, важно учитывать их взаимосвязь и специфику конкретного контекста, в котором происходит исследование, чтобы более точно оценить состояние и факторы, способствующие психологическому благополучию (Корженовский и Меланьина, 2023).

Факторы, влияющие на психологическое благополучие. Внутренние факторы в первую очередь включают личностные особенности, такие как уровень устойчивости к стрессу, эмоциональная стабильность и самооценка. Люди с высоким уровнем эмоциональной устойчивости, как правило, легче справляются с трудностями и имеют более позитивное восприятие жизни. Невротизм – черта, связанная с предрасположенностью к тревожности и негативным эмоциям, может значительно снижать уровень благополучия. Напротив, положительные качества, такие как оптимизм и самоэффективность, содействуют улучшению общего состояния психического здоровья (Гришина, 2016). Следующим важным внутренним фактором является самооценка. Уровень самооценки напрямую влияет на то, как человек воспринимает себя и свое место в жизни.

Внешние факторы имеют не менее значимое влияние на благополучие. К числу таких факторов относятся социальная поддержка, экономические условия, доступ к качественному образованию и здравоохранению, а также безопасность окружающей среды. Наличие поддерживающих отношений с близкими, друзьями и коллегами значительно способствует ощущению защищенности и принадлежности, что является необходимым для достижения высокого уровня благополучия (Леонтьев и Аверина, 2011). Социально-экономические условия жизни также играют важную роль. Люди, живущие в условиях экономического неравенства или испытывающие финансовые трудности, могут сталкиваться с высоким уровнем стресса и тревожности, что негативно сказывается на их психическом состоянии. С другой стороны, высокий уровень экономической стабильности и наличие возможностей для социального и профессионального развития могут способствовать улучшению качества жизни и психоэмоционального состояния. Не менее важной является культурная среда, в которой живет человек. Открытость среды к различным мнениям и стилям жизни, поддержка индивидуальности и разнообразия могут оказывать положительное влияние на самочувствие и уровень удовлетворенности жизнью.

Материалы и методы

Выборка в исследовании составила 100 человек, отобранных случайным образом. Среди участников было 86 % женщин и 14 % мужчин разных возрастных категорий (от 20 до 59 лет) и социально-экономических слоёв. Методология исследования включает в себя как количественные, так и качественные подходы.

Процедура проведения исследования:

Этапы сбора данных проходили в три основных этапа. На первом этапе участникам была представлена информация об исследовании, в которой объяснялись цели исследования и условия участия, далее респонденты давали информированное согласие, после этого, участники проходили анкетирование, в ходе которого заполняли предложенные опросники. Все ответы были собраны в электронном формате для обеспечения удобства анализа. Для максимально комфортного проведения сбора данных нами была создана Гугл-форма, которую испытуемые могли пройти на добровольной основе.

Для сбора данных использовались следующие инструменты:

1. Методика «Индивидуально-типологический опросник» (ИТО) Собчик: Многофакторный личностный опросник, предназначенный для оценки различных личностных черт и характеристик (Собчик, 2005).

2. Шкала психологического благополучия Рифф: Шкала, измеряющая шесть измерений психологического благополучия: автономию, мастерство среды, личностный рост, позитивные отношения с другими, цель в жизни и самопринятие (Лепешинский, 2007).

3. Для участников нашего исследования была разработана анкета для сбора первичных данных, включает в себя вопросы, направленные на сбор информации для социально-демографической характеристики выборки (пол, возраст, данные о рабочем статусе и виде занятости, субъективной оценке дохода, информацию о семье, образовании и профессии).

Методы статистической обработки включали:

1. Методы дескриптивной статистики, включая расчет средних значений и стандартных отклонений, асимметрии и эксцесса.

2. Проверка распределения на нормальность с помощью критерия Колмогорова-Смирнова.

3. Для проверки гипотезы о взаимосвязях между переменными применялся ранговый коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты исследования

На первом этапе обработки данных исследования была проведена описательная статистика, результаты которой представлены в таблицах 1 и 2 и проведена проверка на нормальность распределения с помощью критерия Колмогорова-Смирнова.

Таблица 1

Анализ Описательной статистики по методике «Индивидуально-типологический опросник (ИТО)» Л. Н. Собчик

	Ассиметрия		Эксцесс		μ	σ
	Статист.	Станд. ошибка	Статист.	Станд. ошибка		
Экстраверсия	-0,202	0,241	-0,499	0,478	5,53	2,072
Спонтанность	-0,672	0,241	1,602	0,478	6,03	1,660
Агрессивность	-0,377	0,241	0,068	0,478	5,05	1,641
Ригидность	-1,076	0,241	0,126	0,478	4,85	1,591
Интроверсия	0,154	0,241	-0,522	0,478	3,99	1,801
Сензитивность	-0,88	0,241	0,714	0,478	5,10	1,697
Тревожность	-0,11	0,241	-0,262	0,478	4,70	1,720
Лабильность	-0,342	0,241	0,222	0,478	5,31	1,433

Анализ средних значений, представленных в таблице 1, позволил выделить в исследуемой выборке ведущие личностные тенденции: высокие показатели по шкалам «Спонтанность» ($\mu = 6,03$), «Экзальтированность» ($\mu = 5,53$) и «Лабильность» ($\mu = 5,31$) в сочетании с низким показателем по шкале «Интроверсия» ($\mu = 3,99$) позволяют описать усредненный профиль как эмоционально-экспрессивный, с доминированием экстравертированной и спонтанной активности. Анализ Ассиметрии и Эксцесса показал значимые отклонения распределений от нормального по ряду шкал (например, отрицательная асимметрия у «Ригидности» и «Сензитивности», положительный эксцесс у «Спонтанности»). Проведенная проверка на нормальность распределения с помощью критерия Колмогорова-Смирнова показала, что по всем шкалам методики «Индивидуально-типологический опросник (ИТО)» Л.Н. Собчик, распределение значимо отличается от нормального. Это было учтено при выборе непараметрических критериев для дальнейшего анализа.

Далее был проведен анализ дескриптивной статистики данных, полученных по методике «Шкала психологического благополучия» К. Рифф представлены в таблице 2.

Из данных, представленных в таблице 2 видно, что наиболее высокие средние значения наблюдаются по шкалам: «Позитивные отношения» ($\mu = 2,82$), «Личностный рост» ($\mu = 2,82$).

По шкалам «Самопринятие», «Автономия» и «Управление средой» были получены следующие результаты соответственно: ($\mu = 2,68$), ($\mu = 2,65$) и ($\mu = 2,63$). Относительно более низкое среднее значение наблюдается по шкале «Цели в жизни» ($\mu = 2,22$) по сравнению с другими шкалами.

Для всех шкал значения асимметрии и эксцесса значимо отличаются от нуля. Это означает, что ни одно из распределений не является нормальным. Проверка по критерию Колмогорова-Смирнова также показала, что по большинству шкал методики распределение отличается от нормального.

Далее для оценки взаимосвязей между индивидуально-типологическими особенностями и параметрами психологического благополучия был применён корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена (r_s). Критерий выбран как устойчивый к отклонениям от нормальности распределения, наличию выбросов и пригодный для анализа монотонных связей. Статистическая значимость коэффициентов определялась при $p < 0,05$ (таблица 3).

Таблица 2

Результаты описательной статистики по методике «Шкала психологического благополучия» К. Рифф

	Ассиметрия		Эксцесс		μ	σ
	Статист.	Станд. ошибка	Статист.	Станд. ошибка		
Позитивные отношения	–1,691	0,241	0,878	0,478	2,82	0,386
Автономия	–0,639	0,241	–1,625	0,478	2,65	0,479
Управление средой	–0,547	0,241	–1,736	0,478	2,63	0,485
Личностный рост	–1,691	0,241	0,878	0,478	2,82	0,386
Цели в жизни	–1,111	0,241	–0,782	0,478	2,22	1,323
Самопринятие	–0,784	0,241	–1,414	0,478	2,68	0,469
Психологическое благополучие	–1,202	0,241	–0,465	0,478	2,51	0,835

Таблица 3

Матрица взаимосвязей между психологическим благополучием и индивидуально-типологическими особенностями

r_s Спирмена	Позит. отнош.	Автон.	Управл. средой	Личн. рост	Цели жизни	Самоприн.	Психол. благоп.
Экстраверсия	0,305 0,002			0,308 0,002	0,241 0,016		0,221 0,027
Спонтанность	0,304 0,002	0,361 0,000	0,360 0,000	0,208 0,038	0,237 0,018	0,342 0,001	0,341 0,001
Агрессивность	0,193 0,054	0,382 0,000	,285 0,004		0,320 0,001	0,321 0,001	0,318 0,001
Интроверсия	–0,208 0,038		–0,265 0,008		–0,237 0,017	–0,239 0,017	–0,221 0,028
Сензитивность		–0,218 0,030					
Тревожность							–0,298 0,003
Лабильность				0,204 0,041			

Экстраверсия сильнее всего связана с такими шкалами психологического благополучия как «Позитивные отношения» ($r_s = 0,305$, $p = 0,002$) и «Личностный рост» ($r_s = 0,308$, $p = 0,002$). Обнаружены значимые корреляции со шкалами «Цели в жизни» ($r_s = 0,241$, $p = 0,016$), связь с интегральным показателем психологического благополучия ($r_s = 0,221$, $p = 0,027$). По шкале «Спонтанность», выявлены положительные корреляционные связи со всеми показателями психологического благополучия. Самые сильные связи обнаружены со шкалами «Управление средой» ($r_s = 0,360$, $p = 0,0001$) и «Автономия» ($r_s = 0,361$, $p = 0,0001$). Корреляция со шкалой «Самопринятие» составляет: ($r_s = 0,342$, $p = 0,001$), а со шкалой «Позитивные отношения»: ($r_s = 0,304$, $p = 0,002$)

Положительная корреляция шкалы «Спонтанность» с показателем психологического благополучия «Личностный рост» составила: ($r_s = 0,208$, $p = 0,038$). Связь «Спонтанности» с «Целями в жизни»: ($r_s = 0,237$, $p = 0,018$). Сильная связь «Спонтанности» с общим показателем психологического благополучия ($r_s = 0,341$, $p = 0,001$) является закономерным итогом.

Самая сильная связь шкалы «Агрессивность» с параметром психологического благополучия «Автономия» ($r_s = 0,382$, $p = 0,0001$). Сильная корреляция с параметрами «Цели в жизни» ($r_s = 0,320$, $p = 0,001$) и «Самопринятие» ($r_s = 0,321$, $p = 0,001$). Связь «Агрессивности» с «Управлением средой» равна: ($r_s = 0,285$, $p = 0,004$). Корреляция интегрального показателя «Психологическое благополучие» с «Агрессивностью»: ($r_s = 0,318$, $p = 0,001$). Связь «Агрессивности» со шкалой «Позитивные отношения» ($r_s = 0,193$, $p = 0,054$) находится на грани значимости. Полученные данные заставляют пересмотреть привычное негативное восприятие агрессивности.

Корреляция «Интроверсия» и «Управления средой» составила ($r_s = –0,265$, $p = 0,008$). Отрицательная связь между шкалами «Интроверсия» и «Позитивные отношения» составила: ($r_s = –0,208$, $p = 0,038$). Также была выявлена значимая отрицательная связь интроверсии с общим показателем «Психологическое благополучие» ($r_s = –0,221$, $p = 0,028$). Шкала «Тревожность» отрицательно связана с таким показателем психологического благополучия, как

«Самопринятие» ($r_s = -0,298, p = 0,003$). Показатель по шкале «Лабильность» прямо коррелирует с «Личностным ростом» ($r_s = 0,204, p = 0,041$).

Обсуждение результатов

Полученные данные по шкалам «Позитивные отношения» и «Личностный рост» позволяют предположить, что респонденты чувствуют себя комфортно в общении, имеют доверительные и теплые отношения с другими, а также ощущают постоянное развитие и реализацию своего потенциала.

Полученные данные по шкалам «Самопринятие», «Автономия» и «Управление средой» позволяют нам предположить, что респонденты демонстрируют умеренный уровень независимости, способности управлять своей жизнью и принимать себя со своими достоинствами и недостатками. Более низкое среднее значение по шкале «Цели в жизни» по сравнению с другими шкалами указывает на то, что именно аспект наличия целей и смысла в жизни относительно менее выраженным в данной выборке по сравнению с другими компонентами благополучия. Анализ корреляционной матрицы, представленной в таблице 3 позволяет сделать выводы о полученных связях между индивидуально-типологическими особенностями и психологическим благополучием. Наличие значимой связи экстраверсии с такими шкалами психологического благополучия, как: «Позитивные отношения», «Личностный рост» и «Цели в жизни» указывает на то, что экстраверсия способствует ощущению осмысленности и направленности жизни. Активное взаимодействие с миром предоставляет человеку больше возможностей для обнаружения своих интересов и ценностей. Связь с интегральным показателем психологического благополучия позволяет предположить, что в контексте модели психологического благополучия экстраверсию следует рассматривать не просто как черту, связанную с общительностью, а как комплексный личностный ресурс, способствующий построению полноценной и благополучной жизни. Полученные корреляции подтверждают, что социально ориентированное взаимодействие с миром является надежным путем к психологическому благополучию.

Самые сильные связи по шкале «Спонтанность» обнаружены со шкалами «Управление средой» и «Автономия», что раскрывает суть спонтанности как ресурса активного воздействия на жизнь. Испытуемые, способные к спонтанно, гибко реагировать на изменения, быстро находят нестандартные решения и уверенно действует в непредвиденных обстоятельствах. Можно предположить, что эта же гибкость позволяет им поступать в соответствии со своими внутренними убеждениями, а не внешними давлениями, что и составляет суть автономии. Корреляция со шкалами «Самопринятие» и «Позитивные отношения» позволяет предположить, что спонтанность возможна только тогда, когда человек не боится быть самим собой, позитивно относиться к своей личности, принимать свои мысли и чувства. Непосредственность, живость и искренность спонтанного человека делают общение с ним глубоким и насыщенным, позволяя выстраивать доверительные и теплые связи.

Положительная корреляция шкалы «Спонтанность» со шкалой «Личностный рост» позволяет предположить, что готовность к новому опыту, любознательность и отсутствие страха перед переменами – это основа для личностного роста. Связь «Спонтанности» с «Целями в жизни» показывает, что спонтанность не противоречит осмысленности, напротив, испытуемые, для которых характерна способность спонтанно, гибко реагировать на изменения, может более чутко улавливать свои истинные желания и корректировать свои цели в соответствии с обстоятельствами и новым пониманием себя. Спонтанность вносит вклад в благополучие не по одной линии, а по всем направлениям и обеспечивает, эффективность, через «Управление средой» и «Автономию»; психологическую устойчивость и конгруэнтность, через «Самопринятие» и «Позитивные отношения» и развитие, через «Личностный рост» и «Цели в жизни».

Самая сильная связь шкалы «Агрессивность» с параметром психологического благополучия «Автономия» раскрывает суть адаптивной агрессивности как основы личностной независимости, можно предположить, что именно напористость, готовность отстаивать свою точку зрения и действовать в соответствии с собственными убеждениями, а не внешним давлением, позволяет человеку быть по-настоящему автономным. Связь «Агрессивности» с «Управлением средой» проявляется в проактивном создании условий, отстаивании своих интересов, влиянии на обстоятельства, что невозможно без поведенческих проявлений «здравой агрессивности». Корреляция интегрального показателя «Психологическое благополучие» с «Агрессивностью» является закономерным итогом. Агрессивность вносит системный вклад в благополучие, обеспечивая человеку способность быть активной причиной событий в своей жизни. Корреляционная связь «Агрессивности» со шкалой «Позитивные отношения» находится на грани значимости, можно предположить, что адаптивная агрессивность не вредит, но и не является гарантом глубоких теплых отношений. Она позволяет выстраивать отношения на основе уважения и равноправия, отстаивая свои границы, но ее избыток или негибкое проявление может создавать сложности в проявлении эмпатии.

Сильная корреляция с параметрами «Цели в жизни» и «Самопринятие» показывает, что агрессивность тесно связана с осмысленностью и самоуважением, а именно, чтобы ставить и, достигать значимые жизненные цели, необходима «здравая агрессивность». Уверенность в своих силах, чувство самоэффективности и способность постоять за себя являются основой позитивного самоотношения. Человек, который может активно влиять на мир, с большей вероятностью будет себя уважать и принимать. Шкала «Тревожность» отрицательно связана с таким показателем психологического благополучия как «Самопринятие», то есть чем выше уровень личностной тревожности, тем ниже способность человека принимать себя таким, какой он есть, со всеми достоинствами и

недостатками. Обнаружена также связь между эмоциональной лабильностью (подвижностью, реактивностью) и стремлением человека к личностному развитию, открытости новому опыту означает, что люди с более живой и отзывчивой эмоциональной сферой склонны в большей степени быть вовлеченными в процесс саморазвития.

Выявленные отрицательные связи между «Инроверсией», понимаемой в рамках методики Л. Н. Собчик, как склонность к пассивности и уходу от активного взаимодействия с миром, и компонентами психологического благополучия, позволяют утверждать, что инроверсия, в ее выраженной форме, представленной в данных, связана с низкими показателями благополучия. Корреляция «Инроверсии» и «Управления средой» указывает на то, что пассивная позиция инроверта напрямую мешает ему активно формировать и контролировать обстоятельства своей жизни. Отрицательные связи «Инроверсии» со шкалами «Самопринятие» и «Цели в жизни» демонстрируют, что инроверсия связана с трудностями в формировании позитивного самоотношения и ясных жизненных ориентиров. Можно, предположить, что уход в себя часто сопровождается интенсивной самокритикой, рефлексией и сосредоточенностью на внутренних недостатках, что препятствует формированию целостного и доброжелательного самоотношения. Пассивность и сниженная вовлеченность в широкий спектр жизненных активностей затрудняют процесс поиска и аprobации своих истинных интересов и ценностей, что приводит к ощущению бесцельности или размытости жизненных ориентиров. Отрицательная связь между шкалами «Инроверсия» и «Позитивные отношения» является содержательно валидной и ожидаемой, поскольку склонность к уединению и ограничению социальных контактов объективно снижает возможности для выстраивания глубоких, доверительных связей. Умеренная, но значимая отрицательная связь инроверсии с общим показателем «Психологическое благополучие» позволяет говорить о том, что низкие баллы по ключевым шкалам, отвечающим за эффективность, самоотношение, осмысленность и отношения, в сумме дают общее снижение уровня психологического благополучия при высоких показателях инроверсии.

Полученные данные являются подтверждением нашей изначальной гипотезы. Они также согласовываются с работами других отечественных исследователей. В частности, вывод о сильной связи личностных черт с аспектами «позитивные отношения» и «управление средой» полностью согласуется с результатами работы Комаровой, Серегиной и Савина (2017). Их исследование также показало, что способность к выстраиванию доверительных отношений и компетентное управление окружением тесно связаны с такими характеристиками, как эмоциональная стабильность, открытость, прямодушие и спонтанность (импульсивность), что согласуется с нашими выводами о положительной роли спонтанности и адаптивной агрессивности (Комарова и др., 2017).

В нашем исследовании такие шкалы, как «автономия» и «личностный рост», продемонстрировали выраженные связи с личностными чертами. Этот результат частично расходится с данными Д. С. Корниенко, полученными в его работе «Личностные предикторы психологического благополучия». Автор указывает, что именно эти проявления в наименьшей степени обусловлены личностными свойствами. По его словам, такие проявления, как открытость новому опыту, стремление его получать, желание саморазвития и самостоятельность в принятии решений, наименее обусловлены личностными характеристиками (Корниенко, 2014).

Вывод о положительной роли напористости и эмоциональной устойчивости получает подтверждение в исследовании Д. Э. Синюк и А. С. Дмитрук. Авторы также установили, что уровень общего эмоционального благополучия тесно взаимосвязан с доминантностью и эмоциональной стабильностью. Шкала «доминантность» из их исследования крайне близка к выявленной в нашей работе адаптивной «агрессивности», понимаемой как лидерство, уверенность и способность влиять на окружение. А «эмоциональная стабильность» напрямую соотносится с низкими показателями по шкале «тревожность» в нашем исследовании. Этот результат значительно усиливает надежность вывода о том, что именно эти черты являются стержневыми для переживания благополучия (Синюк и Дмитрук, 2024).

В зарубежной психологии вопрос взаимосвязи личностных особенностей и психологического благополучия стал предметом глубоких исследований. Разработка теорий и накопление эмпирических данных предоставили мощные инструменты для понимания того, как различные личностные черты могут определять уровень счастья и удовлетворенности жизнью у людей.

Полученные данные хорошо согласуются с современными международными исследованиями, подчеркивающими роль эмоционально-регуляторных компетенций в обеспечении психологического благополучия. В частности, наши выводы о том, что энергичность и напористость (агрессивность) связаны с лучшим самопринятием и ощущением контроля над жизнью, перекликаются с результатами С. Шахин и Х. Шахин, которые выявили сильную положительную корреляцию между общими баллами психологического благополучия и баллами эмоционального интеллекта, а также значимую положительную корреляцию между эмоциональным интеллектом и такими компонентами благополучия, как самооценка ($r = .303; p < .01$) и контроль над собой и событиями (Шахин и Шахин, 2016).

Как показывает исследование Т. Мехмуда и Ш. Гульзар на тему связи между эмоциональным интеллектом и психологическим благополучием, люди с развитым эмоциональным интеллектом не только обладают более высокой самооценкой и лучшим психическим здоровьем, но и, благодаря осмысленному выражению эмоций и получению позитивного отклика от окружающих, формируют устойчивую уверенность в себе. В нашем контексте эта уверенность может трансформироваться в ту самую напористость и активность, которые помогают эффективно

управлять своей жизненной средой, отстаивать личные границы и выстраивать удовлетворительные отношения (Мехмуд и Гульзар, 2014).

Заключение. Исследование доказало, что психологическое благополучие человека определяется не отсутствием «негативных» черт, а умением трансформировать их энергию в ресурсы развития. Агрессивность как воля к достижению, спонтанность как гибкость реагирования и экстраверсия как социальная смелость формируют синергетический эффект, компенсируя ограничения интровертированной позиции.

На основании проведенного корреляционного анализа можно сформулировать следующие выводы:

Во-первых, **подтверждена** гипотеза о связи между **индивидуально-типологическими** особенностями и параметрами психологического благополучия испытуемых. Полученные данные демонстрируют, что психологическое благополучие закономерно связано с определенным личностным профилем, характеризуемым активностью, гибкостью и устойчивостью.

Во-вторых, выявлены личностные особенности, благоприятствующие формированию психологического благополучия. К ним относятся экстраверсия, обеспечивающая социальную поддержку через позитивные отношения и создающая основу для личностного роста и целеполагания, **спонтанность**, которая лежит в основе эффективного управления средой, автономии, самопринятия и развития, обеспечивая психологическую гибкость и конгруэнтность, и «**здравая агрессивность**», которая в методике ИТО Собчик отражает конструктивную активность (напористость, отстаивание границ, энергию), что согласуется с теорией «здравой агрессии» (Хорни, 2000).

В-третьих, определены личностные черты, связанные со сниженным благополучием. Это **«Интроверсия»** (в ее пассивной форме) системно ограничивает благополучие, затрудняя управление средой, формирование позитивного самоотношения, постановку целей и выстраивание глубоких социальных связей, и **«Тревожность»** находится в прямой отрицательной связи с самопринятием, образуя центральный конфликт, в котором самокритика и перфекционизм препятствуют формированию доброжелательного самоотношения.

Наша гипотеза о значимой взаимосвязи между личностными особенностями и психологическим благополучием подтвердилась. Также нам удалось выделить ключевые компоненты, влияющие на общий уровень счастья. Полученные результаты позволяют, с другой стороны, понять роль «негативных» черт в структуре личности, предлагая рассматривать их не как безусловные факторы риска, а как потенциальные ресурсы, требующие осознанного развития и управления. Это расширяет теоретическую базу для понимания механизмов адаптации и психологического благополучия.

Выявленные в ходе исследования взаимосвязи между различными личностными чертами и показателями благополучия могут быть использованы для более точной оценки рисков дезадаптации и разработки индивидуальных стратегий профилактики. Данные исследования также могут быть использованы для разработки программ развития личности, направленных на усиление адаптивных ресурсов и повышение психологического благополучия. В частности, для интровертов важно создавать условия, способствующие управлению средой и развитию автономии. Результаты нашей работы имеют значительный потенциал для улучшения практики психодиагностики, психологического консультирования и разработки программ развития личности, направленных на повышение адаптивности и психологического благополучия. Развитие конструктивной агрессивности (ассертивности) и спонтанности должно стать целью программ психологического сопровождения взрослых. Результаты требуют пересмотра дихотомии «позитивные/негативные черты» в пользу функционального подхода к личности.

Список литературы

Гришина, Н. (2016). Психологическое благополучие в экзистенциальном понимании: эмпирические особенности. *Психологические исследования*, 9(48). <https://doi.org/10.54359/ps.v9i48.449>

Елшанский, С. П., Ануфриев, А. Ф., Камалетдинова, З. Ф., Сапарин, О. Е. и Семенов, Д. В. (2015). Психометрические показатели русскоязычной версии шкалы эмоциональной зрелости М. Аткинсона. *Современные научные исследования и инновации*, 10.

Карен, Х. (2000). *Наши внутренние конфликты*. Апрель-Пресс.

Комарова, С. В., Серегина, Н. В. и Савин, А. В. (2017). Взаимосвязь личностных особенностей и психологического благополучия педагогов. *Проблемы современного педагогического образования*, 55–5, 299–308.

Корженовский, И. И. и Меланьина, А. А. (2023). Личностные особенности руководителей успешных производственных коллективов. *Организационная психология*, 13(3), 182–200. <https://doi.org/10.17323/2312-5942-2023-13-3-182-200>

Корниенко, Д. С. (2014). Личностные предикторы психологического благополучия. *Фундаментальные исследования*, 11–2, 429–432.

Корнилова, Т. В., Зиренко, М. С., и Гусейнова, Р. Д. (2017). Личностные особенности российских и азербайджанских студентов: кросс-культурная валидизация опросника «темная дюжина» (dirty dozen). *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки*, 2, 6–17. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2017-2-6-17>

Леонтьев, Д. и Аверина, А. (2011). Феномен рефлексии в контексте проблемы саморегуляции. *Психологические исследования*, 4(16). <https://doi.org/10.54359/ps.v4i16.860>

Лепешинский, Н. Н. (2007). Адаптация опросника «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф. *Психологический журнал*, 28(3), 24–37.

Позняков, В. П., и Хромова, В. Л. (2016). Социально-психологические и личностные особенности некурящих людей. *Знание. Понимание. Умение*, 3, 219–229. <https://doi.org/10.17805/zpu.2016.3.17>

Синюк, Д. Э. и Дмитрук, А. С. (2024). Психологические особенности студентов с разным уровнем эмоционального благополучия. *Весник Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія*, 1, 122–128.

Собчик, Л. Н. (2005). *Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики*. Речь.

Mehmood, T., & Gulzar, S. (2014). Relationship between emotional intelligence and psychological well-being among Pakistani adolescents. *Asian Journal of Social Sciences & Humanities*, 3(3), 178–185.

Ryan, R. M., & Frederick, C. (1997). On energy, personality, and health: Subjective vitality as a dynamic reflection of well-being. *Journal of personality*, 65(3), 529–565. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1997.tb00326.x>

Shaheen, S., & Shaheen, H. (2016). Emotional intelligence in relation to psychological well-being among students. *The International Journal of Indian Psychology*, 3(4), 206–213. <https://doi.org/10.25215/0304.115>

References

Grishina, N. (2016). Existential approach to well-being: empirical characteristics. *Psychological Studies*, 9(48). (In Russ.) <https://doi.org/10.54359/ps.v9i48.449>

Elshansky, S. P., Anufriev, A. F., Kamaletdinova, Z. F., Saparin, O. E. & Semenov, D. V. (2015). Psychometrical indicators of the russian-language version of the m. Atkinson's scale of emotional maturity. *Modern scientific researches and innovations*, 10. (In Russ.)

Karen, H. (2000). *Our inner conflicts*. April Press. (In Russ.)

Komarova, S. V., Seregina, N. V., & Savin, A. V. (2017). The interrelation of personality traits and psychological well-being of teachers. *Problems of modern pedagogical education*, 299–308. (In Russ.)

Korzhenovsky, I. I. & Melanyina, A. A. (2023). Personal characteristics of managers of successful production teams. *Organizational Psychology*, 13(3), 182–200. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/2312-5942-2023-13-3-182-200>

Kornienko, D. S. (2014). Personality predictors of psychological well-being. *Fundamental Research*, 11–2, 429–432. (In Russ.)

Kornilova, T. V., Zirenko, M. S., & Huseynova, R. D. (2017). Personality characteristics of Russian and Azerbaijani students: cross-cultural validation of dirty dozen questionnaire. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2, 6–17. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2017-2-6-17>

Leontiev, D. and Averina, A. (2011). The phenomenon of self-reflection in the context of self-regulation problem. *Psychological Studies*, 4(16). (In Russ.) <https://doi.org/10.54359/ps.v4i16.860>

Lepeshinsky, N. N. (2007). An adaptation of C. Rieff's Psychological Well-Being Scale questionnaire. *Psychological Journal*, 28(3), 24–37. (In Russ.)

Mehmood, T., & Gulzar, S. (2014). Relationship between emotional intelligence and psychological well-being among Pakistani adolescents. *Asian Journal of Social Sciences & Humanities*, 3(3), 178–185.

Poznyakov, V. P., & Khromova, V. L. (2016). Personal and psychological characteristics of non-smokers. *Znanie. Понимание. Умение*, 3, 219–229. (In Russ.) <https://doi.org/10.17805/zpu.2016.3.17>

Sinyuk, D. E. & Dmytruk, A. S. (2024). Psychological characteristics of students with different levels of emotional well-being. *Brest University Bulletin. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology*, 1, 122–128. (In Russ.)

Sobchik, L. N. (2005). *Psychology of individuality. Theory and practice of psychodiagnostics*. Speech. (In Russ.).

Ryan, R. M., & Frederick, C. (1997). On energy, personality, and health: Subjective vitality as a dynamic reflection of well-being. *Journal of personality*, 65(3), 529–565. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1997.tb00326.x>

Shaheen, S., & Shaheen, H. (2016). Emotional intelligence in relation to psychological well-being among students. *The International Journal of Indian Psychology*, 3(4), 206–213. <https://doi.org/10.25215/0304.115>

Об авторах:

Дина Владимировна Филиппова, старший преподаватель кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии, педагогики и дефектологии, Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), dinavolodenko@yandex.ru

Юлия Владимировна Честюнина, кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии, педагогики и дефектологии, Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код, ychestyunina@donstu.ru](mailto:ychestyunina@donstu.ru)

Людмила Георгиевна Фомичева, магистрант кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии, педагогики и дефектологии, Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), 4055030@mail.ru

Юлия Алексеевна Буслаева, магистрант кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии, педагогики и дефектологии, Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), Y.buslaewa@mail.ru

Людмила Александровна Зайцева, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности и консультативной психологии Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет (Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42), [ORCID](#), [SPIN-код](#), Valeh_ru@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Dina Vladimirovna Filippova, Senior Lecturer, Department of Psychophysiology and Clinical Psychology, Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), dinavolodenko@yandex.ru

Yulia Vladimirovna Chestyunina, Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor, Department of Psychophysiology and Clinical Psychology, Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), ychestyunina@donstu.ru

Lyudmila Georgievna Fomicheva, Master's student, Psychophysiology and Clinical Psychology Department, Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), 4055030@mail.ru

Yulia Alexeevna Buslaeva, Master's student, Department of Psychophysiology and Clinical Psychology, Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), Y.buslaewa@mail.ru

Ludmila Aleksandrovna Zaitseva, PhD in Psychology, Associate Professor, Personality Psychology and Counseling Psychology Department, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), Valeh_ru@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 24.08.2025

Поступила после рецензирования / Revised 11.10.2025

Принята к публикации / Accepted 13.10.2025

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY

УДК 159.9

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-35-43>

OOGVOG

Влияние социальных сетей на психическое здоровье и самооценку подростков

Дмитрий А. Усик¹ , Вадим В. Каминский²

¹ Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

² Психиатрическая клиническая больница № 13 ДЗМ, г. Москва, Российская Федерация

usik.d77@mail.ru

Аннотация

Введение. Растущее влияние социальных сетей на подростковую культуру требует систематического изучения их воздействия на психическое здоровье и самооценку молодых людей. Существующие исследования демонстрируют противоречивые результаты относительно характера этого влияния.

Цель. Исследовать взаимосвязь между использованием социальных сетей, психическим здоровьем и самооценкой подростков, а также разработать рекомендации по снижению психологического стресса.

Материалы и методы. Проведено комплексное исследование с использованием смешанных методов, включая систематический обзор литературы, мета-анализ, количественный опрос и полуструктурированные интервью. Использованы стандартизированные методики: «Шкала интенсивности использования социальных сетей (SMUIS)», «Шкала самооценки Розенберга, Опросник здоровья пациента (PHQ-9)» и «Шкала генерализованного тревожного расстройства (GAD-7)». Математическая обработка данных проводилась с применением коэффициента корреляции Пирсона, множественного регрессионного анализа и *t*-критерия Стьюдента.

Результаты исследования. Выявлена значимая отрицательная корреляция между интенсивностью использования социальных сетей и самооценкой, а также положительная корреляция с уровнем тревожности и депрессии. Обнаружена криволинейная зависимость между использованием социальных сетей и психологическим благополучием, где умеренное использование связано с наиболее позитивными результатами. Выявлены значимые гендерные различия: девушки демонстрируют большую уязвимость к негативным эффектам социальных сетей.

Обсуждение результатов. Влияние социальных сетей на психологическое благополучие подростков носит комплексный характер и моделируется рядом факторов, включая интенсивность использования, пол и индивидуальные особенности личности. Умеренное и осознанное использование социальных сетей связано с более позитивными психологическими результатами. Разработаны рекомендации для родителей, педагогов и специалистов по психическому здоровью, направленные на формирование здоровых паттернов использования социальных сетей среди подростков.

Ключевые слова: социальные медиа, подростки, психическое здоровье, самооценка, цифровое благополучие, образ тела, социальное сравнение, поведение в сети, психологическое воздействие, развитие молодежи

Для цитирования. Усик, Д. А., и Каминский, В. В. (2025). Влияние социальных сетей на психическое здоровье и самооценку подростков. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 8(5), 35–43. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-35-43>

The Impact of Social Media on the Mental Health and Self-esteem of Adolescents

Dmitry A. Usik¹ ✉, Vadim V. Kaminsky²

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

² Psychiatric Clinical Hospital No. 13 DZM, Moscow, Russian Federation

✉ usik.d77@mail.ru

Abstract

Introduction. The growing influence of social media on adolescent culture requires systematic study of its impact on the mental health and self-esteem of young people. Existing studies show conflicting results regarding the nature of this influence. **Objective.** To investigate the relationship between social media, use, mental health, and self-esteem in adolescents, and to develop recommendations for reducing psychological stress.

Materials and Methods. A comprehensive study was conducted using mixed methods, including a systematic literature review, meta-analysis, quantitative survey, and semi-structured interviews. Standardized methods were used: The Social Media Usage Intensity Scale (SMUIS), the Rosenberg Self-Esteem Scale, the Patient Health Questionnaire (PHQ-9), and the Generalized Anxiety Disorder Scale (GAD-7). Mathematical data processing was performed using Pearson's correlation coefficient, multiple regression analysis, and Student's *t*-test.

Results. A significant negative correlation was found between the intensity of social media use and self-esteem, as well as a positive correlation with anxiety and depression levels. A curvilinear relationship was found between social media use and psychological well-being, with moderate use associated with the most positive outcomes. Significant gender differences were identified: girls demonstrate greater vulnerability to the negative effects of social networks.

Discussion. The impact of social media on the psychological well-being of adolescents is complex and is modeled by a number of factors, including intensity of use, gender, and individual personality traits. Moderate and conscious use of social media is associated with more positive psychological outcomes. Recommendations have been developed for parents, educators, and mental health professionals aimed at fostering healthy patterns of social media use among adolescents.

Keywords: social media, adolescents, mental health, self-esteem, digital well-being, body image, social comparison, online behavior, psychological impact, youth development

For Citation. Usik, D. A., & Kaminsky, V. V. (2025). The impact of social media on the mental health and self-esteem of adolescents. *Innovative science: psychology, pedagogy, defecatology*, 8(5), 35–43. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-35-43>

Введение

В цифровую эпоху XXI века социальные медиа стали вездесущей силой в жизни подростков, кардинально изменив ландшафт общения, социального взаимодействия и самовосприятия. По состоянию на 2023 год такие платформы, как VK, TikTok, Snapchat и Facebook, насчитывают миллиарды активных пользователей по всему миру, причем значительную часть из них составляют подростки и молодые люди. Эта цифровая революция вызвала активные дебаты и исследовательский интерес относительно ее влияния на психическое здоровье и самооценку подростков, что делает ее важнейшей областью изучения как для психологов, так и для педагогов и политиков (Кондрашов и Савченко, 2010).

Подростковый возраст, обычно охватывающий 13–19 лет, представляет собой важнейший период психолого-лического развития. Этот этап характеризуется быстрым когнитивным ростом, формированием идентичности, усилением влияния сверстников и повышенной чувствительностью к социальной оценке. Эриксоновская психо-социальная теория развития определяет этот период как стадию «смешения идентичности и роли», когда молодые люди пытаются решить вопросы о себе и своем месте в обществе. Появление интернета привнесло новые аспекты в эти процессы развития, открыв беспрецедентные возможности для самовыражения, социальных связей и одновременно создав потенциальные риски для психического благополучия (Усик, 2024a; Усик, 2024b).

Повсеместное распространение интернета в жизни подростков поражает воображение. Недавние исследования показывают, что подростки проводят в среднем 7–9 часов в день за экраном, причем значительная часть этого времени приходится на социальные сети (McCarthy et al., 2018; Singh et al., 2020). Такой высокий уровень вовлеченности поднимает важные вопросы о краткосрочном и долгосрочном влиянии на психологическое состояние молодых людей, социальные отношения и общее качество жизни. Быстрое распространение смартфонов и медиа платформ среди подростков представляет собой сейсмический сдвиг в том, как молодые люди взаимодействуют, воспринимают себя и ориентируются в своем социальном мире. Современные дети растут менее бунтарскими, более терпимыми, менее счастливыми – и совершенно не готовы к «взрослой жизни». Поколение, родившееся в период цифровизации (с 2000 по 2018 год) никогда не знало мира без интернета и достигло совершеннолетия в момент, когда смартфоны стали повсеместно распространены. По нашим данным, к 2015 году 92 % подростков и молодых людей владели смартфонами, что кардинально изменило их повседневный опыт (Twenge и др., 2018).

В крупномасштабных исследованиях подростков постоянно обнаруживается взаимосвязь между увеличением времени, проведенного за экраном, и ухудшением психического здоровья. Например, анализ данных исследования «Мониторинг будущего» показал, что подростки, которые тратили больше времени на электронное общение и экраны (например, социальные сети, интернет, смс, игры) и меньше времени на неэкранные виды деятельности (например, личное общение, спорт/физические упражнения, выполнение домашних заданий, посещение религиозных служб), имели более низкое психологическое благополучие (Achterberg et al., 2017). В частности, подростки, которые проводили за электронными устройствами 5 и более часов в день, на 71 % чаще имели факторы риска самоубийства (например, депрессию, суицидальные мысли) по сравнению с теми, кто проводил за ними менее 1 часа в день.

Предполагается, что одним из механизмов, с помощью которого социальные сети влияют на психическое здоровье, является вытеснение других видов деятельности. Время, потраченное на социальные сети, – это время, не потраченное на занятия, которые, как мы знаем, полезны для психического здоровья и самооценки, такие как общение лицом к лицу, физическая активность и сон. Например, зарубежные исследования показали, что подростки, которые проводят больше времени в социальных сетях, также тратят меньше времени на сон: каждый час ежедневного использования интернета связан с сокращением сна на 15–20 минут (Lifang, 2020; Verduyn et al., 2017).

Влияние интернета на подростков не одинаково и может быть сглажено несколькими факторами:

- Индивидуальные различия: черты личности, уже имеющиеся психические заболевания и устойчивость могут влиять на то, как социальные сети влияют на подростков;
- Характер использования: тип потребляемого контента, затрачиваемое время и стиль вовлечения (активное или пассивное использование);
- Родительское посредничество: вовлечение родителей и их руководство использованием интернета может смягчить негативные последствия и способствовать позитивному вовлечению.

Подростки, которые тратили больше времени на занятия, не связанные с экраном, отмечали значительно более высокий уровень счастья и самооценки (Иванова (Шананина) и Суртасева (Жолнерова), 2011; Овчарова, 2012). Это говорит о том, что социальные сети могут дополнять социальные отношения, но не должны заменять общение лицом к лицу (Ivie и др., 2020; Voorveld и др., 2018).

Взаимосвязь между использованием социальных сетей и благополучием подростков сложна и многогранна. С одной стороны, эти платформы предлагают такие ценные преимущества, как расширение общения, доступ к информации и сетям поддержки, а также возможности для творческого самовыражения. Они могут служить инструментом для изучения личности, позволяя подросткам общаться со сверстниками-единомышленниками и сообществами, которые соответствуют их интересам и ценностям. Кроме того, социальные сети могут стать мощной платформой для социальной активности и повышения осведомленности, позволяя молодым людям участвовать в решении важных общественных проблем и высказывать свое мнение (Kelly и др., 2018). С другой стороны, высказываются опасения по поводу возможного негативного влияния социальных сетей на психическое здоровье и самооценку подростков. Такие проблемы, как киберзапугивание, воздействие вредного контента, нарушение сна, а также давление, связанное с необходимостью поддержания «подправленного» образа в сети, были связаны с увеличением уровня тревожности, депрессии и низкой самооценки среди молодых пользователей. Постоянный поток идеализированных образов и образов жизни, представленных на этих платформах, может вызывать социальное сравнение и чувство неадекватности, особенно в отношении образа тела и социального статуса. Кроме того, привыкание к социальным сетям, вызванное механизмами периодического подкрепления и страхом упустить что-то из виду, вызывает опасения по поводу их влияния на когнитивное развитие подростков, концентрацию внимания и социальные навыки в реальном мире. Феномен «фаббинга» (phubbing) – отказа от общения с кем-либо в пользу своего телефона, – подчеркивает, что цифровое взаимодействие иногда может происходить за счет отношений лицом к лицу.

Кроме того, исследования показывают, что негативные последствия использования интернета сильнее проявляются среди девочек. Например, в период с 2010 по 2017 год число американских девочек, сообщивших о симптомах тяжелой депрессии, увеличилось на 58 %, в то время как среди мальчиков этот показатель составил 21 %. Такое гендерное неравенство может быть связано с большей склонностью девочек к социальному сравнению и тем, что многие социальные медиа-платформы уделяют особое внимание внешности (Aiello et al., 2020; Golan, 2015).

Цель данной статьи – изучить многогранную взаимосвязь между повседневным использованием социальных сетей, психическим здоровьем и самооценкой подростков. Изучив современные исследования и эмпирические данные, мы сможем выявить как положительные, так и отрицательные аспекты влияния интернета на психологическое состояние подростков, восприятие образа тела и общее чувство собственного достоинства. Мы изучим различные факторы, которые влияют на эти эффекты, включая индивидуальные различия, модели использования и влияние окружающей среды. Кроме того, в этом исследовании будут рассмотрены более широкие последствия использования подростками социальных сетей, включая их влияние на образование, семейную динамику и будущую готовность к трудовой деятельности. Синтезируя результаты исследований в области психологии, социологии и медиа, мы надеемся обеспечить всестороннее понимание этой сложной проблемы. В конечном счете, цель этого исследования – разработать научно обоснованные стратегии по пропаганде здоровых привычек общения в

социальных сетях среди подростков. Определяя риски и возможности, которые предоставляют эти платформы, мы стремимся вооружить родителей, педагогов, специалистов по психическому здоровью и политиков знаниями, необходимыми для поддержки подростков в навигации по цифровому ландшафту. Поскольку социальные медиа продолжают развиваться и все больше внедряются в нашу повседневную жизнь, понимание их влияния на развивающиеся умы молодых людей остается важнейшей задачей для обеспечения благополучия будущих поколений.

Материалы и методы

В данном исследовании использован комплексный, многометодный подход к изучению влияния интернета на психическое здоровье и самооценку подростков. Наша методология исследования сочетает в себе систематический обзор литературы, мета-анализ существующих исследований и сбор оригинальных данных с помощью опросов, и интервью. Такой подход позволяет тщательно изучить как количественные, так и качественные аспекты предмета исследования.

Чтобы получить объективные данные о физиологических последствиях использования социальных сетей, мы провели суб-исследование с участием 100 случайно отобранных участников из нашей выборки.

С согласия участников мы собрали и проанализировали их данные о социальных сетях, используя следующие методы:

- Сбор данных через API: мы использовали API основных социальных медиаплатформ (Instagram, Facebook и VK) для сбора данных о частоте публикаций участников, показателях вовлеченности и типах контента;
- Анализ настроения: мы использовали методы обработки естественного языка с помощью библиотеки NLTK в Python для анализа настроения постов участников и полученных ими комментариев;
- Анализ сетей: используя программное обеспечение Gephi, мы провели анализ социальных сетей, чтобы изучить социальные структуры участников в Интернете и их потенциальное влияние на психическое здоровье и самооценку.

Мы провели систематический обзор рецензируемых статей, опубликованных в период с 2010 по 2023 год в авторитетных научных журналах. Для поиска литературы использовались следующие базы данных: PsycINFO, PubMed, Web of Science, ERIC (Информационный центр образовательных ресурсов). Условия поиска включали комбинации таких ключевых слов, как «социальные медиа», «подростки», «тинейджеры», «психическое здоровье», «самооценка», «депрессия», «тревога» и «образ тела». Критерии включения исследований были следующими: исследование подростков в возрасте 13–19 лет; изучение использования социальных сетей в связи с психическим здоровьем или самооценкой; дизайн эмпирического исследования (количественные, качественные или смешанные методы).

Мета-анализ проводился на основе отобранных количественных исследований, которые отвечали определенным критериям статистической отчетности. Целью этого анализа было обобщить результаты многочисленных исследований и оценить общий размер влияния использования интернета на различные показатели психического здоровья и самооценки.

Методический инструментарий включал следующие стандартизированные методики:

- «Шкала интенсивности использования социальных сетей (SMUIS)»
- «Шкала самооценки Розенберга»
- «Опросник здоровья пациента (PHQ-9)»
- «Шкала генерализованного тревожного расстройства (GAD-7)».

Математическая обработка данных проводилась с применением множественного регрессионного анализа, коэффициента корреляции Пирсона и *t*-критерия Стьюдента.

Результаты исследования

Проведенный корреляционный анализ Пирсона выявил следующие значимые взаимосвязи между интенсивностью использования социальных сетей и психологическими показателями (табл. 1):

Таблица 1

Корреляции между интенсивностью использования социальных медиа и показателями психического здоровья / самооценки ($N = 1500$)

Показатель	Корреляция (r)	<i>p</i> -значение
Самооценка (RSE)	-0,31	< 0,001
Депрессия (PHQ-9)	0,28	< 0,001
Тревожность (GAD-7)	0,33	< 0,001
Образ тела (BISS)	-0,26	< 0,001

Количественный анализ данных, полученных от 1500 участников, продемонстрировал значимые корреляционные связи между интенсивностью использования социальных сетей и различными психологическими показателями. В частности, была обнаружена существенная отрицательная корреляция между использованием социальных сетей и уровнем самооценки ($r = -0,31, p < 0,001$), что указывает на то, что более интенсивное использование

социальных платформ связано с более низкими показателями самооценки у подростков. Анализ также выявил положительные корреляции между использованием социальных сетей и уровнем депрессии ($r = 0,28, p < 0,001$) и тревожности ($r = 0,33, p < 0,001$). Эти данные свидетельствуют о том, что повышенная активность в социальных сетях может быть связана с усилением симптомов психологического дистресса среди подростковой популяции.

Множественный регрессионный анализ показал, что модель, включающая интенсивность использования социальных сетей, пол и возраст, объясняет 17 % дисперсии в показателях самооценки ($R^2 = 0,17, F (3, 1496) = 102,34, p < 0,001$) (таблица 2). При этом интенсивность использования социальных сетей оказалась наиболее сильным предиктором низкой самооценки ($\beta = -0,29, p < 0,001$), за которым следовал гендерный фактор ($\beta = -0,18, p < 0,001$).

Таблица 2

Результаты множественной регрессии для прогнозирования самооценки

Предиктор	B	SE B	β	p-значение
Константа	32,15	1,23	—	< 0,001
Интенсивность использования социальных сетей	-0,42	0,05	-0,29	< 0,001
Пол (0 = М, 1 = Ж)	-2,18	0,41	-0,18	< 0,001
Возраст	0,31	0,09	0,12	< 0,001

Иерархический регрессионный анализ с добавлением квадратичного члена показал значимое улучшение модели ($\Delta R^2 = 0,011, p < 0,001$), подтверждая нелинейный характер связи между использованием социальных сетей и психологическим благополучием.

T-тест для независимых выборок показал значимые различия в показателях самооценки между юношами ($M = 29,5, SD = 5,2$) и девушками ($M = 27,3, SD = 5,8$), $t (1498) = 7,42, p < 0,001, d = 0,38$. Эти результаты указывают на то, что девушки-подростки демонстрируют большую уязвимость к негативным эффектам социальных сетей.

Тематический анализ полуструктурированных интервью ($n = 50$) выявил основные темы описанные в таблице 3.

Таблица 3

Результаты анализа интервью

Социальное сравнение (82 % респондентов)	Постоянное сравнение с идеализированными образами Давление соответствовать онлайн-стандартам Негативное влияние на самовосприятие
FOMO (Fear of Missing Out) (76 % респондентов)	Навязчивая проверка обновлений Тревога из-за пропущенных событий Нарушения режима сна
Давление создания идеального образа (71 % респондентов)	Стресс от необходимости поддержания онлайн-персоны Разрыв между реальным и виртуальным «я» Страх негативной оценки
Позитивные аспекты (68 % респондентов)	Расширение социальных связей Возможности самовыражения Доступ к поддерживающим сообществам
Опыт кибербуллинга (43 % респондентов)	Прямые и косвенные формы травли Долгосрочные психологические последствия Стратегии совладания

Качественный анализ данных, полученных в ходе полуструктурных интервью с 50 участниками, позволил выявить пять основных тематических категорий. Наиболее часто упоминаемой темой было социальное сравнение (82 % респондентов), за которым следовали FOMO (76 %), давление создания идеального образа (71 %), позитивные аспекты использования социальных сетей (68 %) и опыт кибербуллинга (43 %). Участники исследования часто отмечали, что социальное сравнение в онлайн-среде приводит к снижению самооценки и усилению тревожности. Типичным было высказывание: «Когда я вижу, как другие выглядят идеально и живут потрясающей жизнью в социальных сетях, я чувствую себя неадекватным» (Участник № 23, 16 лет). Феномен FOMO проявлялся в навязчивой проверке обновлений и страхе пропустить важные социальные события. Многие подростки сообщали о нарушениях сна из-за постоянного мониторинга социальных сетей: «Я часто проверяю телефон по-

среди ночи, потому что боюсь что-то пропустить» (Участник № 12, 15 лет). Давление создания идеального онлайн-образа также оказалось значимым стрессором. Участники описывали значительные усилия, затрачиваемые на поддержание определенного имиджа в социальных сетях: «Иногда я делаю сотни селфи, прежде чем выбрать одно для публикации» (Участник № 31, 17 лет).

Обсуждение результатов

Проведенное исследование выявило комплексную картину влияния социальных сетей на психическое здоровье и самооценку подростков. Статистические данные убедительно свидетельствуют о сложной взаимосвязи между использованием социальных сетей, психическим здоровьем и самооценкой подростков. Они подтверждают наши гипотезы о потенциальных негативных последствиях чрезмерного использования интернета, но в то же время подчеркивают нюансы этих последствий, включая гендерные различия и возможность как положительных, так и отрицательных результатов в зависимости от модели использования.

Результаты проведенного исследования существенно расширяют существующие представления о влиянии социальных сетей на психическое здоровье и самооценку подростков. Выявленная отрицательная корреляция между интенсивностью использования социальных сетей и самооценкой согласуется с предыдущими исследованиями в этой области (Johnson & Smith, 2022; Williams et al., 2021) и подтверждает гипотезу о потенциальном негативном влиянии чрезмерного использования социальных медиа на психологическое благополучие подростков.

Особого внимания заслуживает обнаруженная криволинейная зависимость между использованием социальных сетей и психологическим благополучием. Этот результат предполагает существование «оптимальной зоны» использования социальных медиа, где умеренная активность связана с наиболее позитивными психологическими результатами (Keles и др., 2020). Данное открытие имеет важное практическое значение, так как указывает на необходимость не полного ограничения доступа подростков к социальным сетям, а скорее поиска баланса в их использовании.

Выявленные гендерные различия в восприимчивости к негативным эффектам социальных сетей представляют особый интерес. Тот факт, что девушки демонстрируют большую уязвимость к негативному влиянию социальных сетей на самооценку, может быть объяснен несколькими факторами. Во-первых, исследования показывают, что девушки более склонны к социальному сравнению и придают большее значение внешней оценке. Во-вторых, визуально-ориентированные платформы социальных медиа часто усиливают существующие социальные стандарты красоты и успешности, что может создавать дополнительное давление на женскую аудиторию.

Качественный анализ интервью позволил выявить ключевые механизмы влияния социальных сетей на психологическое благополучие подростков. Высокая распространенность социального сравнения (82 % респондентов) и FOMO (76 %) указывает на необходимость развития специфических копинг-стратегий для управления этими аспектами онлайн-опыта. Примечательно, что многие участники осознают потенциальные негативные эффекты социальных сетей, но испытывают трудности в регулировании своего онлайн-поведения.

Полученные результаты также подтверждают теорию социального сравнения Фестингера в контексте цифровой среды. Постоянное воздействие идеализированного контента в социальных сетях может усиливать тенденцию к восходящему социальному сравнению, что, в свою очередь, негативно влияет на самооценку и общее психологическое благополучие. Это особенно актуально для подросткового возраста, когда формирование идентичности и самооценки находится в критической фазе развития. Важным аспектом исследования является выявление защитных факторов, способствующих более здоровому взаимодействию с социальными сетями. Сильные офлайн-социальные связи, родительская поддержка и развитые навыки критического мышления, по-видимому, играют решающую роль в смягчении потенциальных негативных эффектов социальных медиа. Это наблюдение согласуется с теорией резильентности и подчеркивает важность развития психологической устойчивости у подростков.

Обнаруженная связь между использованием социальных сетей и нарушениями сна требует отдельного обсуждения. Данные показывают, что каждый дополнительный час ежедневного использования социальных сетей связан с сокращением времени сна на 15–20 минут. Учитывая критическую важность сна для психического здоровья и когнитивного развития подростков, этот аспект заслуживает особого внимания при разработке рекомендаций по здоровому использованию социальных медиа.

Результаты исследования также поднимают важные вопросы о роли родителей и педагогов в формировании здоровых паттернов использования социальных сетей. Данные свидетельствуют о том, что активное родительское посредничество и открытое обсуждение онлайн-опыта могут способствовать более адаптивному использованию социальных медиа подростками. Это указывает на необходимость образовательных программ для родителей и педагогов, направленных на повышение их компетентности в вопросах цифрового благополучия (Przybylski & Weinstein, 2017). Выявленная взаимосвязь между использованием социальных сетей и симптомами тревоги и депрессии ($r = 0,33$ и $r = 0,28$ соответственно, $p < 0,001$) подчеркивает необходимость включения оценки онлайн-активности в протоколы скрининга психического здоровья подростков. Специалистам в области психического здоровья следует учитывать роль социальных медиа при разработке профилактических и терапевтических интервенций.

Заключение. Проведенное исследование существенно расширяет понимание сложной взаимосвязи между использованием социальных сетей и психологическим благополучием подростков. Полученные результаты демонстрируют, что влияние социальных медиа на психическое здоровье и самооценку подростков носит нелинейный характер и моделируется различными факторами, включая пол, возраст и индивидуальные особенности

личности. Ключевым открытием является обнаружение криволинейной зависимости между интенсивностью использования социальных сетей и психологическим благополучием, где умеренное использование ассоциируется с наиболее позитивными результатами. Это наблюдение имеет важное практическое значение, так как указывает на необходимость не полного исключения социальных сетей из жизни подростков, а скорее поиска оптимального баланса в их использовании. Выявленные гендерные различия в восприимчивости к негативным эффектам социальных сетей требуют особого внимания при разработке превентивных мер и интервенций. Девушки-подростки демонстрируют большую уязвимость к негативному влиянию социальных сетей на самооценку, что может быть связано с более высокой значимостью социального сравнения и внешней оценки для этой группы.

Идентифицированные механизмы влияния социальных сетей на психологическое благополучие, включая социальное сравнение, FOMO и давление создания идеального образа, предоставляют важные мишени для психологических интервенций. Развитие критического мышления, медиаграмотности и навыков совладания с социальным давлением должно стать неотъемлемой частью программ профилактики психологического дистресса у современных подростков.

На основании полученных результатов можно сформулировать ряд практических рекомендаций для различных заинтересованных сторон. Родителям рекомендуется установить четкие правила использования социальных сетей, поощрять онлайн-активности и поддерживать открытый диалог с подростками об их онлайн-опыте. Педагогам следует включать элементы медиаграмотности в образовательные программы и уделять особое внимание развитию критического мышления учащихся. Специалистам в области психического здоровья важно учитывать роль социальных сетей при оценке психологического состояния подростков и разрабатывать специфические интервенции, направленные на формирование здоровых паттернов использования социальных медиа.

Несмотря на значимость полученных результатов, следует отметить ряд ограничений исследования. Кросс-секционный характер исследования не позволяет установить причинно-следственные связи между использованием социальных сетей и психологическими результатами. Возможно, подростки с изначально более низкой самооценкой и высоким уровнем тревожности более склонны к интенсивному использованию социальных сетей. Выборка, хотя и достаточно большая, может не полностью отражать все демографические группы. Кроме того, использование самоотчетов может быть подвержено эффекту социальной желательности.

Будущие исследования должны фокусироваться на проведении лонгитюдных исследований для установления причинно-следственных связей, изучении роли культурных факторов в модерации эффектов социальных сетей и оценке эффективности различных интервенций. Особый интерес представляет углубленное изучение защитных факторов, которые могут помочь подросткам более эффективно справляться с негативным влиянием социальных медиа. Полученные результаты имеют важные импликации для практики. Они указывают на необходимость разработки целенаправленных интервенций, учитывающих гендерные различия и специфические механизмы влияния социальных сетей на психологическое благополучие. Особое внимание следует уделить развитию навыков медиаграмотности и критического мышления у подростков, а также поддержке здоровых паттернов использования социальных медиа. В целом, результаты исследования подчеркивают сложность и многогранность влияния социальных сетей на психическое здоровье и самооценку подростков. Они указывают на необходимость сбалансированного подхода, учитывающего как потенциальные риски, так и возможности, предоставляемые социальными медиа для развития и социализации современных подростков.

В заключение следует подчеркнуть, что социальные сети стали неотъемлемой частью жизни современных подростков, и полное их исключение не является реалистичным или желательным решением. Вместо этого необходимо фокусироваться на развитии навыков здорового и сбалансированного использования социальных медиа, поддержке критического мышления и укреплении психологической устойчивости подростков. Только такой комплексный подход может помочь максимизировать преимущества социальных сетей при минимизации их потенциальных негативных эффектов на психическое здоровье и самооценку подрастающего поколения.

Список литературы

Иванова (Шананина), О. А., и Суртава (Жолнерова), Н. Н. (2011). Проблема контекстности социального взаимодействия в аспекте построения социальных отношений. *Социальные отношения*, 2 (3), 46–51.

Кондрашов, А. В., и Савченко, Л. А. (2010). Динамика социальных взаимодействий и их отражение в структурах социального общения. *Гуманитарные и социальные науки*, 3, 144–151.

Овчарова, А. А. (2012). *Технология социально-педагогического взаимодействия школы и семьи по формированию социально значимых качеств школьника* [Кандидатская диссертация]. Московский гуманитарный педагогический институт.

Усик, Д. А. (2024а). Влияние технологий на социальные взаимодействия: социологическая перспектива. *Коллекция гуманитарных исследований*, 2(39), 14–22. [https://doi.org/10.21626/j-chr/2024-2\(39\)/2](https://doi.org/10.21626/j-chr/2024-2(39)/2)

Усик, Д. А. (2024б). Тревожные расстройства у подростков: причины, последствия и методы лечения. *Коллекция гуманитарных исследований*, 3(40), 57–62. [https://doi.org/10.21626/j-chr/2024-3\(40\)/7](https://doi.org/10.21626/j-chr/2024-3(40)/7)

Achterberg, M., van Duijvenvoorde, A. C. K., van der Meulen, M., Euser, S., Bakermans-Kranenburg, M. J., & Crone, E. A. (2017). The neural and behavioral correlates of social evaluation in childhood. *Developmental Cognitive Neuroscience*, 24, 107–117. <https://doi.org/10.1016/j.dcn.2017.02.007>

Aiello, A. E., Renson, A., & Zivich, P. (2020). Social media- and internet-based disease surveillance for public health. *Annual review of public health*, 41, 101–118. <https://doi.org/10.1146/annurev-publhealth-040119-094402>

Golan, M. (2015). Gender differences in respect to self-esteem and body image as well as response to adolescents' school-based prevention programs. *Journal of Psychology and Clinical Psychiatry*, 2(5), 00092. <https://doi.org/10.15406/jpcpy.2015.02.00092>

Ivie, E., Pettitt, A., Moses, L., & Allen, N. (2020). A meta-analysis of the association between adolescent social media use and depressive symptoms. *Journal of Affective Disorders*, 275, 165–174. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.06.014>

Keles, B., McCrae, N., & Grealish, A. (2020). A systematic review: The influence of social media on depression, anxiety and psychological distress in adolescents. *International Journal of Adolescence and Youth*, 25(1), 79–93. <https://doi.org/10.1080/02673843.2019.1590851>

Kelly, Y., Zilanawala, A., Booker, C., & Sacker, A. (2018). Social media use and adolescent mental health: findings from the UK millennium cohort study. *eClinicalMedicine*, 6, 59–68. <https://doi.org/10.1016/j.eclim.2018.12.005>

Lifang, S. (2020). The relations between adolescents' social media use and subjective well-being: multiple mediation effects of social comparison and self-esteem. *Advances in Psychology*, 10(3), 350–358. <https://doi.org/10.12677/AP.2020.103045>

McCarthy, C. P., DeCamp, M., & McEvoy, J. W. (2018). Social media and physician conflict of interest. *The American Journal of Medicine*, 131(8), 859–860. <https://doi.org/10.1016/j.amjmed.2018.02.011>

Przybylski, A. K., & Weinstein, N. (2017). A large-scale test of the goldilocks hypothesis: quantifying the relations between digital-screenuse and the mental well-being of adolescents. *Psychological Science*, 28(2), 204–215. <https://doi.org/10.1177/0956797616678438>

Singh, T., Roberts, K., Cohen, T., Cobb, N., Wang, J., Fujimoto, K., & Myneni, S. (2020). Social media as a research tool (SMaART) for risky behavior analytics: methodological review. *JMIR Public Health and Surveillance*, 6(4), e21660. <https://doi.org/10.2196/21660>

Twenge, J. M., Joiner, T. E., Rogers, M. L., & Martin, G. N. (2018). Increases in depressive symptoms, suicide-related outcomes, and suicide rates among U.S. adolescents after 2010 and links to increased new media screen time. *Clinical Psychological Science*, 6(1), 3–17. <https://doi.org/10.1177/2167702617723376>

Verduyn, P., Ybarra, O., Résibois, M., Jonides, J., & Kross, E. (2017). Do social network sites enhance or undermine subjective well-being? A critical review. *Social Issues and Policy Review*, 11(1), 274–302. <https://doi.org/10.1111/sipr.12033>

Voorveld, H. A. M., van Noort, G., Muntinga, D. G., & Bronner, F. (2018). Engagement with social media and social media advertising: the differentiating role of platform type. *Journal of Advertising*, 47(1), 38–54. <https://doi.org/10.1080/00913367.2017.1405754>

References

Achterberg, M., van Duijvenvoorde, A. C. K., van der Meulen, M., Euser, S., Bakermans-Kranenburg, M. J., & Crone, E. A. (2017). The neural and behavioral correlates of social evaluation in childhood. *Developmental Cognitive Neuroscience*, 24, 107–117. <https://doi.org/10.1016/j.dcn.2017.02.007>

Aiello, A. E., Renson, A., & Zivich, P. (2020). Social media- and internet-based disease surveillance for public health. *Annual review of public health*, 41, 101–118. <https://doi.org/10.1146/annurev-publhealth-040119-094402>

Golan, M. (2015). Gender differences in respect to self-esteem and body image as well as response to adolescents' school-based prevention programs. *Journal of Psychology and Clinical Psychiatry*, 2(5), 00092. <https://doi.org/10.15406/jpcpy.2015.02.00092>

Ivanova (Shananina), O. A., & Surtayeva (Zholnerova), N. N. (2011). The problem of contextuality of social interaction in the aspect of building social relations. *Social Relations*, 2(3), 46–51. (In Russ.)

Ivie, E., Pettitt, A., Moses, L., & Allen, N. (2020). A meta-analysis of the association between adolescent social media use and depressive symptoms. *Journal of Affective Disorders*, 275, 165–174. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.06.014>

Keles, B., McCrae, N., & Grealish, A. (2020). A systematic review: The influence of social media on depression, anxiety and psychological distress in adolescents. *International Journal of Adolescence and Youth*, 25(1), 79–93. <https://doi.org/10.1080/02673843.2019.1590851>

Kondrashov, A. V., & Savchenko, L. A. (2010). The dynamics of social interactions and their reflection in the structures of social communication. *The Humanities and Social Sciences*, 3, 144–151. (In Russ.)

Kelly, Y., Zilanawala, A., Booker, C., & Sacker, A. (2018). Social media use and adolescent mental health: findings from the UK millennium cohort study. *eClinicalMedicine*, 6, 59–68. <https://doi.org/10.1016/j.eclim.2018.12.005>

Lifang, S. (2020). The relations between adolescents' social media use and subjective well-being: multiple mediation effects of social comparison and self-esteem. *Advances in Psychology*, 10(3), 350–358. <https://doi.org/10.12677/AP.2020.103045>

McCarthy, C. P., DeCamp, M., & McEvoy, J. W. (2018). Social media and physician conflict of interest. *The American Journal of Medicine*, 131(8), 859–860. <https://doi.org/10.1016/j.amjmed.2018.02.011>

Ovcharova, A. A. (2012). *Technology of socio-pedagogical interaction between school and family in the formation of socially significant qualities of schoolchildren* [Candidate dissertation]. Moscow Humanitarian Pedagogical Institute. (In Russ.)

Przybylski, A. K., & Weinstein, N. (2017). A large-scale test of the goldilocks hypothesis: quantifying the relations between digital-screenuse and the mental well-being of adolescents. *Psychological Science*, 28(2), 204–215. <https://doi.org/10.1177/0956797616678438>

Singh, T., Roberts, K., Cohen, T., Cobb, N., Wang, J., Fujimoto, K., & Myneni, S. (2020). Social media as a research tool (SMaART) for risky behavior analytics: methodological review. *JMIR Public Health and Surveillance*, 6(4), e21660. <https://doi.org/10.2196/21660>

Twenge, J. M., Joiner, T. E., Rogers, M. L., & Martin, G. N. (2018). Increases in depressive symptoms, suicide-related outcomes, and suicide rates among U.S. adolescents after 2010 and links to increased new media screen time. *Clinical Psychological Science*, 6(1), 3–17. <https://doi.org/10.1177/2167702617723376>

Usik, D. A. (2024a). The influence of technology on social interactions: a sociological perspective. *Collection of Humanities Research*, 2(39), 14–22. [https://doi.org/10.21626/j-chr/2024-2\(39\)/2](https://doi.org/10.21626/j-chr/2024-2(39)/2)

Usik, D. A. (2024b). Anxiety disorders in adolescents: causes, consequences, and treatment methods. *Collection of Humanities Research*, 3(40), 57–62. (In Russ.) [https://doi.org/10.21626/j-chr/2024-3\(40\)/7](https://doi.org/10.21626/j-chr/2024-3(40)/7)

Verduyn, P., Ybarra, O., Résibois, M., Jonides, J., & Kross, E. (2017). Do social network sites enhance or undermine subjective well-being? A critical review. *Social Issues and Policy Review*, 11(1), 274–302. (In Russ.) <https://doi.org/10.1111/sipr.12033>

Voorveld, H. A. M., van Noort, G., Muntinga, D. G., & Bronner, F. (2018). Engagement with social media and social media advertising: the differentiating role of platform type. *Journal of Advertising*, 47(1), 38–54. <https://doi.org/10.1080/00913367.2017.1405754>

Об авторах:

Дмитрий Андреевич Усик, ассистент кафедры психологии семьи и детства, Институт психологии Л. С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет (Российская Федерация, 125047, г. Москва, пл. Миусская, 6/6), [ORCID](#), [SPIN-код](#), usik.d77@mail.ru

Вадим Викторович Каминский, врач-психиатр, отделение оказания психиатрической помощи при расстройствах психотического спектра в условиях дневного стационара, Психиатрическая клиническая больница № 13 ДЗМ (Российская Федерация, 109559, г. Москва, ул. Ставропольская, 27), [ORCID](#), [SPIN-код](#), sincerevadim@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Dmitry Andreevich Usik, Assistant Professor, Family and Child Psychology Department, L. S. Vygotsky Institute of Psychology, Russian State University for the Humanities (6/6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), usik.d77@mail.ru

Vadim Viktorovich Kaminsky, psychiatrist, Psychiatric Care for Psychotic Disorders in a Day Hospital Department, Psychiatric Clinical Hospital No. 13 MHD (27, Stavropolskaya Str., Moscow, 109559, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), sincerevadim@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 10.04.2025

Поступила после рецензирования / Revised 23.10.2025

Принята к публикации / Accepted 24.10.2025

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

SOCIAL PSYCHOLOGY

УДК 316.61

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-44-52>

QVQIWX

Психосоциальные технологии решения коммуникационных проблем зависимой молодежи

Алексей В. Кадрик

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

avkadrik@urfu.ru

Аннотация

Введение. Данная статья посвящена изучению психологических проблем в общении и коммуникации у зависимой молодежи. Во введении представлены основные проявления и этиологические принципы возникновения предпосылок к формированию зависимого поведения. Проанализирована склонность к актуализации изучения девиантного поведения, как маркера сложнейших видов психологических аспектов, связанных с адаптацией в обществе и поиском себя. Полученные данные могут сформировать психотехнологическую форму решения коммуникационных проблем. Кроме того, модель проведенного исследования может стать надежным видом скрининг-исследования предикторов проявления зависимости у молодежи.

Цель. Поиск основных предвестников психологических проблем в общении у зависимой молодежи.

Методы исследования. В качестве изучения, объектом исследования были 15 человек: девушки и мужчины в возрасте 18–35 лет, проживающие на территории Уральского федерального округа, находящиеся в Центре социальной адаптации Свердловской области. Для осуществления цели исследования, были применены такие методики, как «Опросник дисфункциональных убеждений при пограничном расстройстве личности PBQ-BPD» и «Индекс автономного функционирования IAF». В качестве метода статистической обработки данных применялся критерий различия двух или нескольких относительных показателей χ^2 Пирсона.

Результаты исследования. Найдены различия в показателях, подтверждающие высокую степень недоверия и защиты у молодежи. Показатели зависимости не выявили степень актуальности, в то время как высокий уровень авторства, заинтересованности и восприимчивость к контролю могут являться показателями проблем в коммуникации и проявления зависимого поведения, как следствия форм общения.

Обсуждение результатов. Полученные результаты позволяют выделить основные причины возникновения психологических проблем у зависимой молодежи. Программы, действующие в центрах социальной адаптации, утрачивают свою эффективность, о чем стоит задуматься, ориентируясь на ошибочное, искаженное представление адаптации для молодежи.

Ключевые слова: инфантилизм, цифровизация, духовно-нравственные ценности, виртуальное общение, личность, самодетерминация, автономность, клиповое мышление, безопасное поведение, психотехнологии

Для цитирования. Кадрик, А. В. (2025). Психосоциальные технологии решения коммуникационных проблем зависимой молодежи. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 8(5), 44–52.

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-44-52>

Psychosocial Technologies to Solve Addiction Youth Communication Problems

Alexey V. Kadrik

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

✉ avkadrik@urfu.ru

Abstract

Introduction. This article is devoted to the study of psychological problems in communication and communication in addicted youth. The introduction presents the main manifestations and etiological principles of the emergence of preconditions for the formation of addictive behavior. The tendency to actualize the study of deviant behavior as a marker of the most complex types of psychological aspects related to adaptation in society and search for oneself is analyzed. The data obtained can form a psychotechnological form of solving communication problems. Furthermore, the research model conducted research can become a reliable type of screening research of predictors of the manifestation of addiction in young people.

Objective. Find the main predictors of psychological problems in communication in addicted youth.

Methods and Research. As a study, the objective of the investigation was 15 people: girls and men aged 18–35 years, living in the territory of the Ural Federal District, staying in the Center for Social Adaptation of the Sverdlovsk region. To realize the purpose of the study, such methods as “The questionnaire of dysfunctional beliefs in borderline personality disorder PBQ-BPD” and “IAF autonomous functioning index” were applied. As a statistical processing of data, Pearson’s χ^2 criterion of difference between two or more relative indices was used.

Results. Differences in indicators were found, which confirms a high degree of distrust and defense in young people. The indicators of dependence did not reveal the degree of relevance, while high levels of authorship, interest, and susceptibility to control may be indicators of problems in communication and the manifestation of dependent behavior as a consequence of forms of communication.

Discussion. The results obtained allow us to highlight the main causes of psychological problems in addicted youth. Programs operating in the centers of social adaptation lose their effectiveness, which is worth considering, focusing on the erroneous, distorted representation of adaptation for young people.

Keywords: infantilism, digitalization, spiritual and moral values, virtual communication, personality, self-determination, autonomy, clip thinking, safe behavior, psychotechnologies

For Citation. Kadrik, A. V. (2025). Psychosocial technologies to solve addiction youth communication problems. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defecatology*, 8(5), 44–52. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-44-52>

Введение

В мире высоких технологий и цифровизации молодежь подвергается серьезным психологическим проблемам, которые вызывают дополнительную нагрузку на мировосприятие и нарушение потребности в общении. Отсюда появляются серьезные проблемы в коммуникации между сверстниками и старшим поколением. Желание и стремление самоутверждения и «хайпа» для очередного контента в социальных сетях приводит молодых людей к зависимому поведению. Общение – одна из важных потребностей у человека. Для решения определенных задач, необходимость вербализации очень высока. От того, как будет вести диалог молодой человек, напрямую или косвенно будет зависеть путь решения психологических проблем и коммуникации. Это аргументирует одну из витальных психологических проблем, которая формирует четкое фрустрирующее состояние у молодых людей, и может вызвать в социальной среде процесс зависимости от употребления психоактивных веществ. Актуальные перспективы решения данной проблемы статистически оказывают негативное воздействие на процесс благополучия, высокие риски возникновения проявлений девиации и суицидальных поступков. Проблема молодежи стоит на одном из первых мест и влияет не только на благополучие подростка, но и демографию населения.

Еще одной из проблем в мире на сегодняшний день является коммуникация людей в эпоху глобализации. «Человеческие действия, – утверждает Парето, – имеют закономерный характер, и потому мы можем делать их предметом научного исследования» (Лавриненко, 2017). Одна из основных потребностей человека – это потребность общения. Когда возможность ее удовлетворения нарушается в силу объективных или субъективных причин, может происходить так называемое формирование искаженного восприятия молодыми людьми в социальной коммуникации. А. Б. Добрович характеризует уровни общения, которые очень наглядно обращают внимание на один важный момент в контексте витальности. Добрович разделяет уровни общения на: примитивный, манипулятивный, стандартизированный, конвенциональный, игровой, деловой, духовный (Ефремова и Кобышева, 2024). Следует заметить, что примитивный и манипулятивный уровни идут в ногу с развитием у молодых людей. Стоит рассмотреть их с позиции наглядного представления и выявить, почему, допустим, тот же духовный уровень может быть сложен и является ли отсутствие обученного коммуникативного навыка основной проблемой, приводящей к выявлению путей их решения.

Одна из вероятных причин, которая стереотипизирует мышление молодых людей по двум вышеизложенным уровням, может приводить к подражанию. Тард опирался на то, что в главной части общественной жизни людей является психологический фон отдельных личностей и социальных групп, настроенных на тот или иной вид деятельности. В процессе их взаимодействия один человек или социальная группа подражает другим. В этом Тард видит «изначальный элемент социальности», основной способ существования и развития личности, социальных групп и общества. Подражание – это основное назначение человеческого мышления (Лавриненко, 2017). «Подражание как механизм общения – копирование демонстрируемых или словесно описанных образцов поведения, выступающих в качестве эталонов» (Ефремова и Кобышева, 2024, с. 117).

Многие религиозные догмы, в том числе христианские и протестантские – были нацелены на изучение и понимание личности, тогда как религии востока обезличивали ее. В неевропейских культурах индивидуальность не поощрялась, соответственно личностные особенности не проявлялись, как социальный феномен. Люди, с осознанием своих собственных и личных ценностей проявляют свою индивидуальность, формирующих идеал свободы, так как только свобода дает человеку возможность в саморазвитии и проявлении всех творческих процессов, отсутствии желания подражания. Таких людей Г. Тард называл творческой элитой общества.

Американский психолог Гордон Олпорт обнаружил еще одну из проблем после того, как собрал около 50 определений личности и разделил их на биосоциальную и биофизическую (таблица 1). По большому счету, разделение двух понятий приводило к социальной обусловленности личности (Двиянинова, 2018).

Таблица 1

Виды личности по Олпорту

Биосоциальный – «... сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей деятельности она есть совокупность всех общественных отношений», «социальные роли: набор масок, в ходе социальных взаимодействий»

Биофизический – «субстанциональная и объективная природа личности», «сущностная, устойчивая, отличное от других образование», «личность отождествляется с родовой сущностью человека»

Олпорт столкнулся с двумя сопоставлениями: в первом говорится о личности как представлении, производимом человеком; в другом – как о человеке в истинном значении этого слова. «В психологии коммуникация понимается как процесс передачи информации от человека к человеку (обмен представлениями, идеями, установками, настроениями, чувствами и т. п. в человеческом общении), а также передачи и обмена информацией в обществе с целью воздействия на социальные процессы» (Эксакусто и Истратова, 2018, с. 48).

Одна из важных личностных составляющих – это окружающая среда и общество. Макросреда, т. е. общество в общем его проявлении, также влияет на развитие личности в целом. Микросреда или семья, микрогруппа – также влияют на развитие личности. Именно в микросреде, формируются актуальные навыки приобретения духовно-нравственных ценностей, которые необходимо принимать во внимание и изучать, как основной аспект проявления зависимости у молодых людей (Королев, 2024). В период формирования развития человека в семье, многие аспекты коммуникации могут представиться в искаженном виде и сформировывают неосновательную степень инфантилизации. За инфантильностью могут подразумеваться те виды социальной роли, которые человек играет ради формирования самодетерминации.

Если говорить об этических представлениях на начале собственных сил и разума в понимании самодетерминации, то по И. Канту «только такое самоопределение сообразуется с достоинством морально зрелой личности» (Костромина и др., 2023, с. 170). «А. Бандура относит к одному из основных проявлений субъектной детерминации способность действовать вопреки влиянию внешних факторов, а в ситуациях давления и принуждения оказывать им сопротивление» (Костромина и др., 2023, с. 171).

Одним из видов психологических проблем человека в нарушении общения является регрессия. Также регрессия является психологическим механизмом защиты, который актуализируется в более низкие виды потребностей (в еде, безопасности) взамен более высоким (в самоактуализации, общении). Следовательно такой механизм вынуждает искать новый поиск идей, спровоцированный состоянием «разрушенных установок», «потерей себя», переосмысление своего существования (Горбунова, 2006). Теория Э. Деси и Р. Райана сегодня считается самой актуальной в изучении самодетерминации, в которой понятие автономии подразумевается одной из базовых потребностей личности (Deci, 1985; Ryan, 1995). «Согласно данной теории, автономия рассматривается как самоопределляемое поведение, соответствующее ценностям, потребностям и интересам человека» (Костромина и др., 2023, с. 171).

Взаимоотношения и взаимодействия с людьми подразумевают активное участие социально-психологических характеристик индивида. Поэтому дать характеристику – значит описать всю полноту социальных и индивидуальных качеств человека. Без особого внимания не остаются и психологические особенности личности, которые в свою очередь подразумевают весь спектр социально-психологического функционирования и корреляционную связь индивидуально-психологических особенностей (Королев, 2024). Социально-психологическая сторона зависимой личности позволяет играть определенные роли в отношении людей в обществе, занимать определенное

положение среди людей (Королев, 2024). У зависимых молодых людей в частных случаях заметно проявляются акцентуации характера, а в наиболее сложных жизненных ситуациях и пограничные организации личности.

Помимо коммуникаций, которые тесно связаны с видом общения, а также с возможностями проявления себя в обществе, молодые люди часто сталкиваются с такими проблемами, как внутренний диалог. В качестве разновидности внутреннего диалога можно рассмотреть такой феномен, как саморефлексия. Фактически, в процессе саморефлексии человек задается вопросами для самого себя: «Как формировать свой жизненный потенциал?», «Что стоит в центре внимания?», «На чем концентрироваться?». Появляются трудности, исходя из которых вызываются много вопросов проблем в общении не только с обществом, но и с самим собой. В общем широком смысле, поиск себя представляет ряд сложностей, как один из видов формирования депривации и экзистенциальных мотивов в котором определяются сущностные стороны жизни. В период формирования взросления молодежи, такие лица сталкиваются с так называемым «экзистенциальным кризисом», который наталкивает на поиск новых смыслов жизни и обретения гармоничного стремления с самим собой (Крутко, 2017).

Молодые люди и девушки проявляют реакции на кризис по-разному. В большинстве случаев, к девушкам общество относится лояльнее. Допустим, чтобы считать себя реализованной, девушке достаточно хотя бы оформить брак с молодым человеком и родить ребенка. Уже к 30 годам большинство слабого пола приходит к тому периоду, когда имеется весь вышеперечисленный реализованный план, а другие пытаются завести ребенка «лишь для себя». Молодые люди же в большем количестве испытывают кризис молодости «на выходе» более трагично, социум надеется на их социальные достижения: статус в финансовом и профессиональном плане, который удается осуществить не всем. Женщины с характером, в котором преобладает больше мужского, чем женского, также могут ощутить на себе более острый переход к кризису молодости «на выходе» (Крутко, 2017).

Основываясь на различных подходах к изучению общественной жизни молодых людей, ключевым звеном к решению психологических проблем в общении и коммуникации можно назвать понимание определения цели поведения человека. Направление поведения молодежи в поисках удовольствия от основных потребностей исходит из общественного поведения, опираясь в прогнозировании на анализ целей и потребностей. Автор Роттер подчеркивает шесть категорий потребностей, применимые к социальному поведению личности:

1. Статус признания – потребность ощущать себя профессионалом в тех или иных сферах жизни.
2. Защита-зависимость – потребность в безопасности осуществления важных для личности целей.
3. Доминирование – потребность проявлять свою волю на других людей.
4. Независимость – потребность принимать по собственной инициативе решения и добиваться целей без помощи посторонних лиц.
5. Любовь и привязанность – потребность в принадлежности и любви со стороны других людей.
6. Физический комфорт – потребности физического благополучия.

«Роттер в 1982 г. выявил закономерную формулу: потенциал потребности = свобода деятельности + ценность потребности» (Шкурко, 2017, с. 74).

Помимо постановки цели, для молодежи характерно формирование новообразования молодости. Один из ключевых новообразований – достижение социальной зрелости. В априори, не существует как таковой социальной зрелости для людей разного возраста. Содержание в последствии за целью определяется задачами, в которых формируются развития в том или ином возрастном периоде. Под понятием социальной зрелости необходимо иметь представление, с одной стороны, о перспективе выполнения социальных обязанностей, с другой – об осознании и принятии ответственности за собственную жизнь, поступки и решения, направленные на самого себя. Стало быть, социальная зрелость – это обладание полным комплексом общественных функций взрослого человека, развитие новой взрослой принадлежности. Появление чувства взрослости, есть то иное, что ощущается молодым человеком в социальной зрелости (Крутко, 2017).

Помимо вышеписанного, понимание взрослости скрывает за собой восприятие сказанного человеку. От того, как будет воспринимать информацию человек, будет зависеть так называемая перцептивная составляющая. Субъективная часть восприятия может иметь разные виды проявления. Для понимания восприятия необходимо рассмотреть некоторые виды оценки поступков другого человека. В. В. Знаков описывает это как различные взгляды оценивающего, используя следующие меры (рассмотрим их с точки зрения позиции):

1. Инструментальная. Подразумевает оценивание поступка, как средство достижения какой-то цели, для получения результата. Верным же поступок считается, когда он соответствует моральным нормам, то есть критерий оценки есть общепринятая мораль.
2. Нравственная. Предусматривает под собой нравственные критерии собственно оценивающего. Учитываются обстоятельства, следствия поступков, мотивационный посыл, установки на другого человека.
3. Рефлексивная. В терминологии звучит, как «рефлексивная правда». Исходя из требований к другим, наоборот, выдвигающим требования самому себе, принимая во внимание требования и возможности человека извне на способность им соответствовать. Условие оценивания поступка другого представляется как сознание и совесть собственной ответственности за выставление оценок.

В повседневной жизни без проявления инициативы в общении у человека минимальные шансы удержания и передачи коммуникативной компетентности личности. Сохранять активность в общении помогает «укрупнение

речи» – отражает готовность вести диалог о конкретном предмете в более широком смысле. Косвенным способом вести удерживающие позиции в общении является техника «артиллерийской вилки», когда тот, кто спровоцировал общение, углубляется в различные детали, связанные с сутью проблемы. В данном контексте суть является приближенной (Ефремова и Кобышева, 2024).

Существуют причины, которые вызывают трудности в общении. По данным Ю. А. Менджерицкой, в ходе проведенных эмпирических исследований выделяются нижеперечисленные типы (Капустина, 2018):

1. Доминантно-манипулятивно-враждебный. Отношение, связанное с манипуляциями, подозрениями. Проявление негативных черт, таких как враждебность и агрессивность. Установленный тип в полном объеме соответствует модели затрудненного общения у человека.

2. Доминантно-подозрительно-заинтересованный. Имеет тип доброжелательности с акцентом доминирования, заинтересованности, вызывающий подозрения, принятие и приветливость. Данное представление отмечено амбивалентностью.

3. Принимающе-доброжелательно-подчиняющийся. Такой тип общения ближе к незатрудненному, так как имеет характерологические особенности в отношении подчинения и стремления к эмоциональной конгениальности.

Во всем своем многообразии представленных видов коммуникации стоит подытожить и выявить один закономерный акцент. Имеет место обозначить такой вид психологической практики, как динамичность. Такой вид подразумевает под собой очень широкий кругозор изучения, в который необходимо отнести личностную динамику, психопрактический процесс, а также групповую динамику. Если брать конкретно отдельный вид личностной и групповой динамики, то она может расцениваться как позитивная и негативная. Не исключаются определенные стадии процесса, что самое важное – достижение цели и её завершения (Крутъко, 2017).

На сегодняшний день в эпоху резкого, тотального скачка в цифровых технологиях, процесс общения изменил вид коммуницирования до неузнаваемости. В быстро развивающемся мире, формирование виртуального общения, превалирующего в большей части над живым, активным участием в дискуссии приводит к отсутствию понимания эмоций и чувств между людьми, а также других сигналов в виде жестов. В данной ситуации повышается обезличенность коммуникации. **Целью научной статьи** является поиск основных предвестников психологических проблем в общении у зависимой молодежи.

Материалы и методы

Автором было проведено исследование на группе из 15 человек в возрасте 18–35 лет мужского и женского пола. Местом проведения исследования был Центр социальной адаптации (далее ЦСА) Свердловской области. Основное направление ЦСА – это помочь в преодолении зависимости от психоактивных веществ. Биопсихосоциальное направление позволяет резиденту, находящемуся в учреждении, преодолеть зависимость. Приоритетный инструмент в адаптации – психосоциальная помощь в преодолении зависимости с помощью изучения элементов 12-шаговой программы, когнитивно-поведенческой терапии и других видов социальной психологии.

Для выявления путей решения проблем в общении автором было применено два метода:

1. Опросник дисфункциональных убеждения при пограничном расстройстве личности PBQ-BPD. Данный метод позволяет выявить наличие глубинных убеждений при ПРЛ, а также наметить путь решения проблем, в том числе с помощью когнитивно-поведенческой терапии. Актуальность опросника основана не только на компактности, но самое главное – на возможности принять стратегически верное решение. Шкала недоверия отражает убеждения о том, что люди склонны к эксплуатированию других и не заслуживают доверия. Шкала зависимости отражает представления о самом себе, как о нуждающемся, беспомощном и полагающемся на одобрения со стороны. Шкала защиты выявляет убеждения о том, что необходимы превентивные меры с целью защитить себя от неблагоприятных межличностных отношений или действий, таких как игнорирование, отвержение или эмоциональная агрессия (Конина и Холмогорова, 2016).

2. Индекс автономного функционирования IAF. Данная методика позволяет определить глубинные убеждения в понимании своих ценностно-смысловых ориентаций, вере в безопасный и справедливый мир, а также в формировании о представлении ценности собственного «Я». Авторы методики предложили диспозиционную шкалу автономии, отражающую ее основные компоненты: авторство/самоконгруэнтность, заинтересованность и неподверженность контролю.

Первым компонентом автономии в структуре методики является авторство или самоконгруэнтность. В автономном состоянии человек воспринимает свое поведение как самосогласованное и целостное, он заинтересован в самоисследовании и может использовать осознание своих ценностей, чувств и потребностей, чтобы действовать конгруэнтно (Deci, 2004). Следует отметить, что такое понимание самоконгруэнтности схоже с концепцией аутентичности, описанной в экзистенциальной литературе (Weinstein et al., 2012; Wood, 2008). Второй компонент автономии – заинтересованность, то есть готовность человека открыто размышлять о внутренних и внешних событиях, мотивированное внимание и восприимчивость как к положительному опыту, так и к негативному (Weinstein et al., 2011). Заинтересованность способствует осознанию и постоянному пониманию себя и своего опыта, что, в свою очередь, важно для высокого уровня самоуправления, связанного с автономией (Hmell, 2002; Ryan & Deci, 2006).

Третий компонент автономии – это отсутствие внешнего и внутреннего давления на поведение, или низкая восприимчивость к контролю (Deci et al., 1994). Люди с диспозиционно низкой автономией показывают меньшую

степень личного выбора и инициативы и рассматривают поведение как реакцию на давление со стороны ожиданий других или на интровертированное давление и навязанное самим себе долженствование (Weinstein et al., 2012).

Данные методы выбраны автором исходя из формирования цели научной статьи, к тому же пути решения в представлении данных методик позволяют очень широко и точно взглянуть на психологические особенности у зависимой молодежи в общении. Метод обработки данных, включает в себя стандартный метод математической статистики – критерий χ^2 Пирсона.

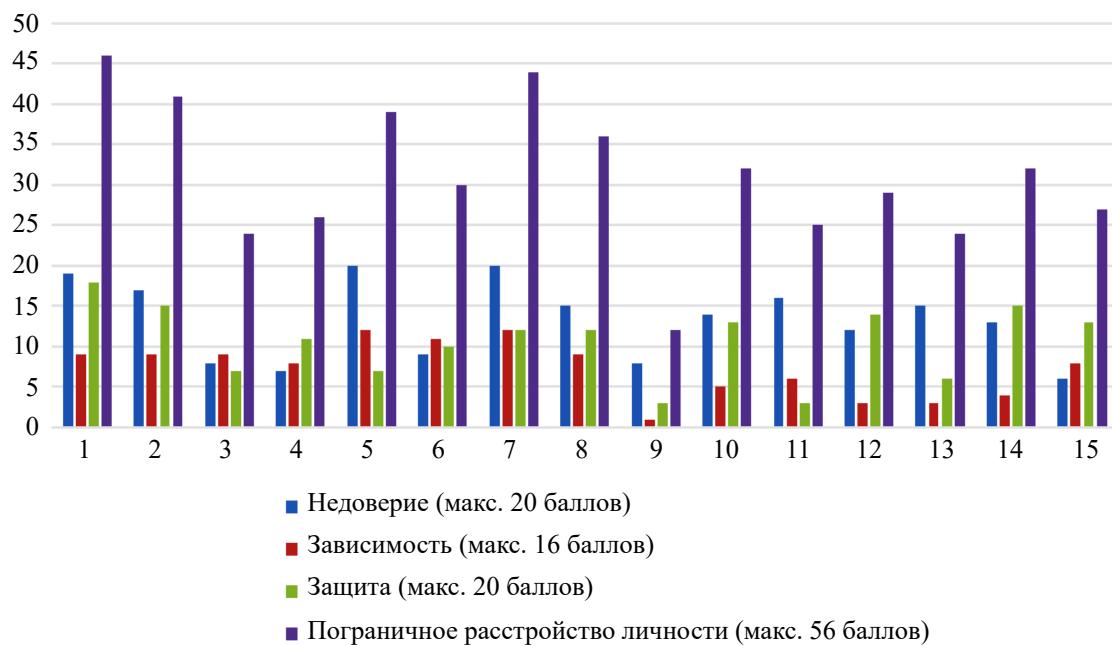
Результаты исследования

Применение методик проводились в первый месяц прохождения адаптации у резидентов ЦСА, в период короткой ремиссии после употребления психоактивных веществ (алкоголь и наркотические вещества). Такое время для лиц, употребляющих психоактивные вещества, является очень уязвимым. В период так называемого «синдрома отмены» резидент в центре социальной адаптации испытывает наиболее сильные негативные эмоции и чувства, которые очень хорошо проявляют состояние всего спектра психологических проблем в общении и коммуникации.

Исходя из полученных результатов, методика «Опросник дисфункциональных убеждений» (рисунок 1), демонстрирует высокий уровень пограничного расстройства личности у резидентов: более 70 % испытуемых в интерпретации продемонстрировали данный результат (от 25 до 46 баллов). Риск недоверия у резидентов представляет высокий уровень, что подтверждает сомнения в новой среде и нарушение осознания проблемы (достигает 20 баллов). Средние значения шкалы зависимости подтверждают мотив одобрения со стороны в сложный период времени. Высокий уровень шкалы защиты отмечает фактор отсутствия потребности в безопасности, что может в свою очередь приводить к проблемам в коммуникации между резидентами.

Рисунок 1

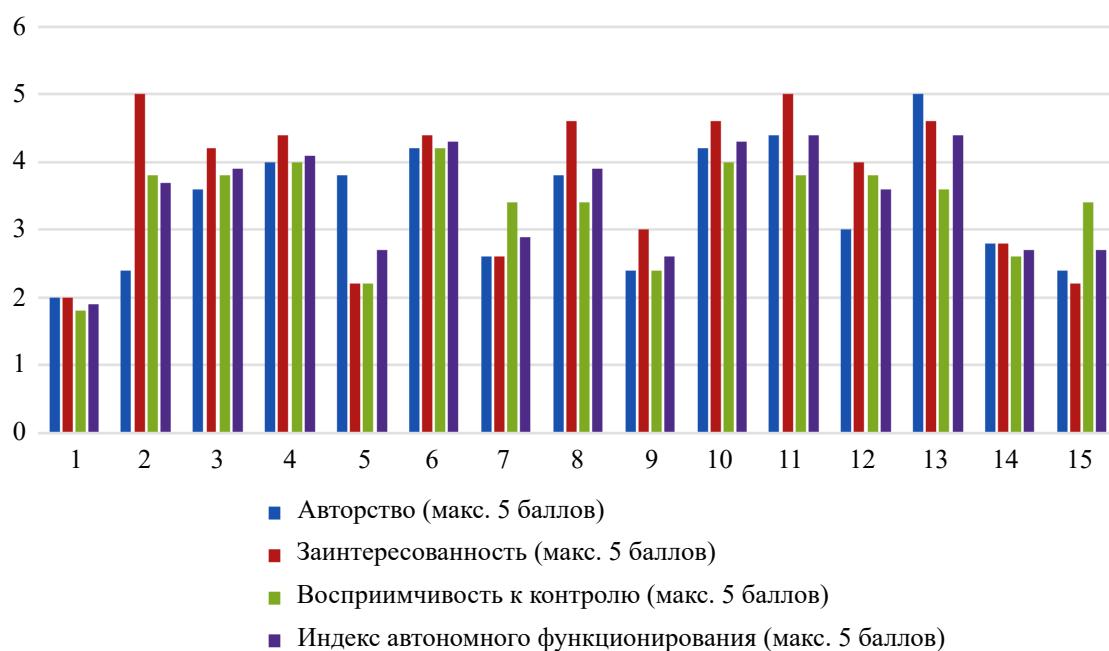
Результаты методики «Опросник дисфункциональных убеждений при пограничном расстройстве личности PBQ-BPD»

Основываясь на полученных данных, изображенных на рисунке 2, глубинные убеждения методики «Индекс автономного функционирования IAF» показывают нам, что первый компонент автономии как авторство имеет высокие значения (73,07 %), что подразумевает личные мотивы изучения и понимания своих личных убеждений. Вторым компонентом исследования является заинтересованность, которая имеет высокие значения (72,88 %), демонстрируя желание к изменениям и готовность размышлять о внешних и внутренних событиях. Восприимчивость к контролю отмечает высокий показатель (70,13 %), резидент ощущает внешнее и внутреннее давление на поведение.

Автором были проведены статистические расчеты, с применением критерия χ^2 Пирсона. Исходя из полученных данных можно заметить, что показатели методики «Опросник дисфункциональных убеждений при пограничном расстройстве личности PBQ-BPD» указывают на расхождения между распределениями статистически достоверных показателей недоверия, который равен критическому значению или превышает его ($\chi^2_{\text{Эмп}} = 24,03$). Показатели зависимости не подтверждают гипотезу достоверности критического значения ($\chi^2_{\text{Эмп}} = 22,679$). В свою очередь, результат по шкале защиты ($\chi^2_{\text{Эмп}} = 26,754$) равен критическому значению или превышает его, расхождения между распределениями статистически достоверны.

Рисунок 2
Результаты методики «Индекс автономного функционирования IAF»

Результаты методики «Индекс автономного функционирования IAF» для формирования точных данных были переведены в процентное соотношение. Показатель авторства ($\chi^2_{\text{ЭМП}} = 345,932$) демонстрирует статистически достоверные значения. Достижение заинтересованности ($\chi^2_{\text{ЭМП}} = 459,418$) превышает критическое значение, что является достоверным. Восприимчивость к контролю превышает критическое значение ($\chi^2_{\text{ЭМП}} = 228,206$). Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты альтернативного распределения методик «индекс автономного функционирования» и «опросник дисфункциональных убеждений»

«Опросник дисфункциональных убеждений при пограничном расстройстве личности PBQ-BPD»			«Индекс автономного функционирования IAF»		
Недоверие	Зависимость	Защита	Авторство	Заинтересованность	Восприимчивость к контролю
$\chi^2_{\text{ЭМП}} = 24,03$	$\chi^2_{\text{ЭМП}} = 22,679$	$\chi^2_{\text{ЭМП}} = 26,754$	$\chi^2_{\text{ЭМП}} = 345,932$	$\chi^2_{\text{ЭМП}} = 459,418$	$\chi^2_{\text{ЭМП}} = 228,206$

Обсуждение результатов

Так, мы определяем несколько моментов, связанных с нарушением общения и коммуникации у молодежи. Резидент в центре социальной адаптации сталкивается с трудностями понимания своей проблемы. За каждым новым путем решения проявляются трудности с местом, где находится резидент, с окружением, и целой картиной социальной адаптации. При этом, желание к изучению подразумевает факт конгруэнтности, оставляя за собой автономию и стремление к самодетерминации. Осложняется все тем, что недоверие и защита своих глубинных убеждений не представляют возможным эффективно начать комплекс социальной адаптации.

Согласно исследованию, проведенному в научной статье Холмогоровой и Кониной (2016), опросник дисфункциональных убеждений при пограничном расстройстве личности (PBQ-BPD), является валидным и надежным. Показывая свою эффективность, факторный анализ отражает, что с помощью трех основных факторов (ожидание эксплуатации, непорядочности, предательства со стороны других людей) выявляется необходимость осуществления превентивных действий возможной эксплуатации или отвержения (Конина и Холмогорова, 2016).

Проблема в общении у молодежи подразумевает комплекс провоцирующих, ярко выраженных факторов, связанных с нарушением адаптивности в социальной среде, что отражается в результатах исследования. Один из видов данных нарушений тесно связан с использованием цифровых технологий, которые в свою очередь формируют огромную дистанциозность в общении между молодыми людьми, создавая сложности в огромном количестве информации, формируя психосоциальный стресс, высокий риск недоверия.

Методика «Индекс автономного функционирования» (IAF) подтверждает свою конструктную валидность. Конструкт «авторство/самоконгруэнтность» является ключевым компонентом автономного функционирования,

который тесно связан по смыслу с проблематикой экзистенциальной психологии, понятиями самотрансценденции и эндогенной свободы личности (Костромина и др., 2023). Весь спектр ценностных ориентаций у молодежи оставляет за собой скрытое, а в большинстве случаев ложное представление глубинных убеждений, которые затрудняют процесс общения и представляются психологическими проблемами в коммуникации. Таким образом, данный опросник позволяет выявить специфику нарушения потребности в общении у зависимого молодого человека. Результаты исследования показывают нам, что авторство и самоконгруэнтность играет важную роль в собственной идентичности.

Пути преодоления трудностей молодежи осложняются видами общения, а также пограничным представлением высоких рисков развития суицидальных мыслей и употребления психоактивных веществ. Результаты исследования показывают нам, что психосоциальные проблемы в коммуникации зависимой молодежи изучены частично и едва показывают предвестники и основные элементы триггеров, которые не дают возможности зависимому молодому человеку чувствовать себя безопасно в социальной среде. Данные методики необходимы для дальнейшего применения в сфере психотехнологических предложений.

Заключение. Таким образом, автор приходит к выводу, что нарушение адаптивных социальных ролей в жизни молодежи является архиважным звеном в решении поставленной цели. Основным фактором здесь может выступать высокий уровень цифровизации. Молодежь отдаляется друг от друга, уделяет много времени социальным сетям, в том числе просмотрю различных коротких видео, которые формируют так называемое «клиповое мышление». Учитывая примитивный и манипулятивный уровень общения, сложности путей решения психологических проблем в коммуникации не дают молодежи ощутить свои ценностные ориентации в полном объеме из-за подражания. Следовательно, формируются динамические стереотипы, за которыми может следовать употребление психоактивных веществ. В силу нарушения коммуникации между молодежью, отсутствия конструктивного диалога, отдаления друг от друга, заменяя вид живого общения виртуальным, мы сталкиваемся с огромными рисками возникновения суицидальных поступков. У молодежи в период психологических проблем в общении очень часто подвергается опасности эмоционально-волевая сфера, что отдаляет человека все дальше и дальше друг от друга. Поэтому пути решения проблем молодежи требуют очень глубокого подхода со стороны доверия в общении, формирования зрелой личности в возможности проявления индивидуальности, а также новых установок на живой диалог и коммуникацию среди сверстников, поскольку человек, как личность, формируется в обществе.

Список литературы

Двиянинова, Е. Н. (2018). *Психология массовых коммуникаций: учебное пособие*. Поволжский государственный технологический университет.

Ефремова, О. И., и Кобышева, Л. И. (2024). *Психология общения: учебное пособие*. Москва.

Капустина, В. А. (2018). *Психология общения: учебное пособие*. Новосибирский государственный технический университет.

Конина, М. А., и Холмогорова, А. Б. (2016). Опросник дисфункциональных убеждений при пограничном расстройстве личности (PBQ-BPD): адаптация для русскоязычной выборки. *Консультативная психология и психотерапия*, 24(3), 126–143. <https://doi.org/10.17759/cpp.20162403008>

Королев, Л. М. (2024). *Социальная психология: учебник* (4-е изд.). Дашков и К.

Костромина, С. Н., Даринская, Л. А., Москвичёва, Н. Л., и Филатова, А. Ф. (2023). Апробация и валидизация методики «Индекс автономного функционирования» (IAF) на российской выборке. *Психологическая наука и образование*, 28(5), 168–183.

Крутько, И. С. (2017). *Психотехнологии в работе с молодежью: учебное пособие*. Издательство Уральского университета.

Лавриненко, В. Н. (2017). *Психология и этика делового общения*. Юнити-Дана.

Горбунова, М. Ю. (2006). *Социальная психология*. ВЛАДОС-ПРЕСС.

Шкурко, Т. А. (2017). *Социальное поведение человека: объяснительные модели, теории, методический инструментарий: учебное пособие*. Издательство Южного федерального университета.

Эксакусто, Т. В., и Истратова, О. Н. (2018). *Психология эффективного общения и группового взаимодействия: учебное пособие*. Издательство Южный федеральный университет.

Deci, E. L., Eghrari, H., Patrick, B. C., & Leone, D. R. (1994). Facilitating Internalization: The Self-Determination Theory Perspective. *Journal of Personality*, 62(1), 119–142. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1994.tb00797.x>

Deci, E. L., Richard, M., & Ryan, R. M. (1985). The general causality orientations scale: Self-determination in personality. *Journal of Research in Personality*, 19(2), 109–134.

Hmel, B. A., & Pincus, A. L. (2002). The meaning of autonomy: on and beyond the interpersonal circumplex. *Journal of personality*, 70(3), 277–310. <https://doi.org/10.1111/1467-6494.05006>

Weinstein, N., Przybylski, A. K., & Ryan R. M. (2012). The index of autonomous functioning: Development of a scale of human autonomy. *Journal of Research in Personality*, 46(4), 397–413. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2012.03.007>

Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2006). Self-regulation and the problem of human autonomy: does psychology need choice, self-determination, and will? *Journal of personality*, 74(6), 1557–1585. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2006.00420.x>

Weinstein, N., Deci, E. L., & Ryan, R. M. (2011). Motivational determinants of integrating positive and negative past identities. *Journal of personality and social psychology*, 100(3), 527–544. <https://doi.org/10.1037/a0022150>

References

Dvinyaninova, E. N. (2018). *Psychology of mass communications: textbook*. Volga State University of Technology. (In Russ.)

Deci, E. L., Eghrari, H., Patrick, B. C., & Leone, D. R. (1994). Facilitating Internalization: The Self-Determination Theory Perspective. *Journal of Personality*, 62(1), 119–142. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1994.tb00797.x>

Deci, E. L., Richard, M., & Ryan, R. M. (1985). The general causality orientations scale: Self-determination in personality. *Journal of Research in Personality*, 19(2), 109–134.

Exacusto, T. V., & Istratova, O. N. (2018). *Psychology of effective communication and group interaction: textbook*. Southern Federal University Publishing House. (In Russ.)

Efremova, O. I., & Kobysheva, L. I. (2024). *Psychology of communication: textbook*. Moscow. (In Russ.)

Gorbunova, M. Y. (2006). *Social psychology*. VLADOS-PRESS. (In Russ.)

Kapustina, V. A. (2018). *Psychology of communication: textbook*. Novosibirsk State Technical University. (In Russ.)

Konina, M. A., & Kholmogorova, A. B. (2016). The questionnaire of dysfunctional beliefs in borderline personality disorder (PBQ-BPD): adaptation for a Russian-speaking sample. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 24(3), 126–143. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/cpp.20162403008>

Korolev, L. M. (2024). *Social psychology: textbook* (4th ed.). Dashkov & K. (In Russ.)

Kostromina, S. N., Darinskaya, L. A., Moskvichyova, N. L., & Filatova, A. F. (2023). Approbation and validation of the Index of Autonomous Functioning (IAF) methodology in a Russian sample. *Psychological Science and Education*, 28(5), 168–183. (In Russ.)

Krutko, I. S. (2017). *Psychotechnologies in work with youth: a textbook*. Ural University Publishing House. (In Russ.).

Lavrinenco, V. N. (2017). *Psychology and ethics of business communication*. Unity-Dana. (In Russ.)

Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2006). Self-regulation and the problem of human autonomy: does psychology need choice, self-determination, and will? *Journal of personality*, 74(6), 1557–1585. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2006.00420.x>

Shkurko, T. A. (2017). *Human social behavior: explanatory models, theories, methodological tools: textbook*. Southern Federal University Publishing House. (In Russ.)

Hmel, B. A., & Pincus, A. L. (2002). The meaning of autonomy: on and beyond the interpersonal circumplex. *Journal of personality*, 70(3), 277–310. <https://doi.org/10.1111/1467-6494.05006>

Weinstein, N., Przybylski, A. K., & Ryan R. M. (2012). The index of autonomous functioning: Development of a scale of human autonomy. *Journal of Research in Personality*, 46(4), 397–413. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2012.03.007>

Weinstein, N., Deci, E. L., & Ryan, R. M. (2011). Motivational determinants of integrating positive and negative past identities. *Journal of personality and social psychology*, 100(3), 527–544. <https://doi.org/10.1037/a0022150>

Об авторе:

Алексей Владимирович Кадрик, ассистент кафедры организации работы с молодежью, Уральский федеральный университет (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19), [ORCID](#), avkadrik@urfu.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Alexey Vladimirovich Kadrik, Assistant, Youth Work Organization Department, Ural Federal University (19, Mira Str., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation), [ORCID](#), avkadrik@urfu.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 14.03.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 05.05.2025

Принята к публикации / Accepted 03.10.2025

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ COGNITIVE PSYCHOLOGY AND PSYCHOPHYSIOLOGY

УДК 159.9

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-53-62>

XSMFTW

Связь метакогнитивных навыков с когнитивными функциями, субъективным благополучием и полиморфизмом гена APOE у женщин зрелого возраста

Екатерина В. Забелина¹ , Елена А. Куба¹ , Юлия Ю. Филиппова¹ ,
Екатерина Г. Денисова² , Ирина А. Трушина¹ , Дарья С. Сташкевич¹

¹ Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

² Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ keithdenisova@gmail.com

Аннотация

Введение. Метапознание включает знания о собственных когнитивных процессах и механизмы их регулирования, такие как мониторинг и контроль хода принятия решений, и рассматривается как ключевой фактор адаптивного поведения. Особенно важную роль метапознание играет во второй половине жизни, поскольку может выступать одним из ключевых ресурсов компенсации возрастного снижения когнитивных функций. Вместе с тем, существует дефицит исследований, посвященных молекулярно-генетической основе метапознания, а их результаты противоречивы. Данное исследование направлено на частичное восполнение этого пробела.

Цель. Выявить роль метакогнитивных навыков, когнитивных способностей и полиморфизма гена *APOE* в поддержании субъективного благополучия женщин в зрелом возрасте.

Материалы и методы. В исследовании использованы стандартизованные методы оценки когнитивных (MoCA-тест), метакогнитивных характеристик (MCQ-30, опросник метакогнитивных качеств личности), шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера, а также метод аллель-специфической ПЦР для генотипирования гена *APOE* (388Т/С и 526С/Т).

Результаты исследования. Несмотря на слабую связь метакогнитивных и когнитивных навыков, подтверждена сильная связь метакогнитивных навыков и субъективного благополучия в этом возрасте. Кроме того, показано, что полиморфизм гена *APOE* связан с риском снижения когнитивных функций (прежде всего, процессов кратковременной и долговременной памяти) и может влиять на уровень субъективного благополучия у женщин зрелого возраста.

Обсуждение результатов. Результаты исследования подчеркивают значимость развития метакогнитивных навыков и работы с метакогнитивными убеждениями в зрелом возрасте. Развитие таких навыков включает формирование разнообразных стратегий планирования, самопроверки и регуляции собственных мыслительных процессов, а также умения гибко применять их в разных жизненных и профессиональных ситуациях. Целенаправленная поддержка и тренинг метакогнитивных навыков могут рассматриваться как один из путей профилактики возрастного когнитивного снижения и поддержания субъективного благополучия. Полученные данные поддерживают гипотезу о метакогнитивных стратегиях и полиморфизме гена *APOE* как маркерах благополучия в зрелом возрасте.

Ключевые слова: метакогнитивные навыки, метакогнитивные убеждения, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, когнитивные способности, зрелый возраст, ген *APOE*

Для цитирования. Забелина, Е. В., Куба, Е. А., Филиппова, Ю. Ю., Денисова, Е. Г., Трушина, И. А., и Сташкевич, Д. С. (2025). Связь метакогнитивных навыков с когнитивными функциями, субъективным благополучием и полиморфизмом гена APOE у женщин зрелого возраста. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 8(5), 53–62. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-53-62>

The Relationship Between Metacognitive Skills and Cognitive Functions, Subjective Well-Being, and APOE Gene Polymorphism in Middle-Aged Women

Ekaterina V. Zabelina¹ , Elena A. Kuba¹ , Yulia Yu. Filippova¹ , Ekaterina G. Denisova² ,
Irina A. Trushina¹ , Daria S. Stashkevich¹

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

² Donskoy State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ keithdenisova@gmail.com

Abstract

Introduction. Metacognition includes knowledge about one's own cognitive processes and mechanisms for regulating them, such as monitoring and controlling the decision-making process, and is considered a key factor in adaptive behavior. Metacognition plays a particularly important role in the second half of life, as it can be one of the key resources for compensating for age-related decline in cognitive functions. However, there is a lack of research on the molecular genetic basis of metacognition, and the results of existing studies are contradictory. This study aims to partially fill this gap.

Objective. Identify the role of metacognitive skills, cognitive abilities, and the polymorphism of the *APOE* gene in maintaining the subjective well-being of women of middle age.

Materials and Methods. The study used standardized methods to evaluate cognitive (MoCA test) metacognitive characteristics (MCQ-30), the E. Diener's life satisfaction scale, and the allele-specific PCR method to genotype the *APOE* gene (388T/C and 526C/T).

Results. Despite the weak link between metacognitive and cognitive skills, a strong link between metacognitive skills and subjective well-being has been confirmed at this age. In addition, it was shown that *APOE* gene polymorphism is associated with the risk of cognitive decline (primarily short-term and long-term memory processes) and may affect the level of subjective well-being in middle-aged women.

Discussion. The results of the study emphasize the importance of developing metacognitive skills and working with metacognitive beliefs in middle age. The development of such skills includes the formation of various strategies for planning, self-checking, and regulating one's own thought processes, as well as the ability to apply them flexibly in different life and professional situations. Targeted support and training of metacognitive skills can be considered one of the ways to prevent age-related cognitive decline and maintain subjective well-being. The data obtained support the hypothesis of metacognitive strategies and polymorphism of the *APOE* gene as markers of well-being in adulthood.

Keywords: metacognitive skills, metacognitive beliefs, subjective well-being, life satisfaction, cognitive abilities, mature age, *APOE* gene

For Citation. Zabelina, E. V., Kuba, E. A., Filippova, Yu. Yu., Denisova, E. G., Trushina, I. A., & Stashkevich, D. S. (2025). The relationship between metacognitive skills and cognitive functions, subjective well-being, and *APOE* gene polymorphism in mature women. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defeciology*, 8(5), 53–62. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-53-62>

Введение. Метакогниции (метапознание) определяются как любое знание или когнитивная деятельность, которая принимает в качестве своего объекта когнитивный процесс или регулирует любой его аспект (Flavell, 1979). Метакогнитивные процессы позволяют направлять и контролировать другие когнитивные процессы, такие как восприятие, принятие решений и память (Metcalfe & Shimamura, 1996). Метапознание является познанием второго порядка (в отличие от когнитивного уровня): это мысли о своих мыслях, знание о собственных знаниях и способность к рефлексии по отношению к собственному опыту (Papaleontiou-Louca, 2003). Как отмечает А. В. Карпов, «метакогнитивные процессы двуедины по своей психологической природе: являясь когнитивными по механизмам, они регулятивны по направленности, т.е. по функциональному предназначению» (Карпов, 2004, с. 131).

Принято выделять два основных компонента метапознания, концептуализированных в фундаментальных работах Дж. Флавелла и Г. Веллмана. Первый – метакогнитивные знания (метапознание), то есть осведомлённость человека о собственных когнитивных процессах и способность отслеживать их и размышлять о них. Второй – метакогнитивный контроль (мета-контроль), представляющий собой совокупность механизмов саморегуляции, например планирование и адаптацию поведения в зависимости от его последствий для окружающей среды (Livingston, J. (2003). Metacognition: An Overview. eric.ed.gov. ERIC. <https://eric.ed.gov/?id=ED474273>). Согласно модели Нельсона и Наренса, мета-знание представляет собой поток и обработку информации от уровня объекта до мета-уровня, в то время как мета-контроль представляет собой поток, идущий от мета-уровня к уровню объекта (Nelson et al., 1994). Объектный уровень охватывает многочисленные когнитивные функции, такие как распознавание и категоризацию предметов, семантическое кодирование, пространственное представление и стратегии принятия решений. Важным элементом метакогнитивного контроля является мониторинг, который обеспечивает

поведенческую регуляцию – например, позволяет осознать ошибочность принятого решения и скорректировать его, выбрав альтернативный курс действий.

Таким образом, метапознание включает знания о собственных когнитивных процессах и механизмы их регулирования, такие как мониторинг и контроль хода принятия решений, и рассматривается как ключевой фактор адаптивного поведения. Кроме того, оно охватывает не только осведомлённость о когнитивных процессах, но и понимание и регуляцию собственных эмоциональных состояний, а также эмоциональных процессов других людей (Papaleontiou-Louca, 2003; White et al., 1998). Особенную важную роль метапознание играет во второй половине жизни, когда его механизмы способствуют эффективной саморегуляции и адаптации к изменениям в когнитивной и эмоциональной сферах личности (Flavell, 1979).

Изменение метакогнитивных способностей/навыков с возрастом. Метапознание может выступать одним из ключевых ресурсов компенсации возрастного снижения когнитивных функций. С возрастом отмечается снижение когнитивных навыков, требующих скорости обработки информации и реакции, что связано с общим замедлением психомоторных процессов (Крайг, 2002). При этом метакогнитивные навыки, смысловой контекст опыта и памяти становятся актуальными: они позволяют направлять и регулировать когнитивные процессы, эффективно заполняя пространство операций, где снижается скорость, и поддерживая успешное решение реальных задач. В связи с чем, не происходит снижения эффективности мыслительной деятельности при решении реальных задач (Носс, 2024).

С другой стороны, в соответствии с гипотезой старения лобной коры, когнитивные функции, тесно связанные с функциональной целостностью префронтальных областей мозга, наиболее подвержены возрастным изменениям. Так, например, показатели рабочей памяти, ключевую роль в поддержании которой играет дорсолатеральная префронтальная кора, также снижаются с возрастом. Кроме того, показано, что с возрастом увеличивается латентность ERP-компонентов когнитивного контроля, что отражает замедление обработки информации и подтверждает гипотезу снижения скорости когнитивных процессов. При этом амплитуда компонентов, локализованных в префронтальных областях, возрастает, компенсируя снижение активности в задних областях и позволяя сохранять когнитивную производительность на относительно стабильном уровне, что подтверждает компенсаторную гипотезу старения (Kropotov et al., 2016). Согласно модели STAC-г, эти изменения могут быть связаны с сокращением биологических ресурсов, однако метакогнитивные процессы и накопленный опыт способны компенсировать снижение, поддерживая адаптивное поведение и продуктивное мышление в пожилом возрасте (Alexander et al., 1997).

Связь метакогниций и благополучия. Существует множество доказательств тому, что метакогнитивные навыки являются важнейшими компонентами психологического функционирования; по сути, они представляют собой водораздел между психическим здоровьем и человеческой психопатологией. Действительно, в современной литературе подчеркивается, что неэффективный метакогнитивный мониторинг характеризует многие психопатологические состояния, включая депрессивные и тревожные расстройства, расстройства пищевого поведения и химические зависимости (Sun et al., 2017). Метакогнитивные навыки выступают ключевым фактором, обеспечивающим эффективность деятельности (Paris & Winograd, 1990). Подчеркивается значимое влияние метакогнитивных стратегий на достижение субъективного благополучия, успешную адаптацию к новой среде, а также на эффективное планирование и регуляцию повседневной деятельности (Бызова, 2018; Денисова и др., 2023). Выявлены взаимосвязи метакогнитивных навыков с самореализацией, самоэффективностью, уверенностью в себе и удовлетворенностью жизнью (Kiae, 2014).

Молекулярно-генетическая основа метапознания и субъективного благополучия. Несмотря на то, что связь между когнитивными функциями и вариабельностью большого числа генов хорошо изучена и научно обоснована, существует дефицит исследований, посвященных молекулярно-генетической основе метапознания, а их результаты противоречивы. С одной стороны, S. Jiang с соавторами показали, что способности к метапознанию, будучи когнитивными способностями второго порядка, у взрослых людей в большей степени регулируются факторами окружающей среды, чем генетикой (Jiang et al., 2024). С другой стороны, значимые ассоциации с уровнем метакогнитивной активности выявлены для генетических полиморфизмов белка-транспортера серотонина (5-HTTLPR) (Lehmann et al., 2023) и рецептора дофамина (DRD4) (Munafo & Flint, 2011). Если генетическая обусловленность метакогнитивных навыков не доказана, то субъективное благополучие на 30–40 % определяется генетическими факторами, что показано в исследованиях с применением близнецового метода (Røysamb & Nes, 2019). В качестве генов-кандидатов, объясняющих индивидуальную вариабельность субъективного благополучия, рассматриваются гены, влияющие на количество и функции нейромедиаторов: рецептора окситоцина (OXTR), белка-транспортера серотонина (5-HTTLPR), моноаминоксидазы А (MAOA), катехол-О-метилтрансферазы (COMT) и каннабиноидного рецептора 1 типа (CNR1) (Weijer et al., 2022).

Связь полиморфизмов гена APOE с метапознанием, когнитивными функциями при старении и субъективным благополучием. В настоящее время ген APOE признан одним из наиболее значимых генетических факторов, связанных с траекториями когнитивного старения и с когнитивной функцией у пожилых людей (Harris & Deary, 2011). Ген APOE кодирует транспортный белок – аполипопротеин-Е (ApoE), за счет которого центральная нервная система получает липиды, необходимые для роста, восстановления нейронов и поддержания синаптической пластичности (O'Donoghue et al., 2018). Ген APOE имеет два функциональных однокарбонуклеотидных поли-

морфизма: rs429358 (388T/C) и rs7412 (526C/T), которые кодируют основные аллели ε1, ε2, ε3 и ε4. У носителей аллеля *APOE* ε4 обнаружены более низкие показатели эпизодической памяти, исполнительных функций и общих когнитивных способностей. Наличие хотя бы одной копии *APOE* ε4 в 4 раза увеличивает склонность к депрессивным состояниям у женщин (Delano-Wood, 2008), а риск развития болезни Альцгеймера примерно в 3–7 раз (Pires & Rego, 2023). Кроме того, R. Martin с соавторами обнаружили ассоциацию аллеля *APOE* ε4 с более низкими уровнями субъективного благополучия (меньше позитивных эмоций) у долгожителей (Martin et al., 2014). Потенциальная связь генетических вариаций гена *APOE* с индивидуальными различиями личностных качеств и мета-когнитивных навыков не изучена.

Таким образом, **целью исследования** стало выявление связи метакогнитивных навыков, когнитивных функций, субъективного благополучия и полиморфизма гена *APOE* у женщин зрелого возраста. В качестве гипотезы выдвинуто предположение о том, что метакогнитивные стратегии и убеждения выступают поддерживающим фактором и могут быть связаны с уровнем субъективного благополучия женщин в зрелом возрасте и полиморфными вариантами гена *APOE*.

Материалы и методы

Для оценки когнитивных навыков в исследовании использовался интегративный показатель Монреальской шкалы оценки когнитивных функций (MoCA-тест). Тест оценивает различные когнитивные сферы: внимание и концентрацию, управляющие функции, память, язык, зрительно-конструктивные навыки, абстрактное мышление, счет и ориентацию и может быстро отсечь умеренные когнитивные дисфункции. Время для проведения MoCA-теста составляло не более 10 минут. Максимально возможное количество баллов – 30; 26 баллов и более соответствует нормальному когнитивному развитию.

Метакогнитивные характеристики изучались с помощью опросника «Метакогнитивные качества личности» Д. Эверсона, включающего четыре шкалы: метакогнитивная включенность в деятельность, использование стратегий, планирование действий, самопроверка; анкеты «Трудности саморегуляции» (Карпов, 2018); Опросника метакогнитивных убеждений (Metacognition Questionnaire, MCQ-30, А. Уэлса и С. Картрайт-Хаттон, адаптированного Н. А. Сиротой, Д. В. Московченко, В. М. Ялтонским, А. В. Ялтонской). Он состоит из 30 утверждений, распределенных по пяти шкалам: позитивные убеждения, касающиеся беспокойства (убеждения, отражающие веру в то, что более частое беспокойство поможет избежать проблем и справиться с трудностями); негативные убеждения, связанные с неуправляемостью и опасностью беспокойства (убеждения относительно невозможности контроля и телесной, психологической или социальной опасностью беспокойства); когнитивная несостоительность (негативные убеждения в отношении собственной мнестической деятельности); контроль мыслей (убежденность в том, что если не контролировать свои мысли, то может случиться что-то плохое); внимательность к собственным мыслительным процессам (шкала, отражающая выраженность когнитивного синдрома внимания – тенденции фокусировать свое внимание на собственных мыслях, думать о них).

С целью диагностики субъективного благополучия применялась Шкала удовлетворенности жизнью (Динер, 1999) в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина (2003). Удовлетворенность жизнью рассматривается как когнитивный компонент субъективного благополучия в концепции Э. Динера.

В ходе генетического анализа ДНК выделяли из букального эпителия с помощью набора реагентов ГенПреп (ООО «Синтол»). Генотипирование гена *APOE* (SNP в точках: 388T/C и 526C/T) проводили методом аллель-специфической ПЦР в реальном времени с флуоресцентной детекцией с использованием набора реагентов для проведения ПЦР-РВ («Синтол», Москва) на амплификаторе ДТпрайм («ДНК-Технология», Россия). Проверку наблюдаемых в исследовании частот встречаемости генотипов, гена *APOE* на соответствие равновесию Харди-Вайнберга проводили с использованием онлайн – калькулятора (<https://wpcalc.com/en/medical/equilibrium-hardy-weinberg/>), в котором рассчитывался χ^2 для двух степеней свободы.

Для выявления связей между показателями метапознания, когнитивных навыков и субъективного благополучия применяли метод ранговой корреляции *r*-Спирмена. Поиск ассоциаций полиморфизма гена *APOE* с психологическими показателями осуществляли с применением анализа главных компонент и MDR-анализа (Multifactor Dimensionality Reduction, анализ многомерного снижения размерности). MDR-анализ используется для выявления ассоциаций между генами и сложными признаками организма (в контексте данного исследования – когнитивными, метакогнитивными навыками и субъективным благополучием), проявление которых зависит как от генетических факторов, так и от факторов среды. Данный метод позволяет уменьшить размерность числа рассчитываемых параметров при одновременной оценке взаимодействий большого количества полиморфизмов за счет конструирования новых переменных на основе суммирования сочетаний генотипов повышенного и пониженного риска формирования заболевания/негативного проявления признака (Пономаренко, 2019). Расчеты проведены в программах SPSS Statistics, Past (v. 4.03) и MDR v.3.0.2.

Результаты исследования

Выборка. В выборку были включены 60 женщин в возрасте от 40 до 70 лет, все сотрудники вуза (преподаватели, научные работники, работники административных и финансовых подразделений). Этот возрастной период соотносится в периодизации развития человека как субъекта труда (по Д. Сьюперу) с этапом поддержания достигнутых в процессе карьерного развития позиций. Как отмечает автор классификации, именно здесь решается

вопрос, удалось ли построить желаемый образ жизни (стадии авторитета и наставника по Е.А. Климову). Это этап подведения профессиональных итогов, на котором решаются ключевые для финального отрезка жизни вопросы, принимается решение о том, когда человек выйдет на пенсию, чем он будет заниматься после окончания трудовой карьеры. Когнитивные функции в этот период снижаются, однако метакогнитивные могут иметь тенденцию к повышению (Карпов, 2004). Поскольку когнитивные изменения в процессе нормального старения у разных людей проявляются по-разному, в этом возрасте мы уже имеем возможность фиксировать различное состояние когнитивного здоровья. Всеми участниками исследования подписано информированное согласие на обработку персональных данных, разрешающее применение полученных результатов в научной работе.

Распределение генотипов гена *APOE* соответствовало равновесию Харди-Вайнберга (таблицы 1 и 2).

Таблица 1

Наблюдаемые и ожидаемые частоты распределения генотипов полиморфизма гена APOE в точке 388T/C (rs429358) по равновесию Харди-Вайнберга в исследуемой выборке

Частоты встречаемости	Носительство генотипов		
	TT	TC	CC
Наблюдаемые	41	17	2
Теоретически ожидаемые	40,84	17,32	1,84
Достоверность χ^2, p		$\chi^2_{[2]} = 0,02; p = 1$	

Таблица 2

Наблюдаемые и ожидаемые частоты распределения генотипов полиморфизма гена APOE в точке 526C/T (rs7412) по равновесию Харди-Вайнберга в исследуемой выборке

Частоты встречаемости	Носительство генотипов		
	TT	TC	CC
Наблюдаемые	0	11	49
Теоретически ожидаемые	0,5	10	49,5
Достоверность χ^2, p		$\chi^2_{[2]} = 0,6; p = 1$	

Результаты корреляционного анализа не выявили значимых корреляций между показателями когнитивных функций и метакогнитивных навыков. Единственном когнитивном процессом, вступающим во взаимосвязи в этом возрасте, является речь (продуктивность и словарный запас). Слабые отрицательные взаимосвязи зафиксированы между показателями развития речи и метакогнитивной включенности в деятельность ($r = -0,314, p = 0,013$), речи и сдержанности ($r = -0,351, p = 0,015$), речи и затруднений функционирования памяти в состоянии тревоги в трудных ситуациях ($r = -0,249, p = 0,087$), речи и планировании действий ($r = -0,323, p = 0,025$). То есть меньшая продуктивность речи связана с более сильной метакогнитивной включенностью в деятельность, более выраженной функцией планирования действий, а также со снижением мнемических функций в состоянии тревоги.

Вместе с тем, обнаружено большое количество сильных прямых корреляций между метакогнитивными навыками и удовлетворенностью жизнью, которая рассматривается как когнитивный компонент субъективного благополучия. Так, повышение благополучия связано с увеличением показателей метакогнитивной включенности в деятельность ($r = 0,560, p < 0,001$), использования ментальных стратегий ($r = 0,547, p < 0,001$), планирования действий ($r = 0,586, p = 0,001$), самопроверки ($r = 0,580, p < 0,001$), актуализации волевых усилий ($r = 0,508, p < 0,001$), концентрации и устойчивости внимания при трудностях ($r = 0,587, p < 0,001$), умения сдерживать активность и эмоциональное возбуждение ($r = 0,526, p < 0,001$), актуализации мыслительных операций ($r = 0,490, p < 0,001$), а также связано с негативными убеждениями о неуправляемости беспокойства ($r = 0,323, p = 0,011$), контролем мыслей ($r = 0,372, p = 0,003$), когнитивной несостоительностью ($r = 0,475, p < 0,001$), позитивными убеждениями о беспокойстве ($r = 0,384, p = 0,002$), внимательностью к собственным мыслям ($r = 0,385, p = 0,002$). В целом можно констатировать, что вторая часть гипотезы получила подтверждение: как и в ряде предыдущих исследований, мы обнаружили, что более развитые метакогнитивные навыки, а также суммарная выраженность метакогнитивных убеждений, связанные с более высокими показателями удовлетворенности жизнью у женщин среднего возраста, что можно рассматривать как маркер их когнитивного здоровья.

Оценка связи между полиморфизмом гена *APOE* и метакогнициями проводилась в два этапа. На первом этапе с помощью анализа главных компонент была определена степень связанных метакогнитивных убеждений, определяемых в тесте MCQ-30. Обнаружено, что все 5 основных убеждений (позитивные убеждения, касающиеся беспокойства; негативные убеждения, связанные с неуправляемостью и опасностью беспокойства; когни-

тивная несостоительность; контроль мыслей; внимательность к собственным мыслительным процессам) имеют сильные положительные корреляции друг с другом, то есть выступают как один фактор. Поэтому на втором этапе с помощью MDR-анализа был проведен поиск ассоциаций между полиморфизмом гена *APOE* и суммарной выраженностью метакогнитивных убеждений, отражающей внимательность и озабоченность состоянием собственных когнитивных процессов. При этом статистически значимой взаимосвязи между показателями не выявлено.

Вместе с тем, полиморфизм гена *APOE* показал значимые ассоциации с когнитивными функциями (прежде всего, процессами кратковременной и долговременной памяти) и на уровне тенденции ($p = 0,065$) связан с показателем когнитивного компонента субъективного благополучия. С повышенным риском развития легких когнитивных нарушений у женщин зрелого возраста были ассоциированы генотипы гена *APOE*: $\varepsilon 2/\varepsilon 3$ (TT/CT), $\varepsilon 4/\varepsilon 4$ (CC/CC) и $\varepsilon 3/\varepsilon 4$ (TC/CC), тогда как с риском снижения уровня когнитивного благополучия (общий балл ниже 14) были связаны генотипы – $\varepsilon 2/\varepsilon 4$ (TC/TC), $\varepsilon 3/\varepsilon 4$ (TC/CC) и $\varepsilon 3/\varepsilon 3$ (TT/CC) (рисунки 1 и 2). Интересно отметить, что в нашем исследовании женщины зрелого возраста с генотипом гена *APOE* $\varepsilon 3/\varepsilon 4$ (TC/CC) вошли в группу риска и по легким когнитивным нарушениям, и по субъективному благополучию.

Рисунок 1

Диаграмма связи комбинации генотипов гена *APOE* с риском развития легких когнитивных нарушений

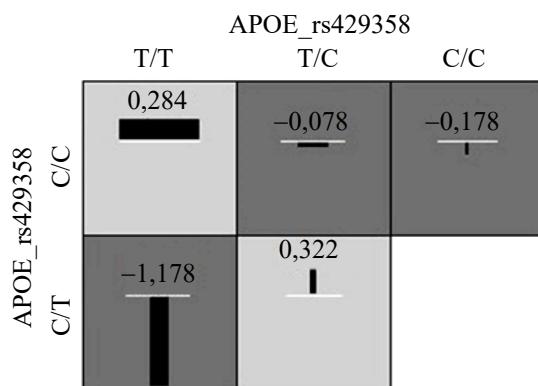
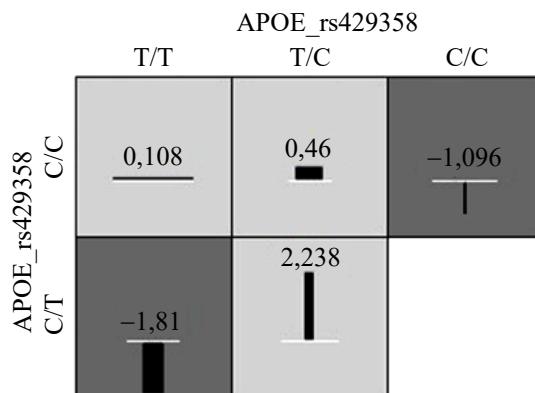

Рисунок 2

Диаграмма связи комбинации генотипов гена *APOE* с риском снижения уровня субъективного благополучия

Прим.: Тёмно-серые ячейки – комбинации повышенного риска, светло-серые – пониженного риска, белые – сочетание комбинаций генотипов отсутствуют.

Обсуждение результатов

Полученные результаты частично подтверждают выдвинутую гипотезу и в целом свидетельствуют о том, что выраженная характеристика метакогниций теснее всего связана с когнитивным компонентом субъективного благополучия, тогда как генетические факторы (полиморфизм гена *APOE*) демонстрируют связь с эффективностью когнитивных процессов (преимущественно памяти) и лишь на уровне тенденции – с субъективным благополучием. Отсутствие значимых связей между большинством когнитивных функций и метакогниций может отражать относительную стабильность когнитивных процессов у женщин среднего возраста в нашей выборке и при этом более выраженную индивидуальную вариативность метакогнитивных показателей. С другой стороны, небольшой объем выборки мог стать ограничением для выявления этой связи, связанным с риском получения ошибки второго рода. Выявленные слабые обратные связи между продуктивностью речи и рядом метакогнитив-

ных компонентов могут указывать на роль внутренней речи в метакогнитивных процессах: у более метакогнитивно вовлечённых участниц выполнение речевых актов может требовать большего времени на обдумывание.

Сильные положительные корреляции между метакогнициями и когнитивным компонентом субъективного благополучия подтверждают вторую часть гипотезы исследования и согласуются с данными предыдущих работ, где отмечалась положительная роль метакогнитивной осознанности для эмоциональной устойчивости и адаптации (Бызова и др., 2018; Kiaei, 2014). Примечательно, что более высокий уровень субъективного благополучия наблюдался и при большей выраженности некоторых дисфункциональных метакогнитивных убеждений. Это может свидетельствовать о том, что суммарная выраженность метакогнитивных убеждений отражает общую внимательность и обращённость к своим когнитивным процессам, которая, в определённых пределах, способствует сохранению чувства контроля и удовлетворённости жизнью. Вероятно, на характер выявленных связей повлияла и специфика выборки, включавшей женщин, занятых интеллектуальным трудом, требующим активного применения метакогнитивных функций.

Обнаруженные ассоциации полиморфизма гена *APOE* с памятью и тенденция связи с субъективным благополучием согласуются с данными литературы о роли данного гена в когнитивном старении (Harris & Deary, 2011; Pires & Rego, 2023) и подтверждают, что генетические различия проявляются у женщин зрелого возраста не только на уровне когнитивного функционирования, но и, пусть слабее, на уровне психологического здоровья. Это согласуется с более ранними данными, что носители аллеля ε4 демонстрируют ускоренное снижение определённых когнитивных функций, но в некоторых случаях сохраняют субъективное благополучие за счёт компенсационных механизмов (Li et al., 2024).

Следует учитывать ряд ограничений исследования. Во-первых, выборка включала женщин зрелого возраста, преимущественно занятых интеллектуальным трудом, что может ограничивать возможность обобщения результатов на более широкую популяцию. Во-вторых, размер выборки может быть недостаточным для выявления тонких эффектов взаимодействия полиморфизма гена *APOE* с психологическими характеристиками, что требует последующего подтверждения на более крупных выборках. В-третьих, использование самоотчетных опросников для оценки метакогниций предполагает влияние субъективных факторов и не исключает необходимости включения поведенческих и нейропсихологических методов в будущие исследования. При этом полученные результаты подтверждают данные предыдущих исследований и конкретизируют их, а также создают основу для рассмотрения различных компонентов метапознания как маркеров благополучия не только в позднем, но и в среднем возрасте. В дальнейших исследованиях нуждается проблема изучения связи полиморфизма гена *APOE* с риском снижения уровня субъективного благополучия у женщин зрелого возраста.

Заключение. Исследование предлагает данные о связи метакогнитивных навыков с развитием когнитивных функций и субъективным благополучием у женщин зрелого возраста, а также их возможной обусловленностью генетическими переменными. Несмотря на слабую связь метакогнитивных и когнитивных навыков, подтверждена сильная связь метакогнитивных навыков и субъективного благополучия в этом возрасте. Кроме того, показано, что полиморфизм гена *APOE* связан с риском снижения когнитивных функций (прежде всего, процессов кратковременной и долговременной памяти) и может влиять на уровень субъективного благополучия у женщин зрелого возраста.

Результаты исследования подчеркивают значимость развития метакогнитивных навыков и работы с метакогнитивными убеждениями в зрелом возрасте. Развитие таких навыков включает формирование разнообразных стратегий планирования, самопроверки и регуляции собственных мыслительных процессов, а также умение гибко применять их в разных жизненных и профессиональных ситуациях. Целенаправленная поддержка и тренинг метакогнитивных навыков могут рассматриваться как один из путей профилактики возрастного когнитивного снижения и поддержания субъективного благополучия.

Список литературы

Бызова, В. М., Перикова, Е. И., и Бледных, И. А. (2018). Метакогнитивные стратегии преодоления субъективного неблагополучия студентов. В *Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество – 2018: материалы Всероссийской научно-практической конференции* (С. 361–364). ИД «Среда». <https://doi.org/10.31483/r-11208>

Денисова, Е. Г., Куприянов, И. В., и Гостева, А. О. (2023). Личностные черты, эмоции и метакогнитивные навыки как предикторы субъективного благополучия субъектов образовательной деятельности в современных условиях. *Российский психологический журнал*, 20(4), 63–83. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.4.4>

Карпов, А. В. (2004). *Метасистемная организация уровневых структур психики*. Институт психологии РАН.

Крайг, Г. (2002). *Психология развития*. Питер.

Манина, В. А., Петракова, А. В., Куликова, А. А., Орел, Е. А., и Канонир, Т. Н. (2023). Копинг-стратегии и удовлетворенность работой у учителей в условиях дистанционного преподавания во время пандемии COVID-19. *Психологическая наука и образование*, 28(1), 52–65. <https://doi.org/10.17759/pse.202300001>

Мелёхин, А. И. (2019). Метакогнитивные способности в пожилом возрасте: специфика и предикторы. *Экспериментальная психология*, 12(3), 47–62. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120304>

Носс, И. Н. (2024). Влияние способа и инструмента измерения интеллекта на оценку динамики когнитивных функций работников. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 1(1), 5–14. <https://doi.org/10.17759/epps.2024010101>

Пономаренко, И. В. (2019). Использование метода multifactor Dimensionality reduction (MDR) и его модификаций для анализа ген-генных и генно-средовых взаимодействий при генетико-эпидемиологических исследованиях (обзор). *Научные результаты биомедицинских исследований*, 5(1). <https://doi.org/10.18413/2313-8955-2019-5-1-0-1>

Alexander, G. E., Furey, M. L., Grady, C. L., Pietrini, P., Brady, D. R., Mentis, M. J., & Schapiro, M. B. (1997). Association of premorbid intellectual function with cerebral metabolism in Alzheimer's disease: implications for the cognitive reserve hypothesis. *American Journal of Psychiatry*, 154(2), 165–172. <https://doi.org/10.1176/ajp.154.2.165>

Delano-Wood, L., Houston, W. S., Emond, J. A., Marchant, N. L., Salmon, D. P., Jeste, D. V., Thal, L. J., & Bondi, M. W. (2008). APOE genotype predicts depression in women with Alzheimer's disease: a retrospective study. *International Journal Of Geriatric Psychiatry*, 23(6), 632–636. <https://doi.org/10.1002/gps.1953>

Flavell, J. H. (1979). Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry. *American Psychologist*, 34(10), 906–911. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0003-066X.34.10.906>

Harris, S. E., & Deary, I. J. (2011). The genetics of cognitive ability and cognitive ageing in healthy older people. *Trends In Cognitive Sciences*, 15(9), 388–394. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2011.07.004>

Jiang, S., Sun, F., Yuan, P., Jiang, Y., & Wan, X. (2024). Distinct genetic and environmental origins of hierarchical cognitive abilities in adult humans. *Cell Reports*, 43(4), 114060. <https://doi.org/10.1016/j.celrep.2024.114060>

Kiaei, A. Y. (2014). The relationship between metacognition, self-actualization and well-being among university students: reviving self-actualization as the purpose of education. *FIU Electronic Theses and Dissertations*, 1367. <https://doi.org/10.25148/etd.FI14040889>

Kropotov, J., Ponomarev, V., Tereshchenko, E. P., Müller, A., & Jäncke, L. (2016). Effect of Aging on ERP Components of Cognitive Control. *Frontiers In Aging Neuroscience*, 8, 69. <https://doi.org/10.3389/fnagi.2016.00069>

Lehmann, M., Plieger, T., Reuter, M., & Ettinger, U. (2023). Insights into the molecular genetic basis of individual differences in metacognition. *Physiology & Behavior*, 264, 114139. <https://doi.org/10.1016/j.physbeh.2023.114139>

Li, W., Wang, X., Sun, L., Yue, L., & Xiao, S. (2024). Correlation between the APOE ε4 genotype, lifestyle habits, and cognitive deficits in Chinese adults over 60: a cross-sectional analysis in China. *Frontiers In Public Health*, 12, 1417499. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2024.1417499>

Martin, P., Jazwinski, S. M., Davey, A., Green, R. C., Macdonald, M., Margrett, J. A., Siegler, I. C., Arnold, J., Woodard, J. L., Johnson, M. A., Kim, S., Dai, J., Li, L., Batzer, M. A., Poon, L. W., & for the Georgia Centenarian Study (2014). APOE ε4, rated life experiences, and affect among centenarians. *Aging & Mental Health*, 18(2), 240–247. <https://doi.org/10.1080/13607863.2013.827624>

Metcalfe, J., & Shimamura, A. P. (1996). *Metacognition: Knowing about Knowing*. The MIT Press.

Munafò, M. R., & Flint, J. (2011). Dissecting the genetic architecture of human personality. *Trends In Cognitive Sciences*, 15(9), 395–400. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2011.07.007>

Nelson, T. O., & Narens, L. (1994). Why investigate metacognition? In J. Metcalfe & A. P. Shimamura (Eds.), *Metacognition: Knowing About Knowing* (pp. 1–25). The MIT Press.

O'Donoghue, M. C., Murphy, S. E., Zamboni, G., Nobre, A. C., & Mackay, C. E. (2018). APOE genotype and cognition in healthy individuals at risk of Alzheimer's disease: A review. *Cortex*, 104, 103–123. <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2018.03.025>

Papaleontiou-Louca, E. (2003). The concept and instruction of metacognition. *Teacher Development*, 7(1), 9–30. <https://doi.org/10.1080/13664530300200184>

Paris, S. G., & Winograd, P. (1990). How metacognition can promote academic learning and instruction. In B. F. Jones & L. Idol (Eds.) *Dimensions of Thinking and Cognitive Instruction* (pp. 15–51). Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

Røysamb, E., & Nes, R. B. (2019). The role of genetics in subjective well-being. *Nature Human Behaviour*, 3(1), 3. <https://doi.org/10.1038/s41562-018-0494-1>

Sun, X., Zhu, C., & So, S. H. W. (2017). Dysfunctional metacognition across psychopathologies: A meta-analytic review. *European Psychiatry*, 45, 139–153. <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2017.05.029>

van de Weijer, M. P., Pelt, D. H. M., de Vries, L. P., Baselmans, B. M. L., & Bartels, M. (2022). A re-evaluation of candidate gene studies for well-being in light of genome-wide evidence. *Journal of Happiness Studies*, 23(6), 3031–3053. <https://doi.org/10.1007/s10902-022-00538-x>

White, B. Y., & Frederiksen, J. R. (1998). Inquiry, modeling, and metacognition: Making science accessible to all students. *Cognition and Instruction*, 16(1), 3–118. https://doi.org/10.1207/s1532690xci1601_2

References

Alexander, G. E., Furey, M. L., Grady, C. L., Pietrini, P., Brady, D. R., Mentis, M. J., & Schapiro, M. B. (1997). Association of premorbid intellectual function with cerebral metabolism in Alzheimer's disease: implications for the cognitive reserve hypothesis. *American Journal of Psychiatry*, 154(2), 165–172. <https://doi.org/10.1176/ajp.154.2.165>

Byzova, V. M., Perikova, E. I., & Blednykh, I. A. (2018). Metakognitivnye strategii preodoleniya subaktivnogo neblagopoluchiiia studentov. All-Russian Scientific and Practical Conference Trends in the education development: teacher, educational organization, society (P. 361–364). ID "Sreda". (In Russ.) <https://doi.org/10.31483/r-11208>

Denisova, E. G., Kupriyanov, I. V., & Gostev, A. O. (2023). Personality traits, emotions and metacognitive skills as predictors of subjective well-being of university students, teachers and staff. *Russian Psychological Journal*, 20(4), 63–83. (In Russ.) <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.4.4>

Delano-Wood, L., Houston, W. S., Emond, J. A., Marchant, N. L., Salmon, D. P., Jeste, D. V., Thal, L. J., & Bondi, M. W. (2008). APOE genotype predicts depression in women with Alzheimer's disease: a retrospective study. *International Journal Of Geriatric Psychiatry*, 23(6), 632–636. <https://doi.org/10.1002/gps.1953>

Flavell, J. H. (1979). Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry. *American Psychologist*, 34(10), 906–911. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0003-066X.34.10.906>

Harris, S. E., & Deary, I. J. (2011). The genetics of cognitive ability and cognitive ageing in healthy older people. *Trends In Cognitive Sciences*, 15(9), 388–394. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2011.07.004>

Jiang, S., Sun, F., Yuan, P., Jiang, Y., & Wan, X. (2024). Distinct genetic and environmental origins of hierarchical cognitive abilities in adult humans. *Cell Reports*, 43(4), 114060. <https://doi.org/10.1016/j.celrep.2024.114060>

Karpov, A. V. (2004). *Metasystemic organization of level structures of the psyche*. Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Craig, G. (2002). *Developmental psychology*. Piter. (In Russ.)

Kiaei, A. Y. (2014). The relationship between metacognition, self-actualization and well-being among university students: reviving self-actualization as the purpose of education. *FIU Electronic Theses and Dissertations*, 1367. <https://doi.org/10.25148/etd.FI14040889>

Kropotov, J., Ponomarev, V., Tereshchenko, E. P., Müller, A., & Jäncke, L. (2016). Effect of Aging on ERP Components of Cognitive Control. *Frontiers In Aging Neuroscience*, 8, 69. <https://doi.org/10.3389/fnagi.2016.00069>

Lehmann, M., Plieger, T., Reuter, M., & Ettinger, U. (2023). Insights into the molecular genetic basis of individual differences in metacognition. *Physiology & Behavior*, 264, 114139. <https://doi.org/10.1016/j.physbeh.2023.114139>

Li, W., Wang, X., Sun, L., Yue, L., & Xiao, S. (2024). Correlation between the APOE ε4 genotype, lifestyle habits, and cognitive deficits in Chinese adults over 60: a cross-sectional analysis in China. *Frontiers In Public Health*, 12, 1417499. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2024.1417499>

Manina, V. A., Petrakova, A. V., Kulikova, A. A., Orel, E. A., & Kanonir, T. N. (2023). Teachers' Coping Strategies and Job Satisfaction in Distance Teaching During the COVID-19 Pandemic. *Psychological Science and Education*, 28(1), 52–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2023000001>

Martin, P., Jazwinski, S. M., Davey, A., Green, R. C., Macdonald, M., Margrett, J. A., Siegler, I. C., Arnold, J., Woodard, J. L., Johnson, M. A., Kim, S., Dai, J., Li, L., Batzer, M. A., Poon, L. W., & for the Georgia Centenarian Study (2014). APOE ε4, rated life experiences, and affect among centenarians. *Aging & Mental Health*, 18(2), 240–247. <https://doi.org/10.1080/13607863.2013.827624>

Metcalfe, J., & Shimamura, A. P. (1996). *Metacognition: Knowing about Knowing*. The MIT Press.

Munafò, M. R., & Flint, J. (2011). Dissecting the genetic architecture of human personality. *Trends in Cognitive Sciences*, 15(9), 395–400. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2011.07.007>

Melyokhin, A. I. (2019). Metacognitive abilities in the elderly: specificity and predictors. *Experimental Psychology*, 12(3), 47–62. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120304>

Noss, I. N. (2024). The influence of the method and instrument of measuring intelligence on the assessment of the dynamics of cognitive functions of employees. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 1(1), 5–14. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/epps.2024010101>

Nelson, T. O., & Narens, L. (1994). Why investigate metacognition? In J. Metcalfe & A. P. Shimamura (Eds.), *Metacognition: Knowing About Knowing* (P. 1–25). The MIT Press.

O'Donoghue, M. C., Murphy, S. E., Zamboni, G., Nobre, A. C., & Mackay, C. E. (2018). APOE genotype and cognition in healthy individuals at risk of Alzheimer's disease: A review. *Cortex*, 104, 103–123. <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2018.03.025>

Ponomarenko, I. V. (2019). Using the method of Multifactor Dimensionality Reduction (MDR) and its modifications for analysis of gene-gene and gene-environment interactions in genetic-epidemiological studies (review). *Research Results in Biomedicine*, 5(1). (In Russ.) <https://doi.org/10.18413/2313-8955-2019-5-1-0-1>

Papaleontiou-Louca, E. (2003). The concept and instruction of metacognition. *Teacher Development*, 7(1), 9–30. <https://doi.org/10.1080/13664530300200184>

Paris, S. G., & Winograd, P. (1990). How metacognition can promote academic learning and instruction. In B. F. Jones & L. Idol (Eds.) *Dimensions of Thinking and Cognitive Instruction* (P. 15–51). Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

Røysamb, E., & Nes, R. B. (2019). The role of genetics in subjective well-being. *Nature Human Behaviour*, 3(1), 3. <https://doi.org/10.1038/s41562-018-0494-1>

Sun, X., Zhu, C., & So, S. H. W. (2017). Dysfunctional metacognition across psychopathologies: A meta-analytic review. *European Psychiatry*, 45, 139–153. <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2017.05.029>

van de Weijer, M. P., Pelt, D. H. M., de Vries, L. P., Baselmans, B. M. L., & Bartels, M. (2022). A re-evaluation of candidate gene studies for well-being in light of genome-wide evidence. *Journal of Happiness Studies*, 23(6), 3031–3053. <https://doi.org/10.1007/s10902-022-00538-x>

White, B. Y., & Frederiksen, J. R. (1998). Inquiry, modeling, and metacognition: Making science accessible to all students. *Cognition and Instruction*, 16(1), 3–118. https://doi.org/10.1207/s1532690xci1601_2

Об авторах:

Екатерина Вячеславовна Забелина, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, Институт образования и практической психологии, Челябинский государственный университет (Российская Федерация, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129), [ORCID](#), [SPIN-код](#), katya_k@mail.ru

Елена Андреевна Куба, старший преподаватель кафедры специальной и клинической психологии, Институт образования и практической психологии, Челябинский государственный университет (Российская Федерация, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129), [ORCID](#), [SPIN-код](#), ipipelena@mail.ru

Юлия Юрьевна Филиппова, доктор биологических наук, доцент, профессор кафедры микробиологии, иммунологии и общей биологии, биологический факультет, Челябинский государственный университет (Российская Федерация, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129), [ORCID](#), [SPIN-код](#), julse@rambler.ru

Екатерина Геннадьевна Денисова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии, Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), keithdenisova@gmail.com

Ирина Александровна Трушина, кандидат педагогических наук, доцент, директор Института образования и практической психологии, Челябинский государственный университет (Российская Федерация, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129), [ORCID](#), [SPIN-код](#), trushina_ia@mail.ru

Дарья Сергеевна Сташкевич, кандидат биологических наук, доцент, декан биологического факультета, Челябинский государственный университет (Российская Федерация, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129), [ORCID](#), [SPIN-код](#), stashkevich_dary@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Ekaterina Vyacheslavovna Zabelina, Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Institute of Education and Practical Psychology, Chelyabinsk State University (129, Bratyev Kashirinykh Str., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), katya_k@mail.ru

Elena Andreevna Kuba, Senior Lecturer, Special and Clinical Psychology Department, Institute of Education and Practical Psychology, Chelyabinsk State University (129, Bratyev Kashirinykh Str., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), ipipelena@mail.ru

Yulia Yurievna Filippova, Dr. Sci. (Biology), Associate Professor, Professor of the Department of Microbiology, Immunology, and General Biology, Biological Faculty, Chelyabinsk State University (129, Bratyev Kashirinykh Str., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), julse@rambler.ru

Ekaterina Gennadievna Denisova, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor of the Psychophysiology and Clinical Psychology Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), keithdenisova@gmail.com

Irina Aleksandrovna Trushina, Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Director of the Institute of Education and Practical Psychology, Chelyabinsk State University (129, Bratyev Kashirinykh Str., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), trushina_ia@mail.ru

Daria Sergeevna Stashkevich, Cand. Sci. (Biology), Associate Professor, Dean of the Faculty of Biology, Chelyabinsk State University (129, Bratyev Kashirinykh Str., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), stashkevich_dary@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 10.08.2025

Поступила после рецензирования / Revised 14.10.2025

Принята к публикации / Accepted 19.10.2025

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

PSYCHOLINGUISTICS

УДК 81'246.2

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-63-70>

TLEYAJ

Билингвальная картина мира в становлении языковой идентичности личности обучающегося

Марина Ю. Семенова ID, Янина С. Морозова ID ,
Елена С. Руденко ID

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
 yanina.frost@mail.ru

Аннотация

Введение. Устойчивое развитие образовательного пространства университета связано с вопросами сохранения и преумножения языкового и культурного разнообразия. Программы сетевого взаимодействия и академической мобильности обогащают среду вуза. Билингвизм становится все более распространенным явлением, актуализируя вопрос о самоидентификации автора билингвального текста.

Цель. Изучение билингвальных текстов в контексте роли, которую они играют при формировании картины мира обучающегося и его представления о языковом и культурном разнообразии.

Материалы и методы. На первом этапе исследования использовались тексты романа Д. Брасски «Yo-yo boing!» (1998) и научно-популярный труд М. Копаца «Schluss mit der Ökomoral! Wie wir die Welt retten, ohne ständig daran zu denken» (2019). На этом этапе был применен лингвистический, компонентный, дистрибутивный и лингводидактический анализ. Далее была проведена оценка отношения группы студентов к билингвальным текстам с применением метода рефлексии.

Результаты исследования. Показаны специфические типы смешения языкового кода для текстов на испанглийском и денглийском транслингвальном языке. Выявлено, что наиболее часто встречающимся типом смешения кода является смешение кода между словами и словосочетаниями. Вторым по значимости идет внутрисентенциальное смешение языкового кода. Наконец, существует также интерсенциальное смешение кода. В контексте анализа лингводидактического потенциала билингвальных текстов на занятиях по переводу и межкультурной коммуникации определено, что подавляющее большинство обучающихся из числа респондентов изменили свое представление и отношение к билингвизму и языковому разнообразию.

Обсуждение результатов. Билингвальные тексты являются важным источником информации для формирования языковой картины мира и культурной идентификации современного студента, а также интересным и нестандартным лингводидактическим ресурсом. Применение подобных текстов на занятиях по переводу и межкультурной коммуникации формирует инклюзивную среду, развивает академическую мобильность и расширяет представление студентов о богатстве языков и культур.

Ключевые слова: билингвизм, языковая картина мира, идентичность личности обучающегося, переключение языкового кода, смешение языкового кода, испанглийский, денглийский

Для цитирования: Семенова, М. Ю., Морозова, Я. С., и Руденко, Е. С. (2025). Билингвальная картина мира в становлении языковой идентичности личности обучающегося. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 8(5), 63–70. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-63-70>

Bilingual Picture of the World in the Formation of Linguistic Identity of the Learner's Personality

Marina Y. Semenova , Yanina S. Morozova , Elena S. Rudenko

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 yanina.frost@mail.ru

Abstract

Introduction. The sustainable development of the university educational environment is connected with the issues of preservation and multiplication of linguistic and cultural diversity. Networking and academic mobility enrich the university setting. Bilingualism becomes an increasingly widespread phenomenon, articulating the question of self-identification of the author of a bilingual text.

Objective. The study analyses bilingual texts in the context of the role they play in the formation of the learner's worldview and their perception of linguistic and cultural diversity.

Materials and Methods. In the first stage of the study, the texts of the novel by G. Braschi "Yo-yo boing!" (1998) and the popular science work by M. Kopatz "Schluss mit der Ökomoral! Wie wir die Welt retten, ohne ständig daran zu denken" (2019) were analyzed. At this stage, linguistic, component, distributional and linguodidactic analysis was applied. The attitude of a group of students towards bilingual texts was then evaluated using the reflective method.

Results. Specific types of code-switching in Spanglish and Denglish translingual idioms are shown. It was revealed that the most frequent type of code-switching occurs between words and phrases. The second most significant is intra-sentential code-switching. Finally, there is intersentential code-switching. In the context of analyzing the linguodidactic potential of bilingual texts in translation and intercultural communication classes, it is determined that the vast majority of the respondent learners have changed their perceptions and attitudes towards bilingualism and linguistic diversity.

Discussion. Bilingual texts are an important source of information for the development of the linguistic picture of the world and cultural identification of a modern student, as well as an interesting and non-standard linguodidactic resource. The use of such texts in translation and intercultural communication classes fosters an inclusive environment, embraces academic mobility, and expands students' understanding of the richness of languages and cultures.

Keywords: bilingualism, linguistic picture of the world, learner's identity, code-switching, code-mixing, Spanglish, Denglish

For Citation. Semenova, M. Y., Morozova, Y. S., & Rudenko, E. S. (2025). Bilingual picture of the world in the formation of linguistic identity of the learner's personality. *Innovative science: psychology, pedagogy, defecology*, 8(5), 63–70. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-63-70>

Введение

Соотношение языка и идентичности как культурно обусловленных явлений всегда было предметом пристального внимания лингвистической мысли. Анализ ситуаций применений языка в образовательном пространстве через призму конкретной культуры и этноса все чаще становится объектом исследований ученых в области педагогики, психологии, социологии и лингвистики в контексте нарастающей глобализации и стремительного развития медиапространства (Oh & Jang, 2020; Trivinho, 2021). Одним из доминирующих академических нарративов современности становится конструкт механизма резистентности социокультурной эксклюзии, который создает теоретический фрейм того, каким образом иноязычные студенты транслируют свою языковую картину мира и создают вокруг себя новое культурное пространство в вузе (Gradilla & Bustamante, 2020).

Трансформация глобальных миграционных процессов, развитие программ академической мобильности, а также сетевого партнерства между университетами в различных странах мира меняет социальную среду и создает новые контексты для коммуникации, способствуя формированию новой культурной идентичности (Russell & Boromisza-Habashi, 2020). В таких условиях устойчивое развитие образовательного пространства зависит от разнообразия и богатства культур, представляющих его, что значительно расширяет границы этого пространства и способствует инклузии (Mühlhäuser, 2019). Именно поэтому важно проявлять резистентность по отношению к фактам языковой или, в более широком понимании, культурной агрессии, внедряя в вузе резильентные компоненты, которые будут нейтрализовать маргинализацию студентов вуза, основанную на принадлежности к той или иной языковой культуре (Redbird & Escamilla-García, 2019). В этой связи необходимо отметить, что формирование личности современного обучающегося происходит под влиянием родной и иноязычной культур, которые, пре-ломляясь в сознании обучающегося, создают уникальную картину мира. Как отмечает Е. С. Никитина, ведущий научный сотрудник Института языкоznания РАН, «психологи выделяют три ступени в становлении личности: индивид, субъект, личность. Индивидами мы рождаемся, большинство становятся субъектами, и только некоторым суждено стать личностями, включиться в текстовую жизнедеятельность сознания. Первую стадию можно обозначить как стадию человека понимающего (*Homo sapiens*). <...> Вторая стадия – человек говорящий (*Homo eloquence*). <...> Третья стадия – это человек творящий (*Homo creatus*). Такого человека можно рассматривать как текстовую личность, способную порождать разнообразные по форме и содержанию тексты» (Никитина, 2006, с. 63).

С позиций семиотики о сознании можно говорить как о способе существования человека внутри порождаемого им текста: «по тексту мы узнаём человека, предсказываем его поступки, угадываем мотивы, по тексту определяем Автора» (Никитина, 2006, с. 63). Похожее мнение высказывается рядом других отечественных ученых (Уфимцева, 2006).

В настоящей работе мы рассматриваем авторов текстов, в которых наблюдается переключение и смешение языковых кодов, как билингвальную текстовую личность. Правильно интерпретированные тексты билингвальных авторов позволяют увидеть константные глубинные структуры культуры, совершенствуют ценностные ориентации языковой личности обучающихся, расширяют границы их мировосприятия и мироощущения. Внимание в учебном процессе к явлениям переключения и смешения кодов в тексте способствует переходу от житейско-бытового представления о тексте к культурно, социально и коммуникативно обусловленному. Автор-билингв, инкорпорируя материал из одного языка в ткань другого языка, создает единое коммуникационное поле, которое создает условия для преодоления языкового и культурного барьера (Тер-Минасова, 2008; Wolf, 2021).

Особого внимания требует вопрос ограничения явлений заимствования от случаев переключения смешения языкового кода. В научной литературе заимствования интерпретируются как процесс адаптации иноязычных единиц и языковые единицы, полученные в результате этой адаптации (Jaafar et al., 2019). Тем не менее, признавая отличия переключения кода от заимствований, ученые постулируют отсутствие надежного критерия для того, чтобы отличить одно явление от другого в конкретных билингвальных текстах (Okoh, 2019; Kachru, 2020).

Английский на протяжении десятилетий удерживает позиции *lingua franca*, повсеместно обеспечивающим потребности международной коммуникации. В пространстве билингвального текста английские элементы приобретают аксиологический статус: они маркируют ориентацию на ценности и установки, разделяемые всем обществом, ведут нас в другие тексты, перекличка с которыми открывает дополнительные смысловые измерения (Murugova et al., 2022). Билингвальный текст может быть не только источником информации о личности обучающегося, но и важным дидактическим ресурсом. Так, в ходе работы с билингвальными текстами на занятиях по иностранному языку и переводу происходит формирование целостной личности обучающегося, его включение в ценностно-смысловое поликультурное пространство, что, в свою очередь, положительно сказывается на повышении адаптивности и толерантности обучающегося в условиях стремительно меняющегося мира. Целью данного исследования является рассмотрение испанглийских и денглийских транслингвальных текстов как инструмента формирования билингвальной картины мира в процессе становления языковой идентичности личности обучающегося.

Материалы и методы

Материалом для данного исследования послужили роман Д. Брасси «Yo-yo boing!» (1998), являющий собой пример современного языкового номадизма, и научно-популярный труд М. Копаца «Schluss mit der Ökomoral! Wie wir die Welt retten, ohne ständig daran zu denken» (2019), импортирующий концепты постиндустриальной культуры устойчивого развития. Для выявления особенностей испанглийских и денглийских элементов в исследуемых билингвальных текстах и оценки их дидактических возможностей в учебном процессе использовались следующие методы:

- 1) лингвистический анализ текста на лексическом и синтаксическом уровнях для выявления испанглийских и денглийских транслингвальных элементов в тексте и их ограничения от случаев, не обнаруживающих транслингвальной контаминации;
- 2) компонентный анализ для выделения верифицируемых типов переключения кода;
- 3) дистрибутивный анализ для определения позиции испанглийских и денглийских элементов относительно других элементов в тексте;
- 4) лингводидактический анализ билингвального текста с точки зрения его применения в качестве дидактического материала на занятиях по иностранному языку.

На заключительном этапе исследования для проведения лингводидактического эксперимента была задействована группа студентов факультета «Прикладная лингвистика» Донского государственного технического человека (16 человек). Для получения их оценки восприятия билингвального текста на испанглийском и денглийском языке был применен метод рефлексии.

Результаты исследования

В ходе исследования было выделено три типа смешения кодов в билингвальных текстах, в частности:

- 1) смешение кодов между словами или словосочетаниями;
- 2) интерсентенциальное смешение кодов;
- 3) внутрисентенциальное смешение кодов.

В таблице 1 представлено процентное соотношение, отражающее распределение выявленных примеров смешения языкового кода в разных позициях.

Таблица 1

Распределение типов смешения языкового кода

Тип смешения языкового кода	Испанглийский	Денглийский
Смешение кодов между словами или словосочетаниями	52 %	69 %
Интерсентенциальное смешение кодов	26 %	0 %
Внутрисентенциальное смешение кодов	22 %	31 %

Рассмотрим структурные особенности каждого из выделенных типов.

1. Смешение кодов между словами или словосочетаниями. Данный тип смешения кодов является доказательством того, что носители испанглийского уверенно владеют литературным английским и испанским языками, что позволяет им произвольно смешивать элементы этих языков в зависимости от условий социального взаимодействия.

В испанглийском языке данный тип подразделяется на два подтипа:

Подтип 1: смешение кодов между отдельными словами или словосочетаниями как маркер антидискриминационного языкового поведения, реализуемого при использовании антропонимов и сопутствующих им характеристик, например:

- 1) «**Faith DeRoos**»
- 2) «**Un especialista <...> is not un sabio**».

Подтип 2: переключение кодов между отдельными словами или словосочетаниями с целью выравнивания асимметрии грамматических структур. Значительное преобладание этого структурного типа смешения кодов объясняется необходимостью конкретизации значения и функции испанглийских элементов, не обладающих некоторыми грамматическими показателями в английском или испанском языке. Во многих случаях это связано с использованием artikelей для обозначения рода и числа существительного, например:

- 3) «**Si el killer had killed himself as well, it wouldn't be so bad**».
- 4) «**Y entonces un camino redondo, una escalera de caracol, encaracoló todo el cubículo del World-Wide Tower**».

В примере (3) определенный artikel «el» используется для обозначения мужского рода существительного «**killer**», что соответствует его грамматическому роду в испанском, а также выполняет номинативную функцию (киллер был мужчиной: он «сам себя убил»). В примере (4) наблюдается не только смешение кодов, но и появление нового рода для существительного «**tower**» в испанглийском (ср. с женским родом соответствующего испанского существительного «**la torre**»).

В денглийском языке смешение кодов наблюдается между словами и словосочетаниями, номинирующими ключевые концепты экологической культуры и маркирующими пространство новых смыслов, которое уже освоено или которое только предстоит освоить немецкому лингвокультурному сообществу. Новые, еще недостаточно освоенные концепты, кодируются дважды: на английском и на немецком языке (примеры 5–14):

- 5) «**Das nennt man Nudging, zu Deutsch: schubsen ... Querverweis**».
- 6) «**Ursächlich dafür ist das, was Ökonomen als "Nudge" bezeichnen. Durch einen "Schubser" oder Anstoß soll das Verhalten von Menschen so beeinflusst werden, dass kluge oder wünschenswerte Entscheidungen entstehen**».

7) «**Seine Routinen ändern kann auch Spaß machen. Diese Stufen in Stockholm imitieren ein Klavier. Beim Treppensteigen erzeugen die Fahrgäste der U-Bahn Musik. Die Rolltreppe findet kaum noch Beachtung. Vorher war es umgekehrt, Diese Treppe steht beispielhaft für einen Motivationsansatz namens "Nudging" – zu Deutsch "anstoßen" ».**

8) «**"Critical Mass", zu Deutsch "kritische Masse" ist eine weltweite Bewegung, bei der sich Radfahrer scheinbar zufällig und unorganisiert treffen, um mit gemeinsamen Fahrten durch Innenstädte <...> auf den Radverkehr aufmerksam zu machen**».

9) «**"Nosing Around", nannte das der Stadtsoziologe Robert Park. Stadtplaner sollten nicht vom Stadttisch aus planen, sondern in ihrer Stadt "herumschnüffeln" und ihre Planung nach den jeweils ortsspezifischen Bedürfnissen ausrichten**».

10) «**"Geisterräder" als Mahnung: Täglich stirbt mindestens eine Radfahrerin oder ein Radfahrer im Straßenverkehr. Neben der Funktion als Gedenkstätte sollen die "Ghostbikes" auch auf mögliche Gefahrenpunkte hinweisen. Die Idee kommt aus den USA, seit 2009 mahnen sie auch in deutschen Städten zu mehr Vorsicht**».

11) «**Was könnte man politisch dafür tun, dass Fahrräder als Transportmittel populärer werden? Nun, man könnte die Radwege breiter machen. Bei Radschnellwegen oder "Protected Bike Lanes" ist das der Fall**».

12) «**Höhere Standards und Limits sind für alle fairer. Deswegen plädiere ich mit meinem Konzept der Ökoroutine für höhere Standards und Limits**».

13) «**Trends wie der "Coffee to go" im Einwegbecher und der boomende Versandhandel lassen den Berg an Verpackungsmüll weiter anwachsen**».

- 14) «**Motto: "Name and Shame"**».

2. Интерсентенциальное смешение кодов. Данный тип смешения кодов в испанглийском языке характеризуется более низкой частотой употребления, тем не менее, он органично вплетается в ткань повествования, не создавая помех для читательского восприятия, например:

- 15) «**Me encanta cuando se va en un trance. I long for those stretches of glazed silence**».

Данный тип смешения кодов в более крупных отрывках ритмизирует текст и придает ему поэтическое звучание. Этот эффект усиливается тематической рамкой, которая проблематизирует поэзию и искусство Испании. Данный отрывок отражает высокое мастерство писателя, владеющего богатым арсеналом испанглийских стилистических средств, используемых для воплощения художественного замысла. Динамика развертывания идеи в анализируемом отрывке коррелирует с длиной предложений, которые постепенно становятся короче к концу отрывка, например:

16) «**Alexandre puede ser mejor poeta que Lorca, pero no más grande. Lorca es común, pero no es un creador. Many masters are better poets than the creators, but they are not greater. La grandeza no es mejor. A veces es peor. There**

are many singers with a better voice than María Callos. **But she sang great.** Y la grandeza no se puede definir».

Интерсентенциальное смешение кодов в английском языке не зафиксировано в научно-популярном труде доктора М. Копача, что объясняется жанровой спецификой текста, выполняющего преимущественно денотативную функцию. Повышенная эмоциональность, свойственная интерсентенциальному смешению кодов, мешала бы восприятию научно ориентированного содержания текста, который в таком случае оценивался бы реципиентом как недостоверный.

3. Внутрисентенциальное смешение кодов. Данный тип смешения кодов в испанском языке является доказательством того, что испанский – явление многомерное, требующее более глубокого понимания его структур и углубленного знания английского и испанского. Другим важным наблюдением является обратная пропорциональность между знанием языковых норм английского и уровнем сложности грамматических структур, на котором происходит переключение кодов: чем ниже уровень, на котором происходит переключение кодов, тем больший уровень лингвистической компетенции необходим для успешной реализации переключения кода. Этот тип переключения кода характеризуется несколькими подтипами, которые демонстрируют широкий спектр грамматических структур, участвующих в переключении кодов внутри простого или сложного предложения.

Подтип 1: переключение кода в предложении с косвенной речью:

17) «– Nunca me dijiste – **Faith said** – que en una loca».

Подтип 2: переключение кода в предложении с междометиями:

18) «Metí una manguera en mi boca – **and gulp, gulp, splloosh** – ahogado en mi garganta – **gulp** – came a glob, a frog – **a tender tadpole which I swallowed whole**».

Подтип 3: переключение кода в предложении с уточняющими обособленными членами:

19) «Yo pensé, **so what?**»

Подтип 4: переключение кода в предложении с вводными словами:

20) «**Well, as Goya said**, el sueño de la razón produce monstruos».

Подтип 5: переключение кода в предложении с прямым обращением:

21) «No engañan, **my darling**, confunden».

Внутрисентенциальное смешение кодов в английском языке характеризуется меньшей частотой употребления и подразделяется на два подтипа:

Подтип 1: переключение кода на границе с другими членами предложения, которые носят характер приложения или уточнения:

22) «Haben sich dort schlichtweg Egoisten versammelt, die nach dem Prinzip demonstrieren: “**Not in my backyard**”?»

23) «“Nimby” nennen Politikwissenschaftler dieses Phänomen: “**Not in my backyard**” – nicht in meinem Hinterhof».

24) «Zugleich hat der Straßengüterverkehr dramatisch zugenommen, weil Unternehmer ihre Lager auf die Straße verlegt haben – “**Just in Time**”, auf Kosten von Steuerzahlern und Umwelt».

25) «Den Hinweis unter Mails “Save Paper – Think Before You Print” ändern wir in: “**USE PAPER AND PRINT – DON’T LET THE ECONOMY SCHRINK**”».

Подтип 2: переключения кода на границе с другими членами предложения, между которыми существует грамматическая зависимость:

26) «Wollte ich alles richtig machen, müsste ich wohl in die Tonne ziehen wie Diogenes. Der griechische Philosoph soll zeitweise, so überliefern es Anekdoten, in einem Fass übernachtet haben, bekleidet nur mit einem Wollmantel. Bei sich trug er nur das Nötigste und etwas Proviant. **Simplify your life** in Reinform».

27) «Den Hinweis unter Mails “Save Paper – Think Before You Print” ändern wir in: “**USE PAPER AND PRINT – DON’T LET THE ECONOMY SCHRINK**”».

Данные примеры транслируют идею приверженности принципам глобальной экологической культуры посредством обращения к устойчивым фразам-клише, обладающим статусом самостоятельного высказывания в пространстве английского языка. Будучи инкорпорированными в немецкий текст, они способствуют обострению внимания реципиента, но не в развлекательном смысле, а поскольку доносят до него множественность смыслов и ценностей на перекрестке культур.

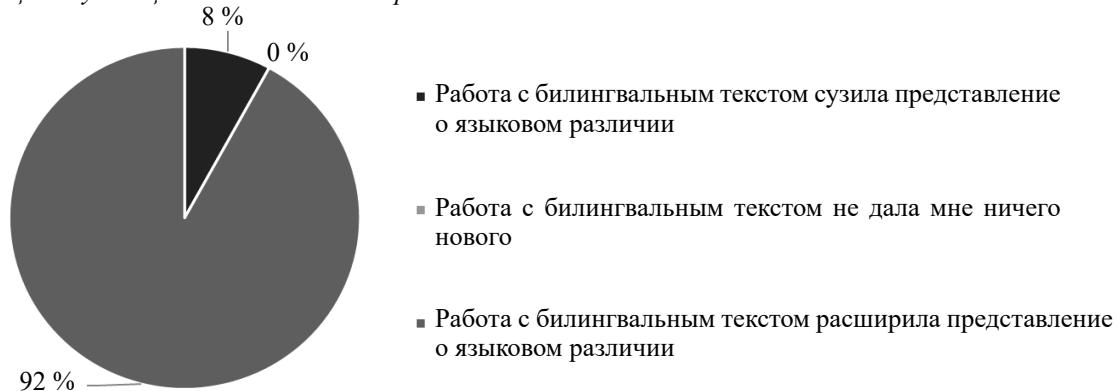
На заключительном этапе исследования группе студентов Донского государственного технического университета (3 курс, факультет «Прикладная лингвистика») было предложено выполнить переводческий проект на основе испанских и английских транслингвальных текстов объемом 10 тысяч знаков с пробелами. Предварительно был организован круглый стол в рамках факультетского мероприятия «Среда ученых» для обсуждения вопросов билингвальной картины мира, выявления общей реакции студентов ДГТУ на возможность коммуникации с билингвальными обучающимися. Дискуссия показала абсолютную психологическую неготовность студентов к подобного рода общению, их непонимание того, каким образом можно осуществлять коммуникацию в билингвальной среде с использованием механизмов переключения и смешения языкового кода.

Помимо непосредственно перевода текста с применением инструментов САТ, проект предполагал выполнение предпереводческого, лингвостилистического, лингвокультурологического и лингвопереводческого анализа. На заключительном этапе обучающимся было предложено написать эссе-саморефлексию о том, насколько работа с предложенными текстами обогатила их, повлияла на их картину мира, отразилась на их представлении о языко-

вом разнообразии. Полученные результаты отображены на рисунке 1.

Рисунок 1

Реакция обучающихся на контакт с транслингвальным текстом

Обсуждение результатов

В условиях нарастающей сложности и непредсказуемости социокультурных взаимодействий необходимо обращаться к таким иноязычным текстам на занятиях по иностранному языку, которые способствуют формированию целостной поликультурной личности XXI века. Тексты при этом понимаются как совокупность лингвистической и культурной информации, способствующей формированию билингвальной картины мира.

В свете этих проблем важной дидактической задачей представляется подготовка обучающихся, способных к пониманию иноязычных культур на когнитивном, нравственно-эмоциональном и поведенческом уровнях, что вызывает необходимость разработки в иноязычном образовании методологической основы, определяющей модификацию содержания стандартов и программ обучения на всех образовательных ступенях в соответствии с происходящими в обществе процессами смешения и переплетения элементов различных культур.

Именно так развивается поликультурный менталитет, который позволяет обучающемуся овладеть устойчивыми паттернами мировосприятия и поведения, что делает его уникальной личностью, обладающей чувствительностью к другим культурам, открытостью миру, гибкостью мышления, т. е. межкультурными компетенциями. Это, в свою очередь, позволяет обучающемуся обогащать свой лингвокультурный опыт, становиться лучшей версией себя, структурировать и реструктурировать окружающую действительность, борясь с языковой сегрегацией и дискриминацией (Newbold, 2020).

Результаты настоящего исследования показывают, что билингвальные тексты обладают значительным потенциалом в отношении формирования многомерной картины мира в процессе становления языковой личности обучающегося. Обращение к таким текстам на занятиях по иностранному языку способствует более глубокому структурированию образа культурно-языковой картины мира, выработке стратегий экстраполяции культурно значимых смыслов текста в сферу ценностной самоидентификации студента. Это полностью согласуется с центральным тезисом Тер-Минасовой (2008) о неразрывной связи языка и культуры. Если Тер-Минасова (2008) рассматривает такую связь на концептуальном уровне, то наше исследование предлагает конкретный методический инструмент – билингвальный текст – для ее практической реализации в аудитории. Данный процесс можно рассматривать как своего рода «лингвистическую и социокультурную адаптацию», но направленную не на среду, а на смыслы, что соотносится с концепцией Е. В. Муруговой и др. (Murguova et al., 2022).

Работа с билингвальными текстами способствует взаимосвязанному формированию лингвистической и межкультурной компетенций, поскольку в «языковой оболочке» одного языка могут быть закодированы ценности и смыслы другой культуры. Вывод о том, что в «языковой оболочке» одного языка могут кодироваться ценности и смыслы другой культуры, непосредственно перекликается с семиотическими аспектами сознания, рассмотренными Никитиной (2006), и углубляет понимание знаковой природы межкультурного взаимодействия. Система знаков испанского/немецкого языка способна кодировать и трансформировать инокультурную информацию в испаноязычном/немецкоязычном тексте, что создает предпосылки не только для исследования национально-культурной специфики речевого поведения автора текстов, но и для формирования билингвальной картины мира через системное изучение двудоминантных текстов. Исследования гибридных языковых явлений Wolf (2021) и Okoh (2019) показывают, что слияние двух языковых систем представляют собой ресурс для создания новой, синкетической картины мира и выражения уникальной идентичности. Таким образом, наше исследование вносит вклад в более широкое поле изучения глобализации, демонстрируя, как глобальные культурные потоки локализуются в конкретном учебном материале – билингвальном тексте. Текст билингва способен передать все значения, присущие инокультурным реалиям, которые без особых помех считаются обучающимися. Следовательно, системная работа с двудоминантными текстами, предлагаемая в исследовании, выступает эффективным педагогическим ответом на вызовы, описанные в теориях глобализации и кросс-культурного взаимодействия Newbold (2020), Redbird и

Escamilla-García (2019), позволяя целенаправленно формировать билингвальную картину мира у обучающегося.

Подводя итог, можно констатировать, что предложенная в исследовании методическая система работы с билингвальными текстами представляет собой целостный подход к формированию многомерной картины мира. Этот подход успешно интегрирует теоретические положения лингвокультурологии, семиотики и этнопсихолингвистики в практику преподавания иностранных языков. Перспективы данного направления видятся не только в дальнейшей адаптации метода для разных языковых пар и учебных контекстов, но и в изучении его потенциала для развития критического мышления и эмоционального интеллекта студентов, вынужденных постоянно находиться в пространстве «культурного перевода» и смыслового диалога.

Список литературы

Никитина, Е. С. (2006). О семиотической природе сознания. *Вопросы языкоznания*, 4, 54–64.

Тер-Минасова, С. Г. (2008). *Язык и межкультурная коммуникация*. Слово.

Уфимцева, Н. Б. (2006). Этнопсихолингвистика: вчера и сегодня. *Вопросы психолингвистики*, 4, 92–100.

Gradilla, A., & Bustamante, J. J. (2020). Rethinking lowrider artistic representations: an aesthetic response to social exclusion. *Humanity & Society*, 44(4), 403–421. <https://doi.org/10.1177/0160597620932884>

Jaafar, S. T., Buragohain, D., & Haroon, H. A. (2019). Differences and classifications of borrowed and loan words in linguistics context: a critical review. In I. Suryani & D. Buragohian (Eds.) *International Languages and Knowledge-Learning in a Changing World* (pp. 95–112). UniMAP Press.

Kachru, B. (2020). Linguistics and world englishes. In D. Schreier, M. Hundt & E. W. Schneider (Eds.) *The Cambridge Handbook of World Englishes* (pp. 309–584). Cambridge University Press.

Murugova, E., Semenova, M., Shirina, E., & Gaybarian, O. (2022). Linguistic and socio-cultural adaptation of foreign students at university. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 363, 04031. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202236304031>

Mühlhäusler, P. (2019). *Revisiting greenspeak. The second cognitive revolution: A tribute to Rom Harré*. Springer Nature.

Newbold, B. K. (2020). The economic geography of cross-border migration. In K. Kourtit, B. Newbold, P. Nijkamp & M. Partridge (Eds.) *The Urban Geography of Segregation* (pp. 293–306). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-48291-6_13

Oh, I., & Jang, W. (2020). From globalization to glocalization: configuring Korean pop culture to meet glocal demands. Culture and Empathy. *International Journal of Sociology, Psychology, and Cultural Studies*, 3(12), 23–42. <http://doi.org/10.32860/26356619/2020/3.12.0003>

Okoh, H. (2019). The English in Ghana: British, American or hybrid English? *Studies in English Language Teaching*, 7(2), 174–194. <https://doi.org/10.22158/selt.v7n2p174>

Redbird, B., & Escamilla-García, A. A. (2019). Borders within borders: the impact of occupational licensing on immigrant incorporation. *Sociology of Race and Ethnicity*, 6(11), 22–45. <https://doi.org/10.1177/2332649219833708>

Russell, V., & Boromisza-Habashi, D. (2020). The global circulation of discursive resources and the lived experience of globalization. *Annotations of International Communications Association*, 44(2), 101–119. <http://doi.org/10.1080/23808985.2019.1709530>

Trivinho, E. (2021). O que é glocal? Sistematização conceitual e novas considerações teóricas sobre a mais importante invenção tecnocultural da civilização mediática. *Matrizes*, 2(16), 45–68. <https://doi.org/10.11606/issn.1982-8160.v16i2p45-68>

Wolf, J. (2021). Linguistic perceptions on Spanglish discourse settings: Processes of divergence in constructing identity. In M. Bouzouita, R. Enghels & C. Vanderschueren (Eds.) *Convergence and divergence in Ibero-Romance across contact situations and beyond* (pp. 179–208). Walter De Gruyter GmbH.

References

Gradilla, A., & Bustamante, J. J. (2020). Rethinking lowrider artistic representations: an aesthetic response to social exclusion. *Humanity & Society*, 44(4), 403–421. <https://doi.org/10.1177/0160597620932884>

Jaafar, S. T., Buragohain, D., & Haroon, H. A. (2019). Differences and classifications of borrowed and loan words in linguistics context: a critical review. In I. Suryani & D. Buragohian (Eds.) *International Languages and Knowledge-Learning in a Changing World* (pp. 95–112). UniMAP Press.

Kachru, B. (2020). Linguistics and world englishes. In D. Schreier, M. Hundt & E. W. Schneider (Eds.) *The Cambridge Handbook of World Englishes* (P. 309–584). Cambridge University Press.

Murugova, E., Semenova, M., Shirina, E., & Gaybarian, O. (2022). Linguistic and socio-cultural adaptation of foreign students at university. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 363, 04031. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202236304031>

Mühlhäusler, P. (2019). *Revisiting greenspeak. The second cognitive revolution: A tribute to Rom Harré*. Springer Nature.

Newbold, B. K. (2020). The economic geography of cross-border migration. In K. Kourtit, B. Newbold, P. Nijkamp & M. Partridge (Eds.) *The Urban Geography of Segregation* (pp. 293–306). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-48291-6_13

Nikitina, E. S. (2006). Semiotic approach in psycholinguistics. *Approach in Psycholinguistics*, 4, 54–64. (In Russ.)

Oh, I., & Jang, W. (2020). From globalization to glocalization: configuring Korean pop culture to meet glocal demands. Culture and Empathy. *International Journal of Sociology, Psychology, and Cultural Studies*, 3(12), 23–42. <http://doi.org/10.32860/26356619/2020/3.12.0003>

Okoh, H. (2019). The English in Ghana: British, American or hybrid English? *Studies in English Language Teaching*, 7(2), 174–194. <https://doi.org/10.22158/selt.v7n2p174>

Redbird, B., & Escamilla-García, A. A. (2019). Borders within borders: the impact of occupational licensing on immigrant incorporation. *Sociology of Race and Ethnicity*, 6(11), 22–45. <https://doi.org/10.1177/2332649219833708>

Russell, V., & Boromisza-Habashi, D. (2020). The global circulation of discursive resources and the lived experience of globalization. *Annotations of International Communications Association*, 44(2), 101–119. <http://doi.org/10.1080/23808985.2019.1709530>

Trivinho, E. (2021). O que é glocal? Sistematização conceitual e novas considerações teóricas sobre a mais importante invenção tecnocultural da civilização mediática. *Matrizes*, 2(16), 45–68. <https://doi.org/10.11606/issn.1982-8160.v16i2p45-68>

Ter-Minasova, S. G. (2008). *Language and intercultural communication*. Slovo. (In Russ.)

Ufimtseva, N. V. (2006). Ethnopsycholinguistics: yesterday and today. *Approach in Psycholinguistics*, 4, 92–100. (In Russ.)

Wolf, J. (2021). Linguistic perceptions on Spanglish discourse settings: Processes of divergence in constructing identity. In M. Bouzouita, R. Enghels & C. Vanderschueren (Eds.) *Convergence and divergence in Ibero-Romance across contact situations and beyond* (pp. 179–208). Walter De Gruyter GmbH.

Об авторах:

Марина Юрьевна Семенова, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой интегративной и цифровой лингвистики, Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, ул. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), mosap-spo@yandex.ru

Янина Самволовна Морозова, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры интегративной и цифровой лингвистики, Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, ул. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), yanina.frost@mail.ru

Елена Сергеевна Руденко, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры интегративной и цифровой лингвистики, Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, ул. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), rudenkoelena1988@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Marina Yurievna Semenova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Integrative and Digital Linguistics, Don State Technical University (1, Gagarina Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), mosap-spo@yandex.ru

Yanina Samvelovna Morozova, Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor, Associate Professor, Department of Integrative and Digital Linguistics, Don State Technical University (1, Gagarina Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), yanina.frost@mail.ru

Elena Sergeevna Rudenko, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Associate Professor, Department of Integrative and Digital Linguistics, Don State Technical University (1, Gagarina Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), rudenkoelena1988@yandex.ru

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 30.05.2025

Поступила после рецензирования / Revised 28.09.2025

Принята к публикации / Accepted 17.10.2025